

Н. С. КРОВЯКОВ

«ЛЕДОВЫЙ ПОХОД»
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА
В 1918 ГОДУ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

МОСКВА-1955

Н. С. КРОВЯКОВ

«ЛЕДОВЫЙ ПОХОД»
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА
в 1918 году

*(К истории первой стратегической операции
Советского Военно-Морского Флота)*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1955

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы советскими историками опубликован ряд работ, посвященных исследованию отдельных вопросов истории советского флота и военно-морского искусства, в том числе и вопросов боевой деятельности военных флотилий в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Однако многие проблемы до сих пор остаются еще мало изученными.

К числу вопросов, не привлечших до последнего времени серьезного внимания историков, относится одно из важнейших событий в истории Советского Военно-Морского Флота, известное под названием «Ледового похода» Балтийского флота в 1918 году.

В исключительно сложной и трудной обстановке первого полугодия существования Советской власти, когда только начиналось создание Советских Вооруженных Сил, под руководством Коммунистической партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина была проведена стратегическая операция по перебазированию Балтийского флота в восточную часть Финского залива. В результате успешного проведения этой операции был сорван замысел международной империалистической реакции, намеревавшейся лишить нашу страну Балтийского флота и нанести этим тяжелый удар обороне революционного Петрограда в момент нападения на Советскую республику кайзеровской Германии.

В результате этой операции, осуществленной в феврале — мае 1918 года, были спасены основные силы Балтийского флота, что имело решающее значение как для

создания морских сил Советского государства на Балтийском море, так и для обеспечения других флотов и флотилий кораблями, техникой и кадрами в период гражданской войны и после нее.

Операция, в ходе которой был совершен переход всех основных сил Балтийского флота из Ревеля и баз Финляндии в Кронштадт и Петроград, является беспримерной в истории военных флотов мира. Во время перехода были преодолены огромные трудности, вызванные как ледовой обстановкой, так и условиями международного и внутреннего военно-политического положения, в котором тогда находилось Советское государство.

Американские, английские и германские империалисты в целях ослабления Советского государства стремились лишить Советскую республику флота на Балтике путем всевозможных попыток захвата или ликвидации кораблей и военного имущества. Поэтому операция проводилась в условиях явного и скрытого сопротивления агентуры и пособников империалистов внутри флота в лице контрреволюционного офицерства, троцкистов, эсеров, анархистов и других врагов партии и советского народа.

Кроме того, проведение операции осложнялось состоянием Балтийского флота в начале 1918 года, когда значительная часть личного состава флота по приказу Советского правительства оставила корабли и сражалась на фронтах гражданской войны, а сами корабли нуждались в серьезном ремонте после напряженной боевой деятельности в годы первой мировой войны.

Несмотря на все эти трудности, Балтийский флот был спасен. Выполнение операции оказалось возможным благодаря революционному энтузиазму и патриотизму матросских масс Балтийского флота и руководству Центрального Комитета партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина.

Являясь одним из важнейших событий в истории Советского Военно-Морского Флота, эта операция представляет значительный интерес и в специальном отношении, так как ее опыт может оказаться полезным при разработке методов действия военно-морских сил в условиях ледовой обстановки.

Однако, несмотря на актуальность этой темы в военно-историческом и в оперативном отношении, вопрос о «Ледовом походе» Балтийского флота до настоящего времени

не изучен глубоко и освещен лишь в небольшом количестве журнальных статей и популярных брошюр, главным образом юбилейного характера.

Все опубликованные до настоящего времени работы о «Ледовом походе» рассматривают его не как стратегическую операцию по перебазированию флота, а только как переход флота в сложных навигационно-гидрографических условиях. Большинство работ имеет описательный характер, лишено элемента оперативного анализа и страдает многими другими недостатками. Важнейшими из них являются: описание «Ледового похода» без необходимой связи с международным и внутренним положением Советской республики в тот период, без показа зависимости судьбы Балтийского флота от событий, связанных с заключением Брестского мира; недооценка решающей роли Коммунистической партии и Советского правительства в деле спасения Балтийского флота; слабый показ роли местных партийных организаций флота; фактические ошибки и неточности. Обстановка, вызвавшая решение Советского правительства о перебазировании флота, излагается крайне упрощенно и сводится лишь к угрозе захвата флота германскими империалистами. Совершенно замалчивается при этом роль лагеря международной реакции в лице империалистов США, Англии, Франции и других стран.

Первой по времени работой о «Ледовом походе» является статья П. Д. Быкова «Переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт зимой 1918 года», опубликованная к пятилетию этого события в журнале «Морской сборник» в 1923 году (№ 11, стр. 13—29).

В статье П. Д. Быкова использованы архивные материалы и собственные воспоминания, так как автор был участником «Ледового похода». Статья писалась вскоре после рассматриваемых событий, что позволяло достаточно полно и точно осветить их.

Однако многие важные вопросы не получили в статье П. Д. Быкова правильного освещения. В этом отношении весьма показательным редакционное вступление к статье П. Д. Быкова, в котором говорится буквально следующее: «...Автор ярко и беспощадно, на основании документов, рисует то положение развала и падения дисциплины, в котором пребывал в это время материальный и личный состав флота,

Переход в Кронштадт застал Балтийский флот в период того критического его состояния, когда ликвидированному старому порядку еще не пришел на смену новый. Это была пора судовых комитетов и прочих демократических начал, пора, — когда знаменитый «приказ № 1»¹, разрушивший старую армию, продолжал свое действие, когда личный состав старого флота... был формально уже распущен, новой же кристаллизации Красного флота еще не было и следов. На фоне всего этого и следует рассматривать то «состояние хаоса», которое излагается автором...» (стр. 14, разрядка моя. — Н. К.).

В статье П. Д. Быкова совершенно не показана руководящая роль Коммунистической партии в деле спасения Балтийского флота; ни слова не сказано о вредительской деятельности Щастного. Статья имеет описательный характер и освещает лишь события, связанные с переходом кораблей в ледовых условиях.

Следующая по времени статья о «Ледовом походе» появилась в 1933 году к 15-й годовщине этого события, также в «Морском сборнике» (№ 4, стр. 94—103).

Эта статья, составленная коллективом авторов Военно-Морской Академии имени К. Е. Ворошилова (Арапов, Калмыков, Палилов) под руководством Ю. А. Пантелеева (ныне адмирал), представляет собой, несмотря на ее краткость и ограниченность использованных материалов, значительный шаг вперед по сравнению со статьей П. Д. Быкова.

В ней «Ледовый поход» показывается уже в связи с международным и внутренним положением Советской республики в тот период, в частности в связи с планами германских империалистов по захвату Петрограда. В статье отмечается руководящая роль Коммунистической партии и Советского правительства в деле спасения Балтийского флота. Авторы, хотя и без достаточной конкретизации, показывают контрреволюционную деятельность изменника Щастного и его сообщников. Достоинством

¹ Имеется в виду изданный Временным правительством 1 марта 1917 года под давлением революционных масс приказ о демократизации старой царской армии и флота, о котором Керенский впоследствии говорил, что он «отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ вовсе не был подписан» («История гражданской войны в СССР», т. 1, 2-е изд., 1939, стр. 70).

статья является также наличие в ней элементов оперативного анализа и некоторых выводов в области военно-морского искусства.

Вместе с тем авторы ее рассматривают «Ледовый поход» не как операцию, а лишь как переход флота в ледовых условиях, и допускают ряд фактических ошибок и неточностей.

Через пять лет после опубликования вышеуказанной статьи, в 1938 году, в журнале «Морской сборник» (№ 4, стр. 76—87) появилась статья Б. Звонарева и В. Баранчука «Ледовый поход» (к 20-й годовщине перехода флота из Гельсингфорса в Кронштадт).

Принципиальные положения этой статьи не отличаются от предыдущей. В статье использован ряд новых материалов, в том числе воспоминания участников, что позволило авторам более конкретно осветить некоторые вопросы, в частности враждебную деятельность контрреволюционного офицерства. Авторы впервые отмечают значение спасенного Балтийского флота для укрепления обороны страны.

Следующей по времени появления в печати работой, посвященной «Ледовому походу», явилась одноименная брошюра писателя Е. Юнги, изданная в 1941 году Военно-морским издательством и в 1948 году в несколько измененном виде — Центральным военно-морским музеем в Ленинграде. Указанная работа является художественно-публицистическим очерком, и поэтому характеристика ее не входила бы в задачу автора, если бы в 1951 году последнее издание брошюры не было повторено в несколько сокращенном виде в сборнике статей «Советское военно-морское искусство» (стр. 76—92), изданном Военно-морским издательством под редакцией кандидата военно-морских наук капитана 1 ранга Р. Н. Мордвинова.

Очерки Е. Юнги отличаются от предшествующих работ богатством фактического материала, используя который автор рисует яркую картину событий, связанных с борьбой за спасение Балтийского флота. К сожалению, почти полное отсутствие ссылок на источники часто не позволяет определить степень достоверности сообщаемых автором фактов.

Последней популярной работой о «Ледовом походе» является брошюра В. И. Сапожникова «Подвиг балтийцев в 1918 году», изданная в 1954 году Воениздатом. От

предшествующих работ она отличается более обстоятельным освещением международной и внутренней обстановки, в которой проводилась операция, и значения перехода Балтийского флота для укрепления обороны нашей страны. В ней «Ледовый поход» определяется уже как операция, но автор никак не обосновывает эту точку зрения и по существу остается на позициях своих предшественников.

Однако взгляд на «Ледовый поход» лишь как на переход флота в ледовых условиях распространен не только в массово-популярных работах. Подобную трактовку мы видим даже в таких научных изданиях, как Большая Советская Энциклопедия (2-е изд.), в 4-м томе которой, в статье «Балтийский флот», и в 18-м томе, в статье «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР 1918—1920 гг.», указывается, что «Ледовый поход» является переходом Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, причем событие это относится к марту — апрелю 1918 года, хотя фактически операция по перебазированию флота, включавшая в себя не только переход флота, но и ряд других мероприятий, охватывает период с 17 февраля до второй половины мая 1918 года. Теми же недостатками страдает и статья «Ледовый поход Балтийского флота 1918 г.», помещенная в 24-м томе Большой Советской Энциклопедии.

Впервые взгляд на «Ледовый поход» как на стратегическую операцию по перебазированию флота был высказан и обоснован в ряде официальных документов адмиралом флота профессором И. С. Исаковым, который был участником «Ледового похода» и позднее в течение ряда лет изучал это событие. Ценные указания, советы и материалы И. С. Исакова во многом помогли автору этой книги.

Настоящая работа написана на основе изучения архивных, в значительной части неопубликованных, материалов, а также печатных источников, важнейшими из которых являются труды В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Ценные данные получены от участников «Ледового похода», предоставивших автору имевшиеся у них документы и записи и поделившихся воспоминаниями о событиях, свидетелями которых они являлись.

Пытаясь обосновать взгляд на «Ледовый поход» как на стратегическую операцию по перебазированию флота,

автор тем не менее не отказывается от данного термина, твердо установившегося в нашей литературе, но расширяет его смысл, вкладывает в него новое содержание, подразумевая под «Ледовым походом» не просто переход флота из одной части Финского залива в другую, а стратегическую операцию по перебазированию флота.

Рассматривая «Ледовый поход» как стратегическую операцию, нельзя забывать, что она проводилась в момент, когда оперативного искусства в современном его виде еще не существовало, оно только начинало складываться и развиваться. Надо учитывать также, что данная операция не являлась типовой, а была операцией особого вида (операция по перебазированию) и отличалась своеобразием обстановки, условий и методов ее проведения. Поэтому, применяя к изучению «Ледового похода» современные методы оперативного анализа, автор исходил из того, что для правильного понимания исследуемых явлений в конкретных исторических условиях начала 1918 года современные оперативные понятия, оценки, термины не могут применяться механически, но допустимы лишь с известной степенью условности.

Данная работа далеко не исчерпывает многих важных вопросов, связанных с «Ледовым походом». К числу подобных вопросов относится, например, партийно-политическое обеспечение операции. Этот вопрос разобран в настоящей работе лишь в самом общем виде, что объясняется ограниченным количеством материалов о нем. Незавершенным остается изучение операции как в отношении фактической стороны, так и в отношении оперативно-тактического анализа. Несомненно, что дальнейшее изучение «Ледового похода» внесет много нового и ценного в историю Советского Военно-Морского Флота и военно-морского искусства.

ГЛАВА I

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА БАЛТИЙСКОМ ТЕАТРЕ В НАЧАЛЕ 1918 ГОДА

1. Балтийский флот — цитадель большевистской партии

Военно-политическая обстановка на Балтийском театре и состояние Балтийского флота в начале 1918 года, а также роль матросских масс в успешном выполнении боевого задания Коммунистической партии и Советского правительства по перебазированию флота в восточную часть Финского залива не могут быть достаточно выяснены без краткого обзора важнейших событий революционной борьбы моряков Балтийского флота, предшествовавших проведению «Ледового похода». Поэтому описанию обстановки, сложившейся непосредственно к началу проведения операции по перебазированию флота, необходимо предпослать характеристику Балтийского флота в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания и триумфального шествия Советской власти.

В течение многих лет, предшествовавших Октябрю 1917 года, большевистская партия упорной и терпеливой работой в трудных условиях подполья добивалась перехода армии и флота на сторону народа.

Успешное распространение влияния большевиков среди балтийцев являлось следствием того, что подавляющее большинство матросов набиралось из рабочих, причем наиболее грамотных, преимущественно из металлистов. Многие из них до призыва во флот уже участвовали в политической борьбе. Большое значение для быстрого привлечения балтийских матросов на сторону большевистской партии имела близость основных баз флота к центру революционной борьбы — Петрограду.

В повседневной службе матросы широко были связаны с рабочими промышленных городов Прибалтики и Петрограда, шедшими в авангарде революционной борьбы. Все эти обстоятельства способствовали ускорению большевизации матросских масс Балтики.

Руководимые большевистской партией, матросы Балтийского флота в первые же дни февральской буржуазно-демократической революции 1917 года перешли на сторону восставшего народа.

Перед большевистской партией встала задача — разъяснить опьяненным первыми успехами рабочим и солдатским массам, что для полной победы революции необходимо сделать еще шаг вперед и передать власть Советам.

Петроградский комитет принял решение послать во флот группу партийных работников для усиления политической и организационной работы среди солдат и матросов. В марте 1917 года в Гельсингфорс и Кронштадт были направлены Б. Жемчужин, С. Рошаль, Пелихов и др.

Борису Алексеевичу Жемчужину (родился 30 декабря 1896 года в г. Шлиссельбурге, ныне Петрокрепость), бывшему студенту Петербургского технологического института, который в годы первой мировой войны проявил себя выдающимся агитатором, была поручена особенно важная задача — организация большевистской печати в Балтийском флоте. Жемчужин блестяще выполнил задание партии. В короткое время под его руководством было налажено издание в Кронштадте первой большевистской газеты — «Голос Правды». Вскоре по решению Петроградского комитета партии Жемчужин был послан в Гельсингфорс, где 30 марта 1917 года вышел первый номер созданной при его участии большевистской газеты «Волна». С первых же дней выпуска эта газета, редактором которой стал Жемчужин, взяла твердый курс на большевизацию флота. На ее страницах печатались статьи В. И. Ленина, И. В. Сталина, документы ЦК большевистской партии, очерки А. М. Горького, стихи Д. Бедного.

«Голос Правды», «Волна» и газета большевиков Ревельской базы «Утро Правды» пропагандировали политику большевистской партии, разъясняли ее тактику по отношению к Временному правительству, разоблачали

контрреволюционную политику прислужников буржуазии — меньшевиков и эсеров.

Сразу же после февральской революции на кораблях и в береговых частях флота были созданы выборные комитеты. Хотя формально их деятельность была ограничена вопросами административно-хозяйственного и бытового порядка, комитеты, опираясь на поддержку матросов и руководствуясь указаниями большевистской партии, постепенно все более ограничивали власть офицеров и все шире контролировали их деятельность.

Во второй половине апреля по предложению матросов-большевиков матросская секция Гельсингфорского Совета постановила образовать при штабе командующего Балтийским флотом Центральный Комитет Балтийского флота (Центробалт), в который вошли представители судовых комитетов и береговых частей. Центробалт провозгласил себя «высшей инстанцией, без одобрения которой ни один приказ, касающийся Балтийского флота, не может иметь силы»¹. Основная задача Центробалта состояла в объединении деятельности судовых комитетов.

Контрреволюционное офицерство флота отнеслось к созданию судовых и береговых матросских комитетов с нескрываемой злобой и раздражением. Не имея возможности вступить с матросскими комитетами в открытую борьбу, офицеры приступили к созданию своих контрреволюционных организаций, маскировавшихся «республиканской» и «демократической» формой и стремившихся подчинить своему влиянию матросские массы.

В Гельсингфорсе 10 марта при участии капитана 2 ранга князя Черкасского, Щастного, Ренгартена и других офицеров был организован «Республиканский союз офицеров и матросов». Истинной целью его было подавление революционного движения во флоте. Однако контрреволюционная сущность союза маскировалась буржуазной демагогией. Так, в выпущенном воззвании союз обещал «помочь народу установить в России республиканский строй», но «чтобы дожить до желанной республики,— говорилось в воззвании,— надо не ослабить военную мощь страны и отразить все удары Герма-

¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. Р-29, д. 37, л. 18.

нии»; далее следовал призыв: «Офицеры, матросы и солдаты, крепко объединимся, как братья».

В Кронштадте 15 марта организовался «Союз республиканцев-офицеров армии и флота крепости Кронштадт», объявивший аналогичную гельсингфорсской офицерской организации программу.

В Ревеле в конце марта был создан «Союз морских офицеров г. Ревеля» («Смор»). Эта контрреволюционная организация, пользуясь временным преобладанием в комитетах соглашательских меньшевистско-эсеровских элементов, развернула широкую шовинистическую пропаганду «войны до победного конца». «Смор» принял участие в заседаниях «Всероссийского съезда офицерских депутатов» в ставке, задачей которого по существу было объединение военных сил контрреволюции.

Почти одновременно со съездом в ставке в мае 1917 года в Петрограде происходил Всероссийский съезд офицеров армии и флота, созданный «Петроградским советом офицерских депутатов». Политическая физиономия этой организации исчерпывающе определяется принятой 15 апреля резолюцией, которая объявляла «деятельность Ленина и его приверженцев вредной и опасной для государства и народной свободы»¹.

Эти и другие контрреволюционные организации офицеров флота, быстро провалившись в попытках подчинить своему влиянию матросские массы, вынуждены были прекратить легальную деятельность. Но, уйдя в подполье, они стали центрами всякого рода провокаций, шпионажа и подготовки мятежей.

Среди членов Центробалта были представители различных партий, но решающим влиянием в нем, так же как и в большинстве судовых и береговых комитетов, пользовались большевики. В короткое время они стали подлинными руководителями матросских масс Балтийского флота.

После Апрельской конференции, направившей партию на борьбу за переход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической, большевики уделили большое внимание разъяснению ее решений среди матросских масс Балтийского флота. 8 (21) мая 1917 года

¹ Брошюра «Петроградский совет офицерских депутатов армии и флота» № 1, Петроград, Издание Совета, 1917, стр. 16.

В. И. Ленин выступил на партийном собрании в Морском корпусе перед рабочими и матросами с докладом о работе конференции и ее решениях¹.

В результате настойчивой и терпеливой работы большевиков недоверие матросов к Временному правительству быстро росло.

20 апреля общее собрание кронштадтской партийной организации, обсудив вопрос об отношении к Временному правительству, постановило: «Отказывая Временному правительству в какой бы то ни было поддержке, разоблачать все контрреволюционные шаги его»².

Еще более решительно высказали революционные моряки Балтики свое отношение к Временному правительству в июньские и июльские дни 1917 года.

Более десяти тысяч матросов приняли участие в грандиозной демонстрации петроградского пролетариата. Контрреволюция хотела тогда спровоцировать вооруженное восстание, чтобы разгромить авангард революции, но партии удалось удержать массы от преждевременного вооруженного выступления.

После разгрома июльской демонстрации Временное правительство начало наступление против революционных матросов Балтийского флота. Были арестованы многие члены Центробалта и матросы.

13 июля в Ревеле были закрыты эстонская большевистская газета «Книр» («Луч») и матросская газета «Утро Правды». В тот же день была закрыта газета Кронштадтского комитета РСДРП(б) «Голос Правды», а 16 июля — газета Гельсингфорского комитета РСДРП(б) «Волна». Однако уже на другой день после закрытия «Голоса Правды» большевики Кронштадта начали выпуск новой газеты под названием «Пролетарское дело». Вместо «Волны» вскоре стала выходить, попрежнему под редакцией Б. А. Жемчужина, газета «Прибой», а вместо «Утра Правды» в Ревеле — «Звезда».

Преследования и репрессии со стороны Временного правительства приводили к тому, что матросы еще теснее смыкали ряды вокруг большевистской партии. Отношение революционных моряков к буржуазному Времен-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 3, т. XX, стр. 713.

² «Голос Правды» № 31, 22 апреля (5 мая) 1917 г.

ному правительству становилось все более непримиримым.

Особенно последовательную и твердую позицию занимали кронштадтские моряки. «Кронштадт был крепостью большевистской партии, где давно уже не признавалась власть Временного правительства»¹.

Эсеры и меньшевики, показавшие свое истинное лицо в июльские дни, с каждым днем теряли влияние среди матросов. Многие из примыкавших ранее к меньшевикам и эсерам матросов теперь становились на путь разрыва с соглашателями и вступали в большевистскую партию.

VI съезд партии, рассматривая Балтийский флот как одну из решающих сил революции, направил в Кронштадт свою делегацию, в составе которой были товарищи Джапаридзе, Володарский, Вера Слуцкая. Вместе с делегатами съезда в Кронштадт выехали рабочие Петрограда, Сестрорецка. На многотысячных митингах и собраниях рабочих, солдат и матросов большевики разъясняли решения съезда, которые встретили горячее одобрение революционной Балтики.

Буржуазия, захватив после июльских событий всю полноту власти в свои руки, начала готовиться к полному разгрому Советов и установлению открытой военной диктатуры. К этой же цели были направлены усилия дипломатических представителей США, Англии, Франции и других государств. Они приняли активное участие в подготовке и проведении контрреволюционного мятежа Корнилова в августе 1917 года.

По зову Коммунистической партии революционные матросы вместе с рабочими и солдатами выступили с оружием в руках на борьбу с Корниловым.

28 августа Кронштадтский Совет принял решение об отправке на помощь рабочим Петрограда 5000 вооруженных матросов и солдат. Были отправлены также отряды для усиления форта Красная Горка и охраны района Петергоф — Ораниенбаум. Одновременно начала создаваться Красная гвардия, в ряды которой в эти дни записалось около 4000 рабочих Кронштадта.

В Гельсингфорсе 28 августа по инициативе большевиков постановлением Гельсингфорского Совета совместно с Областным комитетом Финляндии, Областным крестьян-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 199.

ским Советом, Центробалтом и судовыми и полковыми комитетами был создан особый Революционный комитет, которому было поручено руководство борьбой против контрреволюционного выступления Корнилова и даны неограниченные для этого полномочия.

По приказу Революционного комитета во все штабы и органы управления флота были назначены комиссары Революционного комитета, которые, опираясь на матросов и солдат, решительно пресекали контрреволюционные действия офицеров. На всех кораблях и в частях были выделены представители для связи с Революционным комитетом и его комиссарами. Ни одно приказание командного состава не выполнялось без подтверждения комиссара¹.

В помощь петроградскому пролетариату были отправлены из Гельсингфорса четыре эскадренных миноносца и из Ревеля — два эскадренных миноносца. Прибывшие в Петроград матросы и солдаты взяли под охрану вокзалы, почтамт, центральную телефонную станцию, Адмиралтейство, мосты и другие важные объекты. Объединенными усилиями рабочих Петрограда, солдат и матросов корниловский мятеж был подавлен.

Быстрый разгром корниловщины наглядно показал рост сил революции и обреченность лагеря контрреволюции. Большевицкая партия, проявившая себя как решающая сила революции в борьбе с корниловщиной, завоевала огромное влияние в Советах и среди широчайших масс трудящихся города и деревни.

Началась полоса большевизации Советов. Под лозунгом «Вся власть Советам!» партия развернула работу среди рабочих, солдат и матросов Балтийского флота.

Корниловский мятеж чрезвычайно обострил политическое положение в Балтийском флоте. Матросы и солдаты требовали ареста всех контрреволюционеров и строгого суда над ними, изгнания из правительства представителей буржуазии, освобождения из тюрем большевиков. Матросы линейных кораблей «Полтава», «Гангут», «Петропавловск», «Севастополь», «Слава», крейсеров «Рюрик», «Олег», «Богатырь», личный состав других кораблей и частей в своей резолюции осудили Временное

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 359, оп. 1, д. 3, л. 267.

правительство, которое «ведет борьбу с левым крылом, арестовывает его вождей, не допускает критики своих действий», требовали беспощадной борьбы с контрреволюцией, «передачи власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов... законодательного утверждения 8 час. рабочего дня, объявления земли народным достоянием, введения контроля над промышленностью... выбора начальников в армии и флоте... освобождения политических борцов...»¹

Революционные моряки Балтийского флота неудержимо шли к социалистической революции. Они отказывались далее признавать власть Временного правительства и требовали передачи всей власти Советам.

19 сентября Центробалт на совместном заседании с судовыми комитетами 80 судов и матросской фракцией Гельсингфорского Совета принял решение, в котором говорилось, что флот «больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает»².

В тот же день резолюция о неподчинении Временному правительству была принята на заседании Финляндского Областного комитета армии, флота и рабочих, Гельсингфорского Совета и представителей судовых, полковых и ротных комитетов³.

26 сентября Кронштадтский Совет по предложению фракции большевиков вынес резолюцию, разоблачающую контрреволюционную политику Временного правительства. В резолюции говорилось: «Кронштадтский гарнизон и рабочие правительству предательства революции решительно отказывают в какой бы то ни было поддержке»⁴.

25 сентября в Гельсингфорсе открылся II съезд представителей Балтийского флота, на котором собрались делегаты от 60 тысяч матросов. Съезд сыграл важную роль в подготовке балтийских моряков к вооруженному восстанию и в деле мобилизации флота на отпор германским империалистам.

Съезд потребовал немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и заявил, что «...безответственному...

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-95, д. 5, л. 63.

² Там же, ф. Р-95, д. 21, л. 68.

³ Там же, ф. 558, д. 26, л. 212.

⁴ «Известия Кронштадтского Совета» № 156, 27 сентября 1917 г.

министерству... доверия от революционного Балтийского флота не будет ни на поту»¹.

Съезд принял решение о введении института комиссаров при штабах, соединениях и в береговых частях для осуществления контроля за всей, в том числе и оперативной деятельностью и секретной перепиской офицерского состава. Предоставление комиссарам самых широких полномочий означало, что флот фактически перешел под контроль революционных матросов.

И. В. Сталин, анализируя происшедшие во флоте события, на заседании ЦК партии 16 октября 1917 г. заявил: «Флот уже восстал, поскольку пошёл против Керенского»².

После провала попытки отвлечь массы от революционной борьбы путем созыва Демократического совещания внутренняя контрреволюция, опираясь на международную реакцию, подготовила новый заговор против революции.

Временное правительство и контрреволюционеры всех мастей, включая миллионера Рябушинского, помещика Родзянко, генералов Корнилова и Каледина, при активном участии посла США Френсиса, английского посла Бьюкенена и других, разработали чудовищный план удушения пролетарской революции путем сдачи Петрограда и Балтийского флота немцам.

С гениальной прозорливостью В. И. Ленин в своем «Письме Питерской городской конференции» писал:

«Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем?*

Я думаю, что доказывает»³.

Своей самоотверженной борьбой балтийские моряки сорвали преступные замыслы американских, англо-французских и германских империалистов и русской буржуа-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-95, д. 64, л. 136.

² И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 382.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 119.

эти. В Моонзундском сражении они нанесли тяжкие потери германскому флоту.

В то время, когда революционные матросы Балтийского флота и войска 12-й армии героически защищали подступы к Петрограду, партия большевиков вела напряженную гигантскую работу по подготовке вооруженного восстания.

Партия укрепила силы рабочей Красной гвардии (которая к середине октября 1917 года только в Петрограде насчитывала 14 тысяч человек) и провела огромную работу по революционизированию частей старой армии и флота.

Главным органом восстания в Петрограде стал созданный решением ЦК партии 16 октября Партийный центр, являвшийся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете.

Военно-революционным комитетом был детально разработан конкретный оперативный план проведения восстания, предусматривавший активное участие в нем флота.

Согласно плану, условной телеграммой «Высылай устав» был намечен вызов моряков Балтийского флота в Петроград из Гельсингфорса.

Многочисленные указания Ленина, содержащиеся в его статьях, письмах и других документах этого периода, свидетельствуют о глубоком знании им обстановки в финляндских войсках и во флоте, которому он уделял особое внимание при разработке своего гениального плана вооруженного восстания.

В «Письме председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии» 27 сентября (10 октября) 1917 года Ленин писал: «Кажется, единственное, что мы можем *вполне* иметь в своих руках и что играет *серьезную* военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот... *Все внимание* отдать *военной* подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать *тайный* комитет из *надежнейших* военных, обсудить с ним *всесторонне*, собрать... точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 48.

В статье «Кризис назрел», опубликованной 7 (20) октября в газете «Рабочий Путь», В. И. Ленин указывал: «...1) мы можем... ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота...

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира»¹.

В тот же день открылась III Петроградская общегородская конференция большевиков, на которой было представлено 49 478 членов партии. В принятой конференцией резолюции указывалось на необходимость замены правительства Керенского рабоче-крестьянским революционным правительством, ибо только это правительство способно передать землю крестьянам, вывести страну из разрухи и войны².

В письме В. И. Ленина, которое было оглашено на заседании конференции 11 (24) октября, предлагалось: «...Немедленно послать делегацию в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части к югу от Питера и в Москву для агитации за присоединение к этой резолюции и за необходимость быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти Советам»³.

Творчески развивая марксистскую теорию о вооруженном восстании пролетариата, В. И. Ленин 8 (21) октября 1917 года в статье «Советы постороннего» так излагал план вооруженного восстания:

«В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 60—61.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 489.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 122.

ценой *каких угодно* потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*¹.

Большую роль в деле подготовки вооруженного восстания сыграл областной съезд Советов солдатских депутатов Северного района (11—13 октября 1917 года).

Ленин адресовал съезду «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области», написанное 8(21) октября 1917 года. Анализируя политическое положение страны, Ленин показывает, что момент для восстания назрел и что дальнейшее промедление «смерти подобно».

«...Нельзя откладывать, — пишет Ленин, — позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска.

...Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть *Советам обеих столиц*...

Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию.

...Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель...

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть»².

В соответствии с ленинскими указаниями Центральный Комитет партии и штаб восстания — Военно-революцион-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 152.

² Там же, стр. 158—159.

ный комитет — дали боевые задания Балтийскому флоту.

«21 октября во все революционные части войск были посланы большевиками комиссары Военно-революционного комитета. Все дни до восстания в войсковых частях, на фабриках и заводах шла энергичная боевая подготовка. Определенные задания получили также боевые суда — крейсер «Аврора» и «Заря свободы»¹.

В Кронштадте подготовка гарнизона к вооруженному восстанию проводилась под руководством Кронштадтского комитета РСДРП(б) и Кронштадтского Совета, ставшего органом вооруженного восстания. По указанию Ленина большевики кронштадтского гарнизона направили в провинцию 500 агитаторов-моряков, из среды которых вышли такие выдающиеся организаторы, как Николай Пожаров, Павел Хохряков и другие. Созданная большевиками Военно-техническая комиссия учитывала оружие, формировала и готовила отряды Красной гвардии. Были приняты меры к ускорению ремонта кораблей, которые затем участвовали в восстании. Исполком Совета принял решение об эвакуации из Кронштадта Морского инженерного училища, личный состав которого стоял на позиции поддержки Керенского.

В Гельсингфорсе 19 октября был принят «Наказ делегатам Балтийского флота, едущим на II-й Всероссийский съезд Советов». В этом наказе позиция революционных матросов и солдат была определена совершенно четко: уничтожить «предателя и кровожадного хищника революции Керенского», который «ведет страну к гибели». «Мы поручаем вам, представителям Балтики, — говорилось в наказе, — совместно с представителями Черного моря и представителями трудового пролетариата взять власть в свои руки, в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»².

В Ревеле 22 октября власть взял в свои руки Военно-революционный комитет, получивший поддержку и полное доверие гарнизона³.

Днем 24 октября Военно-революционный комитет через радиостанцию крейсера «Аврора» передал приказ:

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 198.

² ЦГАВМФ, ф. Р-95, д. 4, л. 136.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-342, д. 97, л. 402.

привести в боевую готовность гарнизон, охраняющий подступы к Петрограду, не допускать движения к Петрограду контрреволюционных войск, в случае необходимости применяя силу¹.

Восстание началось. 24 октября ночью в Смольный прибыл Ленин, непосредственно взявший в свои руки руководство восстанием.

В Кронштадте во исполнение боевых приказов Военно-революционного комитета, полученных днем и ночью 24 октября, был выделен отряд из 15 кораблей (в том числе линейный корабль «Заря свободы»).

Рано утром линейный корабль «Заря свободы» занял позицию в Морском канале. Отряд матросов с этого корабля расположился на ст. Лигово. Отряд матросов 1-го Балтийского флотского экипажа к 10 часам утра занял железную дорогу Ораниенбаум — Петроград.

Другие корабли заняли указанные им позиции на Неве для охраны мостов и обстрела, в случае надобности, Зимнего дворца, Главного штаба и других пунктов. К этому времени в Петроград прибыл 10-тысячный отряд кронштадтцев, приступивший по указанию Военно-революционного комитета к занятию важнейших объектов.

По получении 24 октября боевого приказа Военно-революционного комитета Центробалт послал в Петроград из Гельсингфорса миноносцы «Забияка», «Страшный» и «Меткий», а из Ревеля — крейсер «Олег» и миноносец «Самсон».

Контрреволюционное офицерство и командование флотом, оказавшись перед фактом восстания, были бессильны предотвратить развитие событий. Попытки саботажа со стороны офицеров и командования решительно пресекались Центробалтом, судовыми комитетами, матросами.

Кроме матросов, отправленных в Петроград на кораблях, Центробалтом был направлен из Гельсингфорса сводный отряд моряков численностью в 4500 человек по железной дороге. По указанию Военно-революционного комитета Центробалт совместно с Гельсингфорским Советом взял под контроль железные дороги, ведущие из Финляндии в Петроград.

¹ История пражданской войны в СССР, т. 2, Госполитиздат, 1947, стр. 210—211.

Одновременно был установлен контроль и над другими дорогами, ведущими в Петроград. Таким образом, указание Ленина «окружить и отрезать Питер» было выполнено точно и быстро.

Утром 25 октября в газете «Рабочий и солдат» было опубликовано написанное Лениным обращение «К гражданам России», сообщавшее о переходе власти в руки Военно-революционного комитета¹. Это обращение еще более подняло революционный энтузиазм рабочих, солдат, матросов. К вечеру 25 октября восставшими были заняты все важнейшие правительственные и военные объекты. В 12 часов отряд кронштадтских матросов под командованием большевика-подпольщика матроса И. Д. Сладкова занял Военный порт и мощную радиостанцию «Новая Голландия».

Вечером 25 октября началось окружение последнего оплота контрреволюции — Зимнего дворца.

В 21 час начался обстрел Зимнего дворца из орудий Петропавловской крепости. В 21 час 45 мин. раздался исторический выстрел крейсера «Аврора» — сигнал к началу штурма дворца. Одновременно по дворцу был открыт огонь из орудий, установленных под аркой Главного штаба. Осаждающие, среди которых были и моряки, под прикрытием ружейно-пулеметного огня устремились на штурм, и в 1 час 50 мин. 26 октября Зимний дворец был взят.

Временное правительство было арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость. Керенскому удалось бежать под американским флагом на автомобиле посольства США. Вооруженное восстание в Петрограде победило. «Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции»².

Заслуги моряков Балтийского флота в Октябрьском вооруженном восстании И. В. Сталин определил следующим образом:

«Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль петроградского гарнизона свелась главным образом к

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 207.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 199.

моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов»¹.

Ночью 26 октября II съездом Советов по докладу Ленина были приняты первые исторические декреты Советской власти — декрет о мире и декрет о земле. Съезд сформировал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина.

Как в дни Октябрьского вооруженного восстания, так и в дни триумфального шествия Советской власти Балтийский флот являлся надежной опорой большевистской партии в подавлении сопротивления свергнутых классов и их партий. Быстро развивавшиеся события потребовали уже в ближайшие дни активного участия в них революционных моряков.

Отвергнув мирные предложения II съезда Советов, американо-английские империалисты развернули бешеную деятельность по организации контрреволюционных сил для борьбы с Советской властью. Керенский и Краснов двинули на Петроград части 3-го конного корпуса. В то же время в самом Петрограде контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции» во главе с эсерами поднял мятеж юнкеров.

Балтийские моряки приняли самое активное участие в ликвидации первого антисоветского мятежа.

27 октября 1917 года В. И. Ленин в разговоре по прямому проводу с Гельсингфорсом потребовал от Центробалта:

1) срочно выслать в Петроград «максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми решиться сражаться», вместе с пулеметами, артиллерией и продовольствием;

2) для защиты подступов к Петрограду немедленно направить в Морской канал линейный корабль и миноносцы, которые должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней².

Приказ вождя был выполнен балтийскими моряками с огромным воодушевлением. 29 октября мятеж юнкеров был ликвидирован.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 154.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 232—234.

Большую работу по мобилизации матросских масс на борьбу за победу и укрепление Советской власти провел Военно-морской революционный комитет, созданный 26 октября 1917 года решением делегатов II Всероссийского съезда Советов, избранных на съезд от флотов и флотилий. Председателем ВМРК был избран матрос Балтийского флота большевик И. И. Вахрамеев.

В то время как под Петроградом происходил разгром контрреволюционных войск Краснова — Керенского, в Москве в конце октября — первых числах ноября шли ожесточенные бои рабочих с контрреволюционными отрядами юнкеров. Последние, захватив Кремль, оказывали упорное сопротивление войскам московского Военно-революционного комитета. На помощь московским рабочим спешили отряды Красной гвардии из ближайших городов.

По указанию Ленина в Москву был послан отряд матросов Балтийского флота, формированием которого занимался член Военно-морского революционного комитета Н. Ховрин. 2 ноября этот отряд вместе с отрядом Красной гвардии и прибывшим из Финляндии 428-м Лодейнопольским полком выехали в Москву в сопровождении двух броневых площадок Путиловского завода, укомплектованных моряками. Когда моряки прибыли в Москву, сопротивление юнкеров было уже сломлено и Советская власть установлена. Прибывшие с отрядом Ховрина матросы-радиисты заняли радиостанцию на Ходынке и обеспечили ее работу для связи с Советским правительством в Петрограде. Вскоре отряд Ховрина был отправлен в Донбасс, где героически дрался с войсками Каледина.

Активное участие балтийские матросы принимали в ликвидации центра контрреволюции на фронте — ставки верховного главнокомандующего генерала Духонина в Могилеве, а также вооруженных очагов контрреволюции в ряде других мест.

6 ноября Военно-революционный комитет Петроградского Совета обратился в Военно-морской революционный комитет с просьбой прислать в его распоряжение толковых и выдержанных матросов для организации боевого отряда на Дону и создания Красной гвардии в Донбассе¹.

¹ Документы Великой пролетарской революции, т. 1, «История гражданской войны», 1938, стр. 191.

12 ноября Военно-морской революционный комитет направил в Архангельск группу балтийцев с задачей организовать там отряд в 1500 матросов и отправить его на Урал и в Сибирь «для укрепления Советской власти и продвижения продовольственных грузов»¹.

В декабре 1917 года отряд матросов Балтийского флота численностью в 600 человек, посланный по приказанию В. И. Ленина под Оренбург, участвовал в разгроме белоказацких банд Дутова.

На Украине в боях против контрреволюционной Центральной рады моряки Балтийского флота сражались в составе сборного отряда красногвардейцев и солдат. 2(15) января 1918 года Ленин приказал Военно-морскому революционному комитету немедленно выделить 2000 матросов для военных действий против буржуазной Рады².

Балтийцы сражались и в Белоруссии против мятежных частей польского корпуса Довбор-Мусницкого, и на Кавказе, и в Туркестане, и в Финляндии. По всей стране были разосланы отряды балтийских матросов, одно появление которых на фронте вызывало у противника панику.

Революционные матросы Балтийского флота, сильные своей организованностью и сплоченностью, отличавшиеся решительностью и безудержной храбростью в боях с врагами Советской власти, являлись цементом, который скреплял бойцов Красной гвардии и первых добровольческих формирований Красной Армии.

В январе 1918 года по указанию В. И. Ленина Военно-морской коллегии было предложено: «В связи с образованием отрядов социалистической армии и предстоящей скорой отправкой их на фронт необходимо в каждый формируемый эшелон добровольцев (состав 1000 человек), в целях спайки их, нарядить по взводу товарищей моряков»³.

Значительную роль сыграли матросы Балтийского флота в борьбе за упрочение Советской власти не только на окраинах страны, но и в центре.

В середине ноября 1917 года по распоряжению Советского правительства балтийцы прекратили деятельность

¹ Документы Великой пролетарской революции, т. 1, стр. 232.

² См. В. И. Ленин, Соч., изд. 3, т. XXIX, стр. 476.

³ Флот нашей Родины, Военмориздат, 1940, стр. 202.

петроградской городской Думы, где концентрировались контрреволюционные силы. В середине января 1918 года при активном участии моряков Балтики был ликвидирован важнейший центр контрреволюции в столице — Учредительное собрание, с помощью которого буржуазия намеревалась совершить контрреволюционный переворот.

18 января, в день открытия Учредительного собрания, все подступы к Таврическому дворцу, где оно заседало, были заняты отрядами Красной гвардии и матросов под командованием А. Железняка. Учредительное собрание отказалось признать Советскую власть и было распущено.

Важнейшее значение в начальный период существования Советского государства приобретала массовая разъяснительная агитационно-пропагандистская работа. Характеризуя ее значение в этот период, В. И. Ленин говорил: «...Гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»¹.

Агитационный отдел Военно-революционного комитета, которым руководил В. М. Молотов, направлял тысячи агитаторов — рабочих, солдат и матросов в города и деревни различных губерний России. Из 653 агитаторов, посланных в провинцию в первые три недели существования Советской власти, более 200 человек были выделены Балтийским флотом. Кроме того, много агитаторов-матросов посылалось непосредственно Центробалтом как по указанию Военно-революционного комитета и партийных организаций, так и по собственной инициативе.

Большинство матросов-агитаторов было коммунистами. Они являлись активными проводниками политики большевистской партии и организаторами Советской власти на местах. Нередко матросы-агитаторы на местах избирались депутатами создаваемых местных Советов и, руководя ими, вели борьбу против кулачества, меньшевиков, эсеров,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 148.

за осуществление революционных преобразований Советской власти.

Большие заслуги принадлежат балтийским матросам в проведении мероприятий по слому старой государственной машины и созданию нового, советского аппарата управления.

Контрреволюционные силы внутри страны, поддерживаемые американскими, английскими и другими империалистами, организовывали массовый саботаж чиновников старого государственного аппарата, дезорганизовывали транспорт и производство, стремились рукою голода удушить Советскую власть.

Партия и Советское правительство мобилизовали лучшие силы рабочих, солдат и матросов для борьбы с саботажем, спекуляцией, вредительством.

В решении Военно-морского революционного комитета, принятом 13 ноября, говорилось: «Морской революционный комитет обещает Совету Народных Комиссаров полную поддержку, предоставив в его распоряжение нужную физическую и техническую силу. Физическая сила — это весь флот, в качестве технической силы могут быть представлены баталеры и писаря Балтийского флота»¹.

Военно-морской революционный комитет направил в распоряжение Народного Комиссариата продовольствия 25 баталеров из школы писарей и судовых содержателей, 20 баталеров с транспортов и часть баталеров старых возрастов срока службы 1905—1907 гг. Эти матросы-хозяйственники заменили саботировавших чиновников.

Для борьбы с саботажем на железных дорогах и со спекуляцией много матросов было назначено комендантами станций. В Москву был отправлен отряд в 500 матросов для борьбы со спекуляцией. В Петрограде в ноябре 1917 года тысячи матросов работали на разгрузке вагонов с продовольствием.

В результате принятых Совнаркомом экстренных мер хлебный паек в Петрограде с 30 ноября 1917 года был увеличен вдвое.

Провалились попытки саботажников развалить работу вновь создаваемого советского государственного аппарата. Великая Октябрьская социалистическая революция, освободив трудящиеся массы от гнета эксплуатации, пробу-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-22, д. 1, л. 14.

дила к активной политической и творческой деятельности широкие народные массы. Из среды рабочих, солдат, матросов, трудовой интеллигенции быстро вырастали талантливые руководители и организаторы в самых различных областях строительства новой свободной жизни.

Немало способных деятелей Советского государства вышло из среды матросов Балтийского флота. Матрос Н. Г. Маркин вел большую работу в Народном Комиссариате иностранных дел, организовывая публикацию тайных дипломатических документов царского правительства. На ответственном дипломатическом посту погиб руководитель кронштадтских большевиков С. Г. Рошаль. В числе 26 бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интервентами, погибли борцы за установление Советской власти в Баку балтийские матросы Н. Полухин и Э. Берг. Народным комиссаром просвещения Крымской республики был балтиец И. А. Назукин, расстрелянный белогвардейцами в 1920 году.

В боях с иностранными интервентами и белогвардейцами погибли талантливые большевистские комиссары и военные деятели матросы Балтийского флота — М. М. Мартынов, П. Д. Хохряков, Б. А. Жемчужин, Н. А. Пожаров и многие другие.

Вместе с рабочими, солдатами и частью интеллигенции, перешедшей на сторону народа, матросы Балтийского флота энергично налаживали работу органов снабжения, связи, транспорта и т. д.

Опытные матросы-телеграфисты из электроминной школы изгнали саботажников с телеграфа и обеспечили надежную связь столицы со страной.

В ноябре 1917 года по предписанию Военно-революционного комитета при Петроградском Совете в распоряжение первого народного комиссара финансов тов. Менжинского было направлено 100 матросов, которые помогли сломить саботаж антисоветски настроенных чиновников¹.

Активное участие принимали балтийцы в наведении твердого революционного порядка в столице. Под руководством особого комитета во главе с К. Е. Ворошиловым отряды рабочих, солдат и матросов ликвидировали попытки организации пьяных погромов и анархистских выступлений в Петрограде.

¹ Документы Великой пролетарской революции, т. 1, стр. 152.

Балтийские матросы активно работали в следственной комиссии при Военно-революционном комитете по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Отряды матросов систематически производили обыски и изъятия оружия в буржуазных кварталах.

Сказанным далеко не исчерпывается громадная работа, проделанная революционными моряками Балтийского флота под руководством большевистской партии по упрочению молодой Советской власти. Однако и приведенные данные свидетельствуют о том, что революционные матросы Балтийского флота заслужили своими делами ту высокую оценку их роли в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания и в борьбе за упрочение Советской власти, которая дана В. И. Лениным и И. В. Сталиным. «...Гражданская война в первой её фазе — за период октябрь 1917 года — весна 1918 года — велась у нас, главным образом, силами рабочих и матросов...»¹

В Октябрьском вооруженном восстании рождался новый флот — Военно-Морской Флот первой в мире социалистической державы, верный соратник и боевой помощник Советской Армии.

2. Международное и внутреннее положение Советской республики в период заключения Брестского мира

В первое время после победы Великой Октябрьской социалистической революции империалисты США, Англии, Франции и других стран рассчитывали свергнуть Советскую власть в нашей стране руками кайзеровской Германии. Сущность стратегии англо-американского империализма в этот период заключалась в стремлении втянуть молодую, не окрепшую еще Советскую республику в войну с Германией, сокрушить Советскую власть германскими штыками и одновременно отвлечь вооруженные силы германского империализма с Западного фронта, чтобы легче и скорее нанести ей решительное поражение.

В меморандуме американской комиссии по изучению условий будущего мира, составленном 22 декабря 1917 года, говорилось: «В настоящее время ввиду поражения России направлением наиболее

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 319.

легкого продвижения Германии должен быть восток. Данный момент является наилучшим временем для Германии, чтобы воспользоваться открывшимися здесь для нее возможностями. Это вполне может побудить ее решиться на жертвы на юго-востоке, на западе, на других континентах и на отдаленных морях с тем, чтобы обеспечить контроль над Россией»¹.

Ввиду продолжавшейся еще войны американские империалисты не видели тогда иного пути порабощения нашей Родины, как с помощью вооруженных сил Германии на западе и Японии на востоке. США хотели поставить нашу страну в значительно более тяжелые условия, чем это сделала Германия по грабительскому Брестскому договору. Согласно последнему германские империалисты отторгли от России Украину и часть Прибалтики. Американские же империалисты согласно составленной госдепартаментом карты «Предлагаемые границы России» предусматривали отторжение Прибалтики, Белоруссии, Украины, Кавказа, Сибири и Средней Азии.

Особенно привлекала американских империалистов Прибалтика. Значение ее как плацдарма для агрессивных действий против Советской России полно и откровенно изложил посол США в Стокгольме Моррис в сообщении государственному секретарю Лансингу: «Лучшим местом для военных действий против большевиков могли бы явиться Балтийские провинции и Финляндия. Их важное географическое положение, их порты и железные дороги, их близость к Петрограду, возможность формирования войск в этих районах, отсутствие укреплений на дорогах к столице... — все говорит в пользу таких операций»².

Стратегия германского империализма состояла в том, чтобы, воспользовавшись военной слабостью Советского государства, оккупировать обширные и важные в экономическом и военном отношении территории — Украину, Белоруссию, Прибалтику, Финляндию, а затем, накопив силы, нанести удар по англо-французским войскам на За-

¹ См. А. Е. Кунина, Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг., Госполитиздат, 1951, стр. 102—103.

² Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia, vol. 1, p. 226. В дальнейшем указывается сокращенно: F. R., 1918, Russia.

падном фронте до прибытия туда значительной помощи со стороны США.

В борьбе с агрессивными замыслами империалистической реакции партия большевиков направила все усилия Советского государства на выход из империалистической войны, на распространение и упрочение Советской власти, на создание и укрепление советского государственного аппарата и ликвидацию старой государственной машины, на приобщение к активной политической жизни миллионов трудящихся масс.

Одновременно советская стратегия ставила перед собой важнейшую задачу — в кратчайший срок ликвидировать те очаги внутренней контрреволюции, которые возникли в основном на окраинах Советской страны, не дать им возможности окрепнуть и объединиться с иностранными интервентами.

С октября 1917 года по январь — февраль 1918 года Советская власть была установлена во всей стране. Распространение власти Советов по территории громадной страны было таким быстрым, что Ленин назвал его «триумфальным шествием» Советской власти.

Осуществленные в этот период мероприятия по ликвидации старого буржуазного государственного аппарата и по созданию нового аппарата Советского государства, уничтожение остатков феодализма, подрыв экономической силы буржуазии и организация нового, советского народного хозяйства значительно упрочили Советскую власть.

Однако положение Советской власти нельзя было считать окончательно упроченным, пока Россия находилась в состоянии войны с Германией и Австрией.

Вопрос о выходе из империалистической войны был главным вопросом, от которого зависела судьба Советской власти. Поэтому партия развернула борьбу за мир с первых же дней победы Октябрьской революции.

Принятый по предложению В. И. Ленина 26 октября (8 ноября) 1917 года II съездом Советов Декрет о мире имел величайшее международное значение. Он выводил Россию из империалистической войны, беспощадно разоблачал разбойничий характер этой войны и наносил сокрушительный удар антисоветским замыслам международной империалистической реакции.

Предлагая единственно справедливый демократический мир между большими и малыми нациями, мир без

аннексий и контрибуций, партия и Советское правительство по-революционному решительно развернули борьбу за мир и дружбу между народами.

Борясь за свое собственное существование, молодая Советская республика в то же время встала на защиту свободы и независимости угнетаемых империализмом стран. Борьба за мир, за прекращение кровавой империалистической бойни отвечала жизненным интересам народных масс во всем мире. Поэтому самоотверженной борьбой за мир Советское государство завоевало глубочайшие симпатии и поддержку трудящихся масс во всех странах.

Иначе отнеслись к мирной политике Советского государства американские и европейские империалисты. Они встретили предложение Советского правительства о заключении всеобщего мира с нескрываемой ненавистью и злобой. 10(23) ноября 1917 года главы военных миссий США, Англии, Франции и других союзных стран, аккредитованные при верховном русском командовании, заявили по поручению своих правительств о непризнании Советского правительства и потребовали продолжения войны, угрожая, в случае отказа, «самыми тяжелыми последствиями» для России.

«Именно англо-французская и американская буржуазия, — говорил В. И. Ленин, — не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно она поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистическую бойню!»¹

После решительного отказа правительств США, Англии и других стран принять наше предложение о мире Советское правительство решило начать мирные переговоры с Германией.

Германия и ее союзники, поставленные ходом войны в тяжелое положение, согласились на переговоры.

Переговоры начались 20 ноября (3 декабря) 1917 года в Брест-Литовске. 22 ноября (5 декабря) было подписано соглашение о перемирии на 10 дней с тем, чтобы 29 ноября переговоры были продолжены.

В Вашингтоне к этому времени уже был выработан план борьбы с Советской Россией путем вовлечения ее в военный конфликт с Германией. В том, что германское

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 46—47.

наступление приведет к падению Советской власти, в Вашингтоне не сомневались. Здесь было известно донесение британского посольства из Петрограда, в котором говорилось: «Если большевики не смогут обеспечить мир, они вряд ли удержат власть на продолжительное время»¹.

Более трех лет Россия, истекая кровью, приковывала к себе свыше половины всех вооруженных сил германского блока. Все решающие операции немецких войск на Западном фронте были сорваны мощными активными действиями русской армии и флота. В самом начале войны русские армии, плохо вооруженные и не закончившие еще мобилизации, спасли Францию, вступив в пределы Восточной Пруссии в тот момент, когда немецкие войска находились в 17 км от французской столицы. В 1916 году мощное наступление русских армий Юго-Западного фронта спасло Италию от разгрома, серьезно облегчило положение французов под Верденом и положило начало общему перелому в ходе войны, заставив германский блок перейти к стратегической обороне на сухопутных фронтах.

Россия несла на себе основную тяжесть империалистической войны. Она потеряла больше солдат, больше территорий, в неизмеримо большей степени, чем ее союзники, расстроила свое хозяйство.

Убедившись, что Россия может выйти из войны и Германия получит возможность сконцентрировать все свои войска на Западном фронте, бывшие союзники России — США, Англия, Франция — начали делать все возможное, чтобы создать Германии благоприятные условия для борьбы с Советской Россией. Они прекратили активные боевые действия против нее, предоставив германскому командованию возможность снимать войска с Западного фронта и перебрасывать их на Восточный фронт.

Одновременно американские империалисты, стремясь не допустить выхода России из войны, пытались прикрыться маской дружелюбия к Советской России, рассчитывая этим обмануть Советское правительство.

В. И. Ленин раскрыл планы американских и англо-французских империалистов. В статье «О революционной фразе» он писал: «Взгляните на факты относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески

¹ F. R., 1918, Russia, vol. I, p. 425.

втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы *теперь* воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом»¹.

Начав мирные переговоры в Брест-Литовске, советская делегация неоднократно приглашала к участию в них страны Антанты, но безуспешно, и Советское правительство было вынуждено вести сепаратные переговоры с германским блоком.

В противоположность советскому предложению о заключении демократического, справедливого мира, мира без аннексий и контрибуций, германские империалисты предъявили грабительские требования.

Германия потребовала отторжения от владений бывшей Российской империи территории размером свыше 150 тысяч квадратных километров, включавшей Польшу, Литву, часть Украины и Белоруссии, Латвии и Эстонии. В руках немцев оставались Моонзундские острова и Рижский залив, что позволяло им контролировать морские пути к Финскому и Ботническому заливам и развивать наступательные операции вглубь Финского залива, против Петрограда. В руки немцев переходили порты Балтийского моря, через которые шло 27 процентов всего морского экспорта и 20 процентов импорта России. Предложенная немцами граница почти не имела естественных рубежей. На берегу Западной Двины, у Риги, оставался плацдарм для наступательных операций Германии, угрожавших правому флангу русской оборонительной линии. Требования Германии создавали угрозу оккупации всей Латвии и Эстонии, угрожали Петрограду и в известной мере Москве. В случае войны с Германией предложенная граница обрекала Россию на потерю территорий в самом начале войны².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 9.

² См. История дипломатии, т. II, Госполитиздат, 1945, стр. 338.

В. И. Ленин настаивал на заключении мира даже на этих тяжелых условиях, считая выход из войны с Германией решающим условием сохранения и укрепления республики Советов.

Измученная трехлетней изнурительной кровопролитной войной, страна нуждалась в передышке. В этих условиях задача советской стратегии состояла в том, чтобы даже ценой временной уступки территории выиграть время для упрочения Советского государства и создания Советских Вооруженных Сил.

Враги партии и Советской власти — Троцкий и «левые коммунисты», все контрреволюционеры от меньшевиков и эсеров до монархистов-белогвардейцев — повели ожесточенную борьбу против В. И. Ленина и его соратников, против мудрой и единственно правильной политики Коммунистической партии по вопросу о мире.

Враги не останавливались перед самыми гнусными и чудовищными средствами. Как было установлено в 1938 году на судебном процессе «правотроцкистского блока», Троцкий, «левые коммунисты» во главе с Бухариным и левые эсеры организовали заговор с целью убийства В. И. Ленина, И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, срыва мирных переговоров и создания контрреволюционного троцкистско-бухаринско-эсеровского правительства.

Несмотря на ведущиеся в Брест-Литовске мирные переговоры, опасность вооруженного нападения германских империалистов не только не исключалась, но, напротив, с каждым днем становилась все вероятнее. Об этом свидетельствовали и самый ход мирных переговоров и ряд других фактов, показывавших, что германские империалисты стремятся сорвать переговоры. Генерал Людендорф, принадлежавший к наиболее агрессивной части руководителей империалистической Германии, в своих воспоминаниях раскрывает картину подготовки вооруженного нападения на Советскую Россию, которая велась одновременно с переговорами о мире.

«Наше военное и продовольственное положение, — писал Людендорф, — требовало заявления о прекращении перемирия, выяснения обстановки и быстрых действий на востоке... Надо было действовать...»¹

¹ Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, ГИЗ, 1924, стр. 132.

В это время против незначительных остатков старой царской армии на Восточном фронте немцы, по данным того же Людендорфа, имели в боевой готовности 39 дивизий, в том числе предназначенную для вторжения в Финляндию Балтийскую дивизию¹. «Разложение русской армии, — пишет Людендорф далее, — быстро продвигалось вперед. Она находилась в состоянии полной дезорганизации и жаждала мира. Таким образом, наше военное положение складывалось в высшей степени благоприятно»².

23 января на совещании в Берлине Гинденбург по настоянию Людендорфа заявил: «Если русские дальше будут затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти...»³

В результате предательских действий Троцкого переговоры о мире были сорваны и Германия получила предложение для возобновления военных действий, решение о которых было принято германским правительством еще на совещаниях 4 и 5 февраля⁴.

16 февраля Германия объявила, что 18 февраля она возобновляет военные действия, нарушив тем самым одно из условий перемирия, требовавшее предупреждения о разрыве за 7 дней. «Немец нас надул: из семи дней он пять украл», — говорил В. И. Ленин на VII съезде партии⁵.

18 февраля австро-германские войска начали наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря.

Обозначились три главных направления наступления: — северное, или петроградское, где действовала армия генерала Кирхбаха в составе 15 немецких дивизий и бригад с нарвской и псковской ударными группировками, которые вели наступление на Петроград с запада через Нарву и с юга через Псков — Чудово; союзники немцев — белофинские войска — должны были захватить Мурманскую железную дорогу и г. Мурманск;

¹ E. L ü d e n d o r f f, *Kriegsführung und Politik*, Berlin, 1922, S. 234.

² Э. Людендорф, *Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.*, т. II, стр. 126.

³ Там же, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 27, стр. 90.

— центральное, или белорусское, где наступала 10-я армия генерала Фалькенгайна в составе 10 немецких дивизий и бригад, имевшая целью захват Белоруссии с последующим ударом через Оршу и Смоленск на Москву;

— южное, или украинское, где наступала армия генерала Линзингена в составе 24 немецких дивизий и бригад и 26 австро-венгерских дивизий, имевшая целью захват Украины, Донской и Ростовской областей, Северного Кавказа и Закавказья.

Характеризуя военно-политическую обстановку, в которой очутилась Советская республика в связи с начавшимся 18 февраля наступлением германских войск, В. И. Ленин в речи на VII съезде партии указывал: «От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения... ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности»¹.

Старая, развалившаяся царская армия не могла устоять против вооруженных полчищ германского империализма и отходила под ударом германской армии. За три дня наступления немцы захватили огромную территорию, в три раза превышавшую ту, которая была ими занята за три года войны.

Германские империалисты заранее торжествовали. Как сообщалось из Стокгольма 20 февраля, официальные представители и частные лица из Германии «держат пари, что Петроград будет занят немцами не позднее, чем через 6 недель; называют фамилии немцев, живших до войны в Петрограде, пославших депешу 6 февраля родным и знакомым в Петроград о своем скором прибытии туда»². Сообщалось также, что «немцы усиленно соби-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 71—72.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, л. 415, л. 93.

рают сведения о деятельности и производительности Путиловского завода» и что немцами обещано прислать Финляндии «по восстановлению в ней порядка 25 000 тонн хлеба из Украины»¹.

В первый же день наступления по решению ЦК партии германскому правительству была послана телеграмма о немедленном заключении мира. Но немцы, выдвинув еще более тяжелые условия, продолжали наступление даже после получения ими 23 февраля согласия Советского правительства на новые требования.

Над Советской республикой нависла величайшая опасность.

19 февраля Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина обсудил вопрос об организации обороны и о внешней политике в связи с начатым Германской наступлением².

21 февраля было опубликовано воззвание «Социалистическое отечество в опасности», в котором партия и Советское правительство призывали народ к организации отпора вражескому нашествию.

В ответ на призыв Коммунистической партии и Советского правительства трудящиеся нашей Родины поднялись на борьбу с немецкими захватчиками.

В эти трудные дни моряки Балтийского флота еще теснее сплотились вокруг партии. Многочисленные резолюции, принятые на собраниях и митингах личного состава кораблей и береговых частей, свидетельствовали об огромном политическом подъеме и непоколебимой решимости моряков дать отпор захватчикам.

Несмотря на объявленную ранее демобилизацию, моряки оставались на своих постах или вступали в отряды, отправлявшиеся на фронт.

22 февраля приказом по флоту Балтийского моря в ответ на обращение Совета Народных Комиссаров была объявлена революционная мобилизация «для беспощадной борьбы с германскими империалистическими полчищами». «Всех, кто способен держать оружие, — говорилось в приказе, — Родина зовет на последний революционный бой, в котором или победим, или с честью умрем. Всякие увольнения с этого момента прекращаются, това-

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 415, л. 100 об.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 520.

риши призываются на свои боевые места для защиты кровью добытой свободы»¹.

23 февраля в Гельсингфорсе состоялось пленарное заседание всех судовых, полковых и ротных комитетов Балтийского флота. От имени моряков Балтики пленарное заседание в единодушно принятом решении заявило: «Всем морякам Балтийского флота оставаться на своих кораблях и в частях для защиты Советской социалистической республики, действуя на судах, в партизанских отрядах или частях, указанных советской властью. Те, которые покинут флот, привлекаются на общественные работы. Пленарное собрание обращается с горячим призывом ко всем рабочим, бывшим матросам, работающим в портах и на заводах и находящимся в отпуску, немедленно встать в ряды революционного флота. Призываем товарищей солдат присоединиться к этой резолюции»².

Аналогичные резолюции единодушно принимались командами кораблей. В резолюции линейного корабля «Республика» говорилось:

«Обсудив вопрос об объявленной Советом Народных Комиссаров мобилизации всех революционных сил для борьбы с германскими буржуазными войсками, пытающимися задавить русскую революцию, мы, команда линейного корабля «Республика», приняли следующее решение:

1. Сейчас же прекратить увольнение в запас и в отпуск всех без исключения.

2. Призвать уже уехавших.

3. В кратчайший срок все привести в боевую готовность, ввести строгую революционную дисциплину на корабле...

Уход с корабля в самый критический момент классовой борьбы есть преступление, забыть, простить которое революция, народ и история не могут.

Товарищи! Положение ясно для всех! Нам выхода нет — или победа, или смерть за народ!.. Не дадим же, товарищи-матросы, верные доселе сыны революции, торжествовать объединившейся и желающей нашей крови буржуазии.

¹ ЦГАВМФ, Справочная библиотека, № 7480.

² «Правда» от 26 февраля 1918 г.

Все под ружье! Все под красное знамя революции»¹.

«...Мы все, как один, — говорилось в резолюции команды линейного корабля «Гангут», — остаемся на своих местах до тех пор, пока враг окончательно будет сломлен. А тех товарищей, которые бессознательно бегут, бросая свои корабли, клеймим несмываемым позором и выкидываем из своих революционных матросских рядов»².

«Во флоте настроение боевое», — сообщала «Правда», характеризуя положение в Гельсингфорсе³.

Военный отдел Областного комитета Финляндии в приказе от 24 февраля обратился ко всем находящимся в Финляндии войскам с призывом: «Товарищи! Германское буржуазное правительство задумало погубить нашу революцию и опять посадить монарха, землю снова отдать угнетателям дворянам, помещикам, а мужика опять отдать в руки земских начальников и исправников. Все, кто имеет в себе силу... должен немедленно встать в ряды революционных отрядов, дабы дать решительный отпор германским юнкерам, ударникам-белогвардейцам, которые двигаются на Петроград... Нам лучше смерть, чем вторичное рабство»⁴.

Несмотря на согласие Советского правительства подписать мир на новых условиях, германское командование, стремясь обеспечить себе еще более выгодные позиции при заключении мира, продолжало наступление.

После взятия Ревеля немцы развернули наступление на Петроград через Псков и Нарву. По призыву партии и Советского правительства рабочие Петрограда поднялись на защиту родного города, формируя отряды на помощь войскам Красной Армии.

Вместе с отрядами Красной Армии и петроградских рабочих в боях с немецкими захватчиками активно участвовали балтийские моряки.

«Правда» 27 февраля сообщала: «Вернулся отряд матросов, действовавший против Дутова... Узнав о положении дел с миром, отряд в полном составе направился на Псковский фронт. Формируются новые отряды».

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 28, лл. 33—34.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 388.

³ «Правда» от 23 февраля 1918 г.

⁴ Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 1, оп. 1, д. 3, лл. 78—79.

Отправился на борьбу с немецкими войсками сводный отряд моряков-балтийцев, ядро которого составили матросы, участвовавшие в борьбе с контрреволюционными войсками Каледина и Центральной рады. 4-й отряд моряков Балтийского флота, сформированный в Кронштадте, действовал против немцев в районе Торошино — Псков. Под Нарвой сражался отряд матросов с кораблей, находившихся в Гельсингфорсе. Много балтийцев воевало в партизанских отрядах¹.

В ожесточенных боях под Псковом и Нарвой войска Красной Армии и отряды рабочих и матросов оказали героическое сопротивление врагу. 23 февраля наступление противника здесь было остановлено.

Этот день стал считаться днем рождения Красной Армии.

Убедившись, что взять Петроград «молниеносным» ударом не удастся, немцы согласились на продолжение переговоров. На этот раз они предъявили еще более грабительские требования.

3 марта 1918 года советская делегация, не обсуждая условий мира, подписала в Брест-Литовске мирный договор с Германией.

VII съезд партии подтвердил правильность ленинской линии в вопросе о Брестском мире, а собравшийся вскоре IV съезд Советов утвердил его.

Мирная политика Советского правительства получила единодушную поддержку трудящихся Советской республики. Вместе с рабочими и красноармейцами моряки Балтийского флота выражали в эти дни одобрение советской политики мира и заявляли о готовности и впредь бороться против происков международного империализма. Еще 24 февраля пленарное заседание всех судовых, полковых, ротных и других комитетов кораблей и частей Балтийского флота в принятой резолюции выразило протест против германского наступления «как неслыханного акта насилия над революционным народом со стороны мирового империализма» и одобрило действия Совета Народных Комиссаров, направленные к заключению мира. «Мы клянемся,— говорилось в резолюции,— что роковым образом заключенный мир нисколько не лишает нас горячей и добро-

¹ См. С. С. Хесин, Военные моряки в борьбе за власть Советов, Военмориздат, 1953, стр. 206.

вольной готовности активно и с оружием в руках стоять на своих революционных постах на защите завоеваний нашей революции, на защите торжества международного пролетариата в его беспощадной борьбе с мировой буржуазией»¹.

Подписание Брестского мира имело огромное значение для Советской республики. Было выиграно время, необходимое для укрепления Советской власти, приведения в порядок хозяйства страны, создания Красной Армии. Заключение мира позволило накопить силы для разгрома белогвардейских генералов и иностранных интервентов в период гражданской войны.

Огромное значение Брестский мир имел для создания Военно-морских сил страны. Заключение мира создало благоприятные условия для спасения Балтийского флота, который в гражданскую войну являлся единственным источником формирования флотов и флотилий на морских, речных и озерных театрах, так как в ходе борьбы с интервентами Советская республика лишилась Черноморского флота и флотилий на Севере и на Дальнем Востоке.

Несмотря на существование мирного договора, германские империалисты продолжали делать все возможное, чтобы изолировать, ослабить и уничтожить молодую Советскую республику. Они оккупировали Украину и Закавказье, вторглись в пределы РСФСР и хозяйничали в районах Курской и Воронежской областей, грабя и терроризируя население. Они всемерно поддерживали все контрреволюционные силы внутри страны, широко развертывали шпионаж, устраивали заговоры и провокации.

Германия систематически нарушала условия мирного договора. Она готовила новый поход против Советской России. Генерал Гофман, один из видных военных деятелей империалистической Германии того периода, в своих воспоминаниях откровенно признается, что он «завязал сношения с различными представителями старого русского правительства». «...С весны 1918 г., — пишет Гофман, — я стал на ту точку зрения, что правильнее было бы... отказаться от мира, пойти походом на Москву, создать какое-нибудь новое правительство и заключить с этим новым русским правительством союз».

¹ ЦГАОР, ф. 929, д. 17, л. 34.

«Майор Шуберт,— пишет Гофман далее,— наш новый военный атташе в Москве, первый высказавшийся за решительное выступление против большевиков, полагал, что двух батальонов было бы вполне достаточно для водворения порядка в Москве и установления нового правительства. Хотя я и считал его точку зрения слишком оптимистической, но все-таки я думал, что нам вполне бы хватило для проведения этого начинания тех немногих дивизий, которыми мы еще располагали»¹.

Таким образом и после подписания мира кайзеровская Германия оставалась опасным врагом РСФСР. И если германский империализм не поработил тогда Советскую Россию, то не потому, что он к этому не стремился, а потому, что он этого не смог осуществить. Характеризуя отношение Германии к Советской России в этот период, германский посол в России Гельферих писал: «Дальнейшее развитие обстановки в России требовало от нас огромного внимания. Мирные договоры на востоке, правда, приложили печать к военному разгрому нашего самого сильного противника на континенте. Но на месте огромной военной державы царя перед нами появился новый опасный враг: большевизм. В Финляндии и на Украине мы находились с ним в открытой борьбе...»²

Отечественная война советского народа против германских захватчиков явилась одной из решающих причин поражения германского империализма.

Поражение Германии на Западном фронте объяснялось в значительной степени тем, что старой германской армии уже не существовало. Подавление революции в Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения ее армии. В результате буржуазной революции в Германии в ноябре 1918 года Вильгельм и его правительство были свергнуты.

13 ноября 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет аннулировал кабальный Брестский договор. Не прошло и восьми месяцев, как подтвердилось предвидение великого Ленина о недолговечности грабительского Брестского договора.

¹ Генерал Гофман, Война упущенных возможностей, ГИЗ, 1925, стр. 195.

² K. Helfferich, Der Weltkrieg. Bd. 3. Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch, Berlin, 1919, S. 351.

3. Создание Красного Балтийского флота

Создание Вооруженных Сил Советского государства — Красной Армии и Красного Флота — является одним из важнейших исторических преобразований, осуществленных Коммунистической партией после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Творчески развивая марксизм в новых исторических условиях эпохи империализма, В. И. Ленин задолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции, на основе изучения и обобщения революционной борьбы рабочего класса в России и в других странах, доказал необходимость слома старой военной машины буржуазного государства и создания новой военной организации победившего пролетариата.

Ленин учил партию и рабочий класс, что взять власть значительно легче, чем удержать, и указывал, что свергнутые классы приложат все усилия к тому, чтобы вернуть утраченное ими господство, и что на помощь внутренней контрреволюции устремятся капиталисты других стран. Поэтому, указывал Ленин, после победы революции важнейшей задачей является создание надежной обороны Советской страны.

Необходимость безотлагательного создания Советских Вооруженных Сил вытекала из военно-политической обстановки, в которой находилась Советская республика в начальный период ее существования. В начале января 1918 года Ленин писал: «Мы переживаем, может быть, один из критических периодов революции, когда Советской власти грозит и внешний враг — империалисты немецкие и других стран — и враг внутренний — контрреволюция...»¹

Создавая Красную Армию и Красный Флот, партии приходилось одновременно решать задачу разрушения старой армии и флота, являвшихся оплотом царского режима и выражавших классовые интересы помещиков и буржуазии. «...Разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой», — такова, по выражению В. И. Ленина, первая заповедь всякой победоносной революции².

Практические мероприятия по ликвидации старого военно-бюрократического аппарата и созданию новых

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 388.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 262.

органов военного управления были осуществлены в конце 1917 года и в начале 1918 года. После огромной подготовительной работы 15(28) января 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Одновременно велась громадная работа по созданию Красного Флота.

26 октября 1917 года был создан Военно-морской революционный комитет, который стал боевым помощником Военно-революционного комитета при Петроградском Совете в борьбе за упрочение Советской власти.

7 ноября 1917 года декретом Совета Народных Комиссаров был упразднен Адмиралтейств-совет. Его функции перешли к Морской секции Центрального Исполнительного Комитета, избираемой всероссийскими съездами военного флота. Одновременно решением Сознаркома была образована Верховная морская коллегия, заменившая морское министерство.

С 14 ноября 1917 года при всех центральных управлениях были учреждены должности комиссаров и их помощников для политического руководства и контроля за деятельностью морских органов.

18 ноября начал свою работу I Всероссийский съезд военного флота, созыв которого был подготовлен Военно-морским революционным комитетом. Основной задачей съезда было создание органов управления Военно-Морским Флотом.

В работе съезда, происходившего в Петрограде, принял участие В. И. Ленин, выступивший с речью на заседании 22 ноября (5 декабря) 1917 года.

В. И. Ленин от имени Совета Народных Комиссаров приветствовал в лице съезда армию и флот, «которые показали себя, как передовые борцы за раскрепощение трудящихся классов»¹, и призвал моряков к защите и укреплению молодого социалистического государства.

Подробно обсудив вопросы организации управления морским ведомством, съезд на заседании 21 ноября утвердил следующую схему организации.

Во главе морского ведомства и флота стоит Верховная морская коллегия, ответственная перед Морской секцией ВЦИК.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 306.

Морская секция ВЦИК, избираемая Всероссийским съездом военного флота в количестве 20 человек, заменяет собой бывший Адмиралтейств-совет и обладает законодательными функциями.

Руководящим политическим органом флота является Политическое бюро при Верховной морской коллегии, избираемое в количестве 7 человек. Руководство политической работой в управлениях и учреждениях осуществляется комиссарами, назначаемыми Верховной морской коллегией.

В состав центрального аппарата управления входят: Управление всероссийским военным портом, Управление заводами морского ведомства, Верховная следственная комиссия.

Одновременно при Верховной морской коллегии был создан исполнительный орган — Штаб, позже переименованный в Управление делами, и Морской законодательный отдел для разработки положений, установления окладов и табелей, а также для рассмотрения и утверждения сметных расчетов¹.

Опираясь на решения I Всероссийского съезда военного флота, Верховная морская коллегия приказом № 21 от 6 декабря 1917 года передала все управление флотами в ведение центральных комитетов флотов, которые являлись «высшей властью на местах». В соответствии с приказом упразднились должности командующих флотами и их штабы. Функции командующих флотами целиком переходили к военно-оперативной части военного отдела центральных комитетов флотов, а функции штабов — к соответствующим выборным организациям².

В развитие этого приказа 8 января 1918 года было издано «Положение о демократизации флота», в котором определялась структура управления флотами, устанавливалась выборность командного состава, излагались права, обязанности и ответственность командного состава и их взаимоотношения с выборными организациями на флотах. В «Положении» указывалось, что общее руководство жизнью и деятельностью флота осуществляется Централь-

¹ Советское военно-морское искусство, Сборник статей, Военмориздат, 1951, стр. 66.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 17, лл. 3—3 об.

ным комитетом моря. Во главе последнего стоит военно-морской отдел, который ведает целиком делами оперативными, техническими и работает совместно с административным, хозяйственным и политическим отделами Центрального комитета моря. Согласно «Положению» военно-морской отдел избирался пленумом Центрального комитета моря и нес ответственность за свою деятельность как перед последним, так и перед высшими государственными органами¹.

Большую роль в создании Вооруженных Сил Советской республики сыграли декреты «О выборном начале и об организации власти в армии» и «О демократизации флота», способствовавшие очищению армии и флота от контрреволюционной части офицерского состава, выдвижению новых командных кадров из среды солдат и матросов.

22 февраля 1918 года постановлением Совнаркома был учрежден Народный Комиссариат по морским делам, к которому перешли функции бывшего морского министерства. Одновременно Верховная морская коллегия преобразовывалась в Коллегию Народного Комиссариата по морским делам².

Учреждением Народного Комиссариата по морским делам был завершен слом буржуазного военно-морского аппарата и созданы основы нового, советского военно-морского аппарата.

Новый аппарат управления флотом теперь сверху до низу находился в руках революционных моряков.

В отличие от вооруженных сил царской России, где армия и флот искусственно обособлялись друг от друга и постоянно враждовали между собой, в основу строительства Вооруженных Сил Советского государства лег принцип неразрывного единства и взаимодействия армии и флота. В первом же параграфе положения о Коллегии Народного Комиссариата по морским делам говорилось: «Морское ведомство ведает всем, относящимся до военного флота и морской обороны государства, получая над-

¹ Систематический сборник постановлений, изданных по Народному Комиссариату по морским делам с 25 октября 1917 г. по 31 декабря 1918 г., Изд. Народного Комиссариата по морским делам, М., 1919, стр. 408.

² Там же, стр. 11.

лежащие на то указания от правительства и Высшего Военного Совета»¹.

1 апреля 1918 года В. И. Ленин в телеграмме Н. И. Подвойскому дал основные указания о функциях Высшего Военного Совета. В этом документе ленинские принципы строительства Вооруженных Сил республики на основе организации теснейшего взаимодействия армии и флота нашли еще более полное и четкое выражение.

Основными задачами Высшего Военного Совета В. И. Ленин считал:

1) преподание военному и морскому ведомствам основных заданий по обороне государства;

2) преподание ведомствам обороны заданий по организации вооруженных сил страны (армии и флота);

3) объединение деятельности армии и флота и разрешение всех общих для военного и морского ведомств вопросов².

Таковы были важнейшие мероприятия партии и Советского правительства в области ликвидации старого военно-бюрократического аппарата управления и создания центральных органов управления Вооруженными Силами республики. Разрушение царских, не тронутых Временным правительством органов и порядков управления имело большое значение для Балтийского флота.

В начале декабря 1917 года в связи с упразднением должности командующего флотом был отстранен от руководства флотом адмирал А. В. Развозов, разоблаченный позднее как злейший враг Советской власти и расстрелянный в 1919 году по приговору революционного трибунала. Был ликвидирован штаб командующего флотом, в котором было немало ставленников Развозова, проводивших скрытно и явно саботаж и вредительство во флоте. Центральный комитет Балтийского флота — Центробалт, который уже в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания находился под влиянием большевиков и был фактическим руководителем матросских масс, теперь стал полномочным органом управления флотом. Под руководством комиссаров и матросов-большевиков была проделана громадная работа по очи-

¹ Систематический сборник постановлений, изданных по Народному Комиссариату по морским делам, стр. 13.

² См. Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 21.

щению флота от саботажников и контрреволюционеров, занимавших различные командные и административные должности и пытавшихся под предлогом отказа от всякого участия в политической борьбе срывать мероприятия рабоче-крестьянского правительства.

Важное значение в организации управления флотами имело решение Советского правительства от 15 января 1918 года.

Еще во время первой мировой войны Балтийский и Черноморский флоты были непосредственно подчинены соответственно Северному и Румынскому фронтам, при штабах которых имелись военно-морские управления. В связи с ликвидацией фронтов порядок подчинения нуждался в изменении. Вопрос об этом обсуждался на заседании Совнаркома 15 января 1918 года под председательством В. И. Ленина. В результате обсуждения В. И. Ленин в тот же день подписал утвержденный Совнаркомом декрет, согласно которому флоты Балтийского и Черного морей со входящими в их состав укрепленными позициями, частями, управлениями и пр. переходили в непосредственное подчинение Верховной морской коллегии. Руководство оперативной деятельностью флотов было возложено на Морской генеральный штаб.

В морское ведомство из военного передавались вместе с обслуживающим личным составом приморский фронт Свеаборгской крепости, Кронштадтская крепость, тыловая морская позиция Финского залива, а из морского в военное ведомство передавался сухопутный фронт морской крепости Петра Великого (Ревель). Следует особо отметить пункт VIII декрета, требовавший «учредить должности лиц военно-морского ведомства для связи армии с флотом», в котором получила отражение идея взаимодействия морских и сухопутных сил¹.

Декрет этот, означавший переход управления флотами в руки центральных органов Советского правительства, вступил в силу 4(17) февраля 1918 года, с момента его опубликования в печати².

Таким образом, вначале управление флотами было построено на коллегиальных началах. Главным органом управления Балтийским флотом являлся Центробалт,

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 29—30, 37—38.

² «Правда» от 4(17) февраля 1918 г.

подчинявшийся непосредственно Верховной морской коллегии. В состав Центробалта входили отделы: военный, военно-политический, командный, технический, культурно-просветительный, укомплектования, интендантский, штурманский, наградной, оплаты труда, следственный, санитарный и исторический.

Военный отдел подразделялся на части: оперативную, артиллерийскую, миную, радио-телеграфную, общераспорядительную и юридическую. Технический отдел имел части: строительную, электротехническую, кораблестроительную и механическую.

Такой порядок управления Балтийским флотом, существовавший с октября 1917 года до апреля 1918 года, сыграл положительную роль в момент ломки старого аппарата управления. Он обеспечивал широкое участие в управлении флотом матросских масс и способствовал быстрейшему очищению флота от контрреволюционных элементов. В дальнейшем, когда новые демократические органы управления флотом окрепли и из среды матросов и солдат выросли опытные руководители, порядок управления флотом был изменен.

14 февраля был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о создании Красного Флота.

В декрете говорилось:

«Флот, существующий на основании... царских законов, объявляется распущенным и организуется социалистический Рабоче-Крестьянский Красный Флот». Как и Красная Армия, Советский Флот вначале комплектовался на основе добровольческого принципа. «Добровольчество, — указывалось в резолюции VIII съезда партии, — является единственно возможным средством создания сколько-нибудь боеспособных частей в условиях катастрофического развала старой армии и всех органов формирования и управления ею»¹.

В Положении о службе военных моряков в Рабоче-Крестьянском Красном Флоте указывалось, что комплектование кораблей и частей согласно новому декрету должно производиться комиссией в составе командира корабля (части), председателя судового комитета корабля (части), военно-морского специалиста и врача. Каждый

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 432.

доброволец подписывал договор-контракт, в котором определялись его обязанности и права, указывалась партийность и перечислялись рекомендации партийных, советских, профессиональных и других демократических организаций. Таким образом обеспечивался строго классовый принцип комплектования флота.

28 марта 1918 года на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина был обсужден проект «Временного положения об управлении Балтийским флотом». На следующий день В. И. Ленин подписал одобренный Совнаркомом декрет «Об управлении Балтийским флотом».

Декрет устанавливал, что управление Балтийским флотом вверяется начальнику морских сил Балтийского моря и главному комиссару Балтийского флота, которые избираются Коллегией Народного Комиссариата по морским делам и назначаются на должность декретом Совета Народных Комиссаров.

Начальник морских сил Балтийского моря пользовался правами командующего флотом в вопросах оперативной деятельности и боевой подготовки, в других же вопросах он согласовывал свои решения с главным комиссаром, который «есть старший представитель Советской власти на флоте» и в отношении политической и общественной деятельности флота «является полноправным ответственным руководителем».

В качестве совещательных органов при начальнике морских сил и главном комиссаре Балтийского флота учреждались Совет флагманов и Совет комиссаров Балтийского флота (Совкомбалт). В качестве исполнительного органа начальника морских сил декрет предусматривал создание Штаба Балтийского флота¹.

Таким образом, этим декретом было положено начало постепенному переходу от сложной коллегиальной системы к централизованному управлению.

Ленинские декреты о создании Красной Армии и Красного Флота были встречены балтийскими матросами с огромным патриотическим подъемом.

Свидетельством высокой революционной сознательности и беззаветной преданности балтийских моряков Коммунистической партии была массовая запись доброволь-

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 203—204, 207—209.

цев в создаваемые Красную Армию и Красный Флот. Подавляющее большинство матросов и лучшая часть командного состава не покинули корабли по истечении срока службы и после объявления демобилизации, а остались служить на них добровольцами или ушли на фронт в составе вновь формируемых частей Красной Армии.

4. Роль Балтийского флота в обороне Петрограда. Необходимость перебазирования флота

Роль Балтийского флота в обороне Петрограда трудно переоценить. Как накануне, так и после Октябрьского вооруженного восстания флот бдительно стоял на страже революционного Петрограда.

Незадолго до победы Октябрьской революции Временное правительство при участии посла США Френсиса и английского посла Бьюкенена разработало преступный план — вслед за Ригой сдать немцам Петроград и таким образом предотвратить вооруженное восстание.

Полностью прекратив боевые действия на Балтийском море, английское морское командование создало германскому флоту благоприятные условия для нанесения удара по русскому флоту. При этом английские империалисты преследовали две цели: задушить руками немцев назревавшую пролетарскую революцию в России и уничтожить, также руками немцев, Балтийский флот, препятствовавший утверждению британского господства в Балтийском море.

Германские империалисты не замедлили воспользоваться предоставленной им возможностью. У них были свои расчеты. Они надеялись в случае успеха достичь сразу многих целей: уничтожить Балтийский флот, захватить Петроград, подавить революцию в России, создать монархическое прогерманское правительство, заключить с последним сепаратный мир, обеспечивающий Германии колонизацию России совместно с империалистами США и Англии. Кроме того, достижением этих целей германские империалисты надеялись предотвратить угрозу революции в своей стране.

Верховное командование и морской генеральный штаб Германии разработали в сентябре 1917 года план Моонзундской операции, который предусматривал захват Риги, прорыв моонзундских позиций, уничтожение или, в край-

нем случае, значительное ослабление Балтийского флота. Конечной целью операции являлся захват Петрограда.

Воспользовавшись пассивностью английского флота, немцы сосредоточили огромные силы на Балтике. Сведенные в «Отряд особого назначения», они имели в своем составе: 10 новейших линейных кораблей, линейный крейсер, 9 крейсеров, 56 эскадренных миноносцев, 6 подводных заградителей, 11 миноносцев, 26 тральщиков и десятки других боевых кораблей и вспомогательных судов — всего более 300 боевых и вспомогательных кораблей, что составляло более двух третей всего германского флота. Для занятия островов Моонзундского архипелага был сформирован специально подготовленный десантный корпус, имевший в своем составе 25 тыс. человек, около 8500 лошадей и большое количество вооружения. Воздушные силы насчитывали 6 дирижаблей и 102 самолета. Такого огромного сосредоточения сил на одном участке не было еще за все время первой мировой войны¹.

Создав многократное численное превосходство в силах и уверенное в поддержке Временного правительства и части русского командного состава, германское командование не сомневалось в успехе.

На революционный Балтийский флот Центральный Комитет Коммунистической партии возложил задачу: не допустить немецкий флот в Финский залив, к Кронштадту и Петрограду.

II съезд представителей Балтийского флота в своем обращении призвал моряков к решительной борьбе во имя защиты пролетарской революции и ее колыбели — Петрограда.

Большевистские организации Балтийского флота через своих представителей в судовых комитетах, комиссаров Революционного комитета и вновь избранных членов Центробалта фактически взяли в свои руки руководство флотом. Поэтому командующий флотом контр-адмирал Развозов и командующий морскими силами Рижского залива вице-адмирал Бахирев (корниловцы, впоследствии злейшие враги Советской власти) не смогли осуществить свои предательские планы.

¹ См. Русское военно-морское искусство. Сборник статей, Военмориздат, 1951, стр. 446.

В Моонзундском сражении, происходившем с 29 сентября (12 октября) по 6 (19) октября 1917 года, революционный Балтийский флот, располагая значительно меньшими силами (два старых линейных корабля, три крейсера, около трех десятков миноносцев и такое же количество самолетов), нанес решительное поражение германскому флоту.

Потери немцев составили 17 кораблей потопленными и 18 серьезно поврежденными (из них — 5 линейных кораблей, 1 крейсер, 6 эскадренных миноносцев). Правда, немцы сумели захватить Моонзундские острова, но это был лишь тактический успех. Ни одна из поставленных ими целей достигнута не была, а главное — они не прорвались к Кронштадту и Петрограду. Балтийский флот не только не был уничтожен, но и потери его были крайне незначительны (затоплены своими командами 1 устаревший линейный корабль и 1 миноносец, несколько кораблей получили повреждения).

После победы Великой Октябрьской социалистической революции борьба за Петроград разгорелась с новой силой. Северо-западный театр военных действий имел важное, а временами, особенно в начальный период гражданской войны, решающее значение для обороны страны в целом.

Географическое положение Петрограда на театре делало его уязвимым для удара с нескольких операционных направлений: с северо-востока — в обход южнее Ладожского озера; с севера и с запада — вдоль северного берега Финского залива, через Карельский перешеек; с моря — через Финский залив, а также из Прибалтики — вдоль южного берега Финского залива через Нарву и с юго-запада — через Псков. Наличие нескольких угрожаемых операционных направлений при отсутствии природных рубежей чрезвычайно затрудняло организацию обороны Петрограда.

Из указанных направлений наиболее опасными являлись идущие с запада вдоль берегов Финского залива и с юго-запада на Псков. Именно их и избрало германское командование в феврале 1918 года, намереваясь одновременным ударом из Прибалтики и Финляндии взять в клещи Петроград и коротким ударом овладеть им.

К началу мирных переговоров в Брест-Литовске линия фронта в Прибалтике проходила восточнее Риги и далее,

слегка выгнувшись на юго-запад, шла к Двинску, восточнее Вильно, и затем почти по прямой на юг.

Уже к концу октября 1917 года немецкие войска оккупировали всю Литву и южную часть Латвии, подавив там с помощью местной буржуазии пролетарскую революцию. В неоккупированной части Латвии советская власть установилась в октябре 1917 года, но просуществовала недолго. Испугавшись пролетарской революции, латвийская буржуазия и помещики обратились к германским властям за помощью. Воспользовавшись предательством Троцкого, сорвавшего мирные переговоры, германские войска полностью оккупировали Латвию. В Эстонии Советская власть, установившаяся непосредственно после победы вооруженного восстания в Петрограде, также вследствие предательства эстонской буржуазии и прибалтийских баронов просуществовала недолго. Трудящиеся Эстонии, руководимые большевиками во главе с В. Э. Кингисепом, создав красногвардейские отряды, вместе с матросами Балтийского флота героически сражались с войсками германских оккупантов.

К началу германского наступления в феврале 1918 года фронт в Прибалтике защищался почти небоеспособными частями старой царской армии, во много раз уступавшими противнику в численности. Царская армия находилась в состоянии развала. Измученные трехлетней изнурительной войной, солдаты стихийно демобилизовывались, бросали фронт и расходились по домам.

В Финляндии находились разбросанные по городам мелкими гарнизонами части 42-го армейского корпуса, численный состав которых с февраля 1917 года также значительно сократился. Стихийная демобилизация, хотя и в меньших размерах, имела место и здесь. Обстановка на этом направлении осложнялась начавшейся в январе 1918 года гражданской войной в Финляндии.

Таким образом, на основных угрожаемых сухопутных направлениях Советская республика к началу наступления немецких войск не имела достаточно надежной защиты. Немногочисленные отряды только начавшей создаваться Красной Армии не могли обеспечить устойчивости фронта. В статье «Серьезный урок и серьезная ответственность» В. И. Ленин писал: «...Кто не отмахивается от фактов, тот знает, что величайшей помехой для отпора немцам и в Белороссии, и на Украине, и в Финляндии в феврале

1918 г. была наша недемобилизованная армия. Это факт. Ибо она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды»¹.

В условиях недостаточности сухопутных войск и их слабой боеспособности в этот период исключительно важное значение приобретал Балтийский флот, который обеспечивал оборону подступов к Петрограду со стороны моря и защищал фланги наиболее угрожаемых операционных направлений по берегам Финского залива.

Географические условия Финского залива благоприятствовали созданию здесь мощных глубоко эшелонированных рубежей обороны, строительство которых постепенно осуществлялось на всем протяжении первой мировой войны и к концу 1917 года имевших следующую систему.

Вход в Финский залив защищался передовой минно-артиллерийской позицией. Северный фланг ее — Або-Аландская позиция — обеспечивался 17 береговыми батареями (56 орудий, наибольший калибр — 12 дюймов) и минными заграждениями (было выставлено около 2000 мин). Южный фланг этой позиции на Моонзундских островах, имевший 21 батарею и сильные минные заграждения, ценой огромных потерь был занят немецкими войсками в октябре 1917 года. Потеря южного фланга передовой позиции лишала ее устойчивости и усиливала угрозу прорыва германского флота в глубину Финского залива.

На северном побережье Финского залива, примыкая к Або-Аландской позиции, располагалась флангово-шхерная позиция, имевшая 6 батарей (25 орудий с калибром до 9,2 дюйма) и защищенная минными заграждениями.

По линии Нарген — Порккалаудд была расположена главная, или центральная, минно-артиллерийская позиция. Северный фланг ее опирался на Свеаборгский приморский фронт с главной базой флота Гельсингфорс и крепостью Свеаборг, южный — на Ревельский приморский фронт с базой флота Ревель. Эта позиция была наиболее сильной и имела 39 батарей, в том числе шесть 12-дюймовых, перекрывавших своим огнем с обеих берегов весь Финский залив. Позиция была оборудована минными заграждениями большой плотности (было выставлено более 10 000 мин).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 61.

Непосредственные подступы к Петрограду со стороны моря прикрывались не законченным оборудованием тыловой позицией, опиравшейся на Кронштадтский укрепленный район с мощной системой артиллерийских фортов и базой флота и крепостью Кронштадт.

Весь водный район Финского и Ботнического заливов и Або-Аландский район обслуживались 80 постами службы связи, из них 20 были оборудованы автономными радиостанциями¹.

Идея боя на минно-артиллерийской позиции заключалась в нанесении сосредоточенного удара по наступающему флоту противника взаимодействующими силами надводных кораблей, береговой артиллерии, авиации и подводных лодок с целью расстроить его боевой порядок, принудить к отступлению и обеспечить его преследование до полного разгрома. Разработанная и в значительной мере осуществленная передовыми русскими моряками, эта идея представляла собой новое слово в истории военно-морского искусства.

Слабым местом в системе минно-артиллерийских позиций являлась недостаточная организация взаимодействия флота с сухопутными войсками. Являясь серьезнейшим препятствием для наступающего флота противника, минно-артиллерийские позиции были легко уязвимы при ударе с сухопутного фронта. Тем не менее созданные позиции полностью себя оправдали, обеспечив русскому флоту выполнение поставленных перед ним задач.

В период первой мировой войны Балтийский флот, опираясь на минно-артиллерийские позиции, обеспечил надежную оборону Петрограда с морского направления и устойчивость приморских флангов сухопутных войск, не допустив прорыва немецкого флота в Финский залив и нанесения удара по главным силам Балтийского флота, защищенным центральной минно-артиллерийской позицией.

Своими систематическими активными минно-заградительными операциями и действиями на германских путях сообщения Балтийский флот причинил серьезный урон немецкому флоту.

¹ См. М. А. Петров, Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства, Л., 1927, стр. 524; «Морской сборник», 1926, № 3, стр. 41—49.

К началу 1918 года боевые возможности Балтийского флота в известной степени были ограничены вследствие значительного некомплекта команд на кораблях и в береговых частях.

Приказом по Балтийскому флоту № 111 от 31 января (13 февраля) 1918 года, в соответствии с декретом Совнаркома о роспуске старого флота и создании социалистического Рабоче-крестьянского Красного Флота, началась частичная демобилизация Балтийского флота; полная демобилизация была невозможна «по обстоятельствам переживаемого времени». Этим же приказом все корабли были разделены на три категории. Корабли, отнесенные к 1-й категории, оставались в полной боевой готовности «на положении действующего флота»; корабли 2-й категории предназначались «для временного хранения при портах», а 3-й категории — «к сдаче в порт», причем всякие ремонтные работы на кораблях 2-й и 3-й категории прекращались¹.

В связи с нападением германских империалистов этот приказ не был выполнен и понятие категории сохранялось лишь в виде условного обозначения.

К началу 1918 года Балтийский флот имел следующий корабельный состав: 7 линейных кораблей, 9 крейсеров, 17 эскадренных миноносцев, 45 миноносцев, 27 подводных лодок, 5 канонерских лодок, 23 миных и сетевых заградителя, 110 сторожевых судов и катеров, 89 тральщиков, 70 транспортов, 16 ледоколов, 5 спасательных судов, 61 вспомогательное судно, 65 лоцмейстерских и гидрографических судов и пловучих маяков, 6 госпитальных судов².

Организационно эти корабли были сведены в 1-ю и 2-ю бригады линейных кораблей, в 1-ю и 2-ю бригады крейсеров, в дивизии: минную, подводных лодок, сторожевых судов, траления, и в отряды: заградителей, учебно-минный, учебно-артиллерийский шхерный и охраны Ботнического залива.

Большая часть кораблей в декабре 1917 года была сосредоточена в главной базе — Гельсингфорсе, часть ко-

¹ ЦГАВМФ, Справочная библиотека, № 7319. Приказы по флоту и морскому ведомству за 1918 г., лл. 102—104.

² «Морской сборник», 1922, № 1—2, стр. 58—59.

раблей находилась в Ганге, Або, Ревеле, Котке и Кронштадте.

Вновь начавшиеся военные действия с Германией застали Балтийский флот в процессе проведения демобилизационных мероприятий. Многие матросы еще ранее по призыву Советского правительства ушли воевать против контрреволюционных банд Центральной рады, Дутова, Каледина и на другие фронты. Наименее сознательная часть личного состава стихийно разошлась по домам. Оставшиеся на службе матросы были полны решимости бороться с врагами социалистического отечества до конца.

В условиях стихийного развала, а затем объявленной декретом демобилизации старой царской армии Балтийский флот, в значительно меньшей степени подвергшийся этим процессам, приобретал исключительно важную роль в обороне Петрограда. Поэтому захват или уничтожение Балтийского флота были одной из первоочередных и важнейших задач, которую поставили перед собой враги Советской республики.

Попытки уничтожить, захватить или ослабить Балтийский флот следовали одна за другой.

Одной из них являлась попытка бывших русских судовладельцев передать группу кораблей Балтийского флота английским властям. В состав этой группы входили: бывшие вспомогательные крейсера «Митава» и «Русь», госпитальные суда «Диана», «Меркурий», «Паллада» и «Жулан», военные транспорты «Гагара» и «Люси» и пароход «Россия». Эти корабли, перешедшие в военный флот от судовладельцев по военно-судовой повинности в 1914 году, являлись собственностью Советского государства еще до декрета о национализации торгового флота, принятого Совнаркомом 18 января 1918 года. Поэтому бывшие судовладельцы охотно приняли предложение английского агента о передаче этих кораблей Англии, уполномочив для этой цели своего доверенного О. Ивашкевича. Заодно с ним действовал по заданию англичан и некий Л. Стульпин.

Как видно из письма Ивашкевича в Центробалт от 8 ноября, сначала пытался добиться передачи этих кораблей Англии некий «представитель английского правительства», но без успеха.

Тогда за дело взялся его агент Л. Стульпин. Он составил проект «условия» с Центробалтом, по которому обя-

звался членов Центробалта... «вознаградить за содействии охраны безопасного прохода торгового флота из Гельсингфорса до нейтральных вод Швеции... за каждый корабль по... 5000 руб.»¹.

Члены Центробалта проявили должную бдительность и разоблачили преступные действия английских агентов.

Обстановка, в которой находился Балтийский флот к концу 1917 года, была весьма сложной. Положение флота на театре в решающей степени определялось устойчивостью приморских флангов на основных операционных направлениях: оно было надежным, пока флот имел свои базы и мог опираться на систему мино-артиллерийских позиций. В случае же захвата противником побережья флот лишился бы всех баз, кроме Кронштадта, и положение его стало бы критическим, так как он оказался бы перед лицом превосходящих сил германского флота, который мог беспрепятственно перебрасывать свои корабли с Северного моря в Балтийское по Кильскому каналу. В этом случае для сохранения флота пришлось бы перебазировать его в район Кронштадта.

События в конце 1917 года на море и на суше развивались следующим образом.

На море немецкий флот после тяжелых потерь в боях у Моонзунда не проявлял активности. С наступлением зимы русские крейсера и миноносцы, стоявшие на рейде Лапвик и в Або, вернулись в Гельсингфорс и Ревель. Для охраны шхерного Або-Аландского района в Або оставались канонерская лодка и несколько сторожевых судов. В декабре, когда выяснилось, что немцы готовят наступление на Ревель, все ценные корабли и суда были выведены в Гельсингфорс. Здесь сосредоточился почти весь флот, за исключением нескольких кораблей, оставленных в Ревеле. Боевые действия на море с наступлением ледостава прекратились полностью. Таким образом, со стороны моря Балтийский флот мог на некоторое время считать себя в безопасности.

Не благоприятнее складывалась обстановка на сухопутных стратегических направлениях. Весьма сложным и неустойчивым было положение в Финляндии.

Финляндия, вошедшая в состав Российской империи в 1809 году, к концу XIX века превратилась «в одну из мно-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918, д. 6, лл. 114—116.

гих бесправных и униженных русских провинций»¹. Финский народ, подобно остальным народам, населявшим царскую Россию, угнетался русским самодержавием, что делало отношения между Россией и Финляндией напряженными.

Февральская революция 1917 года и Временное правительство не дали Финляндии самостоятельности. Под влиянием событий в России рабочий класс Финляндии быстро революционизировался. Финляндская буржуазия, поняв, что Временное правительство России представляет для нее весьма ненадежную опору, обратилась за помощью к Германии.

Еще в период первой мировой войны германский империализм использовал финских националистов, толкая их на борьбу за отделение от России и рассчитывая с их помощью присоединить Финляндию к Германии. Из среды этих германфильских элементов вышли руководители так называемого «егерского» движения, задачей которого являлась вербовка финнов для службы в германской армии.

В Берлине с самого начала войны была создана финская военная организация, под названием «Финляндская канцелярия», позднее переименованная в «Финляндское бюро». Эта организация, помимо предоставления Германии шпионских сведений, тайно вербовала добровольцев для германской армии².

Завербованные финны, главным образом из буржуазной молодежи, кулаков и купцов, переправлялись в Германию через Швецию.

Из этих добровольцев был создан 27-й егерский батальон, насчитывавший вначале около 2000 человек, который был переброшен на Рижский фронт и позже направлен для переподготовки в Либаву. Здесь он был превращен в офицерскую школу, которая подготовила основные кадры офицеров финской белой гвардии. «Кроме того, — откровенно признается генерал фон дер Гольц, — немецкие офицеры отправились тогда в Финляндию и получили там назначения на вышние посты вплоть до командира бригады³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 226.

² См. Я. Крастынь, Финляндия под игом фашизма, М. — Л., 1942, стр. 7.

³ Graf von der Goltz, Meine Sendung in Finland und im Balticum. Leipzig, 1920, S. 36.

Осенью 1917 года деятельность германской агентуры в Финляндии усиливается. В октябре из Германии было доставлено в Финляндию 4500 винтовок, 30 пулеметов, 3 миллиона патронов, ручные гранаты, револьверы, мотоциклы. 17 ноября германская подводная лодка «U-57» высадила 8 егерей и выгрузила 100 пистолетов Маузера¹. Начальник контрразведывательного отдела Свеаборгской крепости 16 ноября доносил, что «в районе Борго начали очень часто появляться германские подводные лодки, причем германские моряки свободно выходят на берег, где, повидимому, встречаются со своими местными агентами и доброжелателями... Местные газеты... предлагают русским добровольно увести войска...»²

Революционные организации русской армии и флота внимательно следили за происками германских агентов и финских белогвардейцев.

26 октября (8 ноября) 1917 года Гельсингфорсский совет, Центробалт и Областной комитет Финляндии приняли следующее постановление:

«До сведения русских революционных организаций в Финляндии дошло, что в связи с готовящимся германским десантом некоторые части финляндского буржуазного общества усиленно вооружаются как для поддержки германцев, так и для разгрома своего пролетариата и русской революционной армии. Для проверки этих сведений был послан отряд русских матросов, который встретил вооруженное сопротивление. Участники этого сопротивления понесут должное возмездие. Но во избежание повторения подобных случаев, которые могут вызвать кровопролитную войну, и в связи со стратегическим и политическим положением революционные организации объявляют: не покушаясь на права финляндского народа, они будут всеми мерами подавлять противодействие, оказываемое их распоряжениям, комиссарам и отрядам. Страна объявляется на военном положении. Всякая попытка вооруженного сопротивления, вмешательства в оперативные или иные действия русских революционных войск, содействие германскому шпионажу будет в корне беспощадно подавляться.

¹ «Морской сборник», 1933, № 4, стр. 95.

² ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 117, лл. 43—43 об.

Призываем всех граждан к абсолютному спокойствию и продолжению своих мирных занятий»¹.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию трудящиеся массы Финляндии восприняли как радостное событие. Финская же буржуазия, почуяв опасность для себя, немедленно приступила к мобилизации контрреволюционных сил.

Видный участник революционной борьбы финского народа А. П. Тайми в своих воспоминаниях сообщает: «Буржуазия в это время уже имела в Финляндии около 10 тысяч готовых к бою «шюцкоровцев» — этой «гвардии мясников», как их называли рабочие, она получила из Германии и скупала, где только можно было, оружие, организовала свои тайные штабы и офицерские школы, провела сбор денежных средств. Словом, буржуазия активно готовилась к гражданской войне»².

1 (14) ноября 1917 года в Финляндии началась всеобщая забастовка. Рабочие создавали отряды Красной гвардии, которым моряки Балтийского флота и солдаты 42-го армейского корпуса оказывали активную поддержку. Предательством вождей финской социал-демократической партии всеобщая забастовка была сорвана, а момент для вооруженного восстания упущен.

Образовавшееся в ноябре 1917 года буржуазное правительство Свинхувуда лихорадочно создавало контрреволюционные отряды белой гвардии (шюцкор), которые возглавил бывший царский генерал Густав Маннергейм. Оперативная сводка Народного Комиссариата по военным делам за 15 декабря 1917 года сообщала: «В провинции всюду наблюдается кипучая деятельность по формированию и вооружению отрядов под руководством немецких агентов, разъезжающих по всей стране. Вооружение привозится из Швеции, винтовки русские и немецкие. Отряды расположены в городах Ботнического побережья. В ближайшем времени вводится общеобязательное обучение по военным немецким уставам, под руководством финнов, участвовавших в войне в германских войсках, и вновь прибывающих немецких инструкторов»³.

¹ «Красный архив», 1940, № 2(99), стр. 22.

² А. Тайми, Страницы пережитого, Петрозаводск, 1949, стр. 189.

³ ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 117, л. 34.

Руководствуясь принципами ленинской национальной политики, Совет Народных Комиссаров (18)31 декабря 1917 года принял решение о предоставлении Финляндии самостоятельности. Выступая по этому вопросу на заседании ВЦИК, И. В. Сталин говорил: «Если мы повнимательнее всмотримся в картину получения Финляндией независимости, то мы увидим, что фактически Совет Народных Комиссаров дал свободу помимо своей воли не народу, не представителям пролетариата Финляндии, а финляндской буржуазии, которая странным стечением обстоятельств захватила власть и получила независимость из рук социалистов России. Финские рабочие и социал-демократы очутились в таком положении, что должны принимать свободу не непосредственно из рук социалистов России, а при помощи финской буржуазии. Видя в этом трагедию финского пролетариата, мы не можем не отметить, что финские социал-демократы только ввиду нерешительности и непонятной трусости не предприняли решительных шагов к тому, чтобы самим взять власть и вырвать из рук финской буржуазии свою независимость»¹.

В начале января 1918 года финская белая гвардия, насчитывавшая к этому времени около 40 тыс. человек, перешла к активным действиям. Начались нападения на отдельные небольшие части русских войск с целью их разоружения и захвата оружия. В ночь на 10 января была сделана попытка захватить Выборг, но совместными действиями русских войск и финской Красной гвардии «мясникам» был дан отпор².

Революция в Финляндии нарастала стремительно. 14(27) января власть в Гельсингфорсе была взята рабочими. Выступление рабочих Гельсингфорса послужило сигналом для пролетариата всей Финляндии. Верховная исполнительная власть была вручена Совету народных уполномоченных, в состав которого вошли О. Куусинен и А. Тайми. К революционной столице стали стягиваться отряды Красной гвардии.

Свергнутое правительство Свинхувуда и войска Маннергейма бежали на север. В ночь на 15(28) января отряды белой гвардии численностью до 10 тыс. человек

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 23—24.

² ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 3, л. 1.

внезапно напали на русские гарнизоны в Вазе и ряде других городов. После сопротивления, длившегося всю ночь и утро, русские войска в Вазе были разбиты. Было много убитых и раненых, остальные захвачены в плен¹.

Закрепившись в Вазе, контрреволюционное правительство Свинхувуда в союзе с германскими империалистами начало готовить поход на революционный юг страны. «На юге Финляндии, — признавался фон дер Гольц, — совершенно невозможно было организовать никакой помощи, никакого контрреволюционного движения. Попытка подобного рода была быстро подавлена... Однако полное разрушение буржуазии не было проведено. Белые... всюду имели еще спрятанное оружие и при нашем вступлении они быстро собрали свои силы»².

В Финляндии началась гражданская война.

К концу января вооруженные силы финского пролетариата исчислялись в 60 тыс. штыков. Около половины этих войск было разбросано небольшими гарнизонами по городам Финляндии, что ослабляло их ударную силу³.

Русские солдаты и матросы относились глубоко сочувственно к революционной борьбе финских трудящихся, и многие из них добровольно вступали в финскую Красную гвардию.

Начавшаяся в Финляндии гражданская война осложняла условия базирования Балтийского флота. Белофинны, мечтавшие о «великой Финляндии», начали организовывать заговоры, диверсии и открытые вооруженные нападения с целью захвата русских военных складов и отдельных кораблей. В своих действиях они опирались на контрреволюционные элементы в Балтийском флоте. Большинство офицеров флота, принадлежавших к дворянству, являлось убежденными монархистами. Многие из них после февральской революции 1917 года покинули флот и, вступив в различные контрреволюционные формирования, включились в вооруженную борьбу против Советской власти. Меньшая часть, продолжая службу во флоте и внешне соблюдая лояльность по отношению к революционным преобразованиям, вела борьбу тайно.

¹ ЦГАОР, ф. 929, д. 17, л. 43.

² F. d. Goltz, цит. соч., стр. 41.

³ См. А. М. Федоров, Разгром контрреволюционных очагов Красной Гвардией, Воениздат, 1940, стр. 90.

Только незначительная часть офицеров, особенно пришедшая на службу во время войны и происходившая из разночинцев и трудовых слоев населения, перешла на сторону народа и честно служила Советской России.

Во флоте и после Октябрьской революции продолжали легально существовать офицерские организации — союзы морских офицеров в Ревеле (Смор) и в Гельсингфорсе. В начале 1918 года они слились в один союз, просуществовавший до перехода флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Г. Граф, бывший командир миноносца «Новик», махровый монархист и непримиримый враг Советской власти, давший в своих записках, составленных в эмиграции, чрезвычайно тенденциозную, но яркую картину разложения царского флота, свидетельствует, что после революции «среди офицеров наблюдались большие изменения». «Лишь немногие, — пишет Граф, — могли соблюдать свое достоинство и, несмотря на тяжелые обстоятельства, в которых они (офицеры — Н. К.) находились, зачастую участвовали в происходивших на берегу оргиях или принимали участие в происходивших на берегу скандалах... Можно назвать, по крайней мере, три случая исчезновения офицеров с крупными казенными деньгами»¹. Граф смягчает факты. Известно, что похищение офицерами казенных денег носило поистине массовый характер.

Тот же Граф утверждал, что Смор не имел возможности осуществлять свою контрреволюционную деятельность открыто, «так как Союз был бы немедленно распущен»².

Не имея никакой опоры в массах, контрреволюционно настроенные офицеры вели антисоветскую агитацию среди солдат и матросов, старались срывать мероприятия Советского правительства, подрывали авторитет выборных местных революционных организаций и центральных органов, организовали шпионаж и вредительство, скупали оружие, поощряли дезертирство. Военный отдел Областного Комиссариату по военным делам о том, что «воинские начальники с целью разложить армию разрешают продление отпусков на месяцы»³. В тот же день военный отдел Або-

¹ Н. Graf, *La marine russe dans la guerre et dans la révolution, 1914—1918*, Paris, 1928, p. 309.

² Там же, стр. 286—287.

³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 415, л. 41.

Аландской позиции сообщил об уходе захваченного белогвардейцами русского ледокола «Сампо» в шведские воды¹. Спекулируя на трудностях, которые переживал флот, враги иногда добивались некоторых результатов.

Примером может служить отказ команд крейсеров «Диана», «Россия» и линейного корабля «Гражданин» (бывш. «Цесаревич») выполнить распоряжение Центробалта от 15 декабря 1917 года о переходе из Гельсингфорса в Кронштадт. Это распоряжение было вызвано созданным положением в Финляндии, а также недостатком топлива, провизии и рядом других причин.

Контрреволюционно настроенные командир и офицеры крейсера «Диана» путем демагогической агитации добились 16 декабря принятия экипажем корабля резолюции, в которой содержался отказ от выполнения распоряжения Центробалта, мотивированный необходимостью отдыха и причинами технического характера. К резолюции крейсера «Диана» присоединились команды крейсера «Россия» и линейного корабля «Гражданин»; команда крейсера «Аврора», не возражая против похода, потребовала назначения не в Кронштадт, а в Петроград².

Состоявшееся 19 декабря совместное заседание Центробалта, береговых и судовых комитетов базировавшихся на Гельсингфорс кораблей единодушно осудило резолюцию «Дианы», «России» и «Гражданина», указав, что их решение дает «огромный козырь в руки врагов революционного народа и свободы. Неисполнение предписания выборного органа, который первый осмелился взять власть в свои руки, не находит себе оправдания в рядах передового авангарда революции Балтийского флота... Мы, находясь в совместной революционной работе с выборной своей организацией, должны зорко следить за тем, чтобы всякое наше революционно-пролетарское начинание исполнялось беспрекословно... и предлагаем всем кораблям, получившим распоряжение о выходе в Кронштадт, приступить к исполнению»³.

Проведя разъяснительную работу среди личного состава назначенных в поход кораблей, большевики сорвали

¹ ЦГАОР, ф. 929, д. 17, л. 54.

² Центральный военно-морской музей, фотофонд, негативы № 2216, 1706-к, 1706-д, 1706-е. Фото с подлинного документа.

³ Центральный военно-морской музей, фотофонд, негативы № 1706-в, 1706-с, 1706-а. Фото с подлинного документа.

замысел врагов. Через несколько дней «Диана», «Россия», «Аврора» и «Гражданин» благополучно совершили переход в Кронштадт.

Этот переход, не принятый во внимание ни одним автором, писавшим о «Ледовом походе», имел важное значение. Он явился как бы разведкой, показавшей возможность перехода боевых кораблей в ледовых условиях. Переходом линейного корабля «Гражданин» и трех крейсеров в известном смысле был подготовлен грандиозный переход 211 кораблей Балтийского флота, совершенный в феврале — апреле 1918 года.

В связи с враждебными выступлениями финской белой гвардии Центробалт принял ряд мер к повышению бдительности и усилению охраны кораблей и военного имущества. Радиограммой «Всем судовым комитетам и береговым частям» 14 января Центробалт предписал: «Прекратить увольнять на берег, усилить охрану кораблей, вооружить отряды, издать распоряжения военного отдела Центробалта, собрать команды и избрать командиров вооруженных отрядов»¹.

16 января военный отдел Центробалта послал телеграмму комиссару Морского генерального штаба, в которой просил передать Верховной морской коллегии просьбу «прислать морские части для усиления защиты скованных льдом судов флота» и выделить Областному комитету Финляндии 15 000 винтовок и патронов к ним, в которых «ощущается острая нужда»².

17 января комиссар Петроградского военного порта И. Д. Сладков в соответствии с приказанием Верховной морской коллегии предложил ледоколу «Ермак» выйти в распоряжение Центробалта для обеспечения сообщения между Ревелем и Гельсингфорсом³.

18 января военный отдел Центробалта, сообщая о прибытии в Гельсингфорс «130 бомбистов для террористических выступлений против судов», потребовал усилить бдительность и меры охранения кораблей и подтверждал приказ о неувольнении личного состава на берег⁴.

В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием событий в Финляндии, 27 января телеграфировал в Гель-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 11, л. 3.

² Там же, л. 16.

³ Там же, л. 30.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 2306, 1918, д. 11, л. 39—40.

сингфорс: «Предписывается Центробалту и местным комитетам флота предоставлять по первому требованию армейского комитета Ревельского укрепленного района транспорт для перевозки оружия и продовольствия в Гельсингфорс»¹.

К концу января в результате усиления активности германской и шведской военщины обстановка в Финляндии еще более усложнилась.

К этому времени вооруженные силы финской контрреволюции достигали 93 тыс. пехоты, три четверти которой было вооружено нарезным оружием и имело шесть батарей, не считая захваченных при разоружении русских войск².

Отсутствие у финских красногвардейцев опытного военного руководства и недостаток инициативы позволили белой гвардии укрепиться и создать фронт, растянувшийся на 400 км — от Ботнического залива до Ладожского озера. На юге был создан ряд контрреволюционных гнезд в тылу у красных, отвлекавших силы красногвардейцев и вносивших дезорганизацию в их ряды. В военном отношении красногвардейцы были подготовлены недостаточно, и это сказывалось на их стойкости.

Положение русских войск и флота в Финляндии вызывало серьезную тревогу у советского командования и Советского правительства.

В связи с участвовавшими нападениями финских белогвардейцев на посты и гарнизоны флота Центробалт усилил охрану кораблей, складов и флотского имущества в Северной Финляндии и предписал караульным частям в районах контрреволюционных выступлений «оставаться на местах до последней возможности. В случае крайности отходить на Таммерфорс, уничтожив секретные документы, захватив с собой оружие и казенные суммы и оставив сторожей у складов»³.

Характеризуя складывавшуюся в Финляндии обстановку, начальник Штаба верховного главнокомандующего 27 января доносил: «...Разрастающаяся война решительно угрожает нашему положению в Ботнике и в Финском заливе. Партизанские действия белых, действующих вразрез между узловыми железными дорогами, станциями и пор-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-95, 1918, д. 126, л. 192.

² ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 3, л. 20.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-95, 1918, д. 126, л. 191.

тами Ботнического залива в связи с бессистемностью руководства Областным комитетом (Финляндии. — *Н. К.*) красной стороной¹ ставят наши береговые части и гарнизоны в прибрежных пунктах в безвыходное положение и лишают их возможности предпринять какие-либо меры противодействия, хотя бы для обеспечения своего снабжения. Сообщение с Раумо прервано. Вскоре та же участь может постигнуть и Або, являющийся базой Оланда, которому, следовательно, угрожает изолирование от материка... Для обеспечения Гангута, служащего базой подводного минного флота, остался только Аренсбургский удар[ный] батальон, состав 300 человек. ...В общем надо признать, что Свеакреп², являющаяся правым флангом нашей морской позиции и одной из баз флота, вскоре может потерять свое значение и флот окажется изолированным»³.

Не надеясь на силы внутренней контрреволюции, «...заправила финской плутократии поспешно обратилась к кайзеровской Германии, чтобы в лице германского империализма приобрести для Финляндии нового хозяина, а для себя новую внешнюю опору для борьбы с трудовым народом... Свинхувуд отправил в Германию бывшего сенатора Э. Ельта с наказом: «Устрой так, чтобы сюда прибыли немцы, иначе мы не справимся»⁴.

Намереваясь превратить Финляндию в плацдарм для наступления на Петроград, германские империалисты, уже давно создавшие в Финляндии широкую сеть агентуры, охотно признали правительство Свинхувуда и не замедлили воспользоваться его приглашением.

В одном из шведских источников сообщалось: «В то время как финское правительство принимало решение просить Германию о военной помощи, финляндский посланник в Берлине Эдвард Ельт проделал, уже по собственной инициативе и на собственную ответственность, большую работу в этом направлении... Ему удалось... добиться импорта оружия и переправки его в Финляндию. Ему ока-

¹ На Областной комитет Финляндии было возложено общее оперативное руководство русскими войсками, находившимися в Финляндии. — *Н. К.*

² Свеабургская крепость. — *Н. К.*

³ ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 3, лл. 17—19.

⁴ О. Куусинен, Финляндия без маски, Госполитиздат, 1943, стр. 6.

зывали большую помощь капитаны Хюльзен и Пюшель, которые... смогли поддержать усилия Ельта в политическом отделе генерального штаба»¹.

Одновременно были предприняты шаги для привлечения к участию в интервенции и шведского правительства. Тот же источник сообщает: «Еще в начале февраля финляндский посланник в Стокгольме получил из Гельсингфорса письмо от Свинхувуда с предложением обратиться к Швеции или Германии за военной помощью»². Шведские капиталисты не остались безучастными и немедленно приступили к подготовке интервенции в Финляндию.

Замыслы немецких и шведских интервентов были хорошо известны Советскому правительству. Не сомневаясь в успехе, самоуверенная прусская военщина не делала тайны из своих захватнических планов. Их оживленно комментировали немецкие газеты, о них откровенно говорили в политических и военных кругах.

Еще в декабре 1917 года русский военный агент в Швеции сообщал: «Мне указано, что Германия поспешила признанием независимости Финляндии только ввиду возможности возобновления с Россией военных действий. В последнем случае она потребует на законном основании немедленного ухода русских войск и флота из нейтральной Финляндии. В случае же отказа немцами будет предпринята операция против Финляндии и Аланда... При этом немецкие военные круги надеются якобы, что и Швеция, как первая признавшая независимость Финляндии, будет принуждена так или иначе реагировать на Россию в этом вопросе, особенно если немцы выкажут желание занять Аланд»³.

Таким образом, к началу февраля 1918 года положение находившихся в Финляндии русских войск и Балтийского флота становилось весьма опасным вследствие реальной угрозы вторжения германских войск, для борьбы с которыми имеющихся сил было явно недостаточно, а пополнить их сколько-нибудь значительными подкреплениями в то время не представлялось возможным. Все это означало, что на северном берегу Финского залива, на одном из важнейших операционных направлений возмож-

¹ J. Öhquist, Das Löwenbanner. Das finishes Volkes Aufstige zur Freicheit. Berlin. 1923, S. 173.

² Там же.

³ ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 117, л. 65.

ного наступления противника на Петроград, возникала серьезнейшая опасность.

Готовя вторжение в Финляндию, германские империалисты открыто заявляли о своих целях. Вильгельм II объявил, что «укрепление существующего финского правительства создаст крепкую плотину против проникновения большевизма в Северную Европу. Если же большевизм достигнет этой цели, то и только что заключенный мир (Брестский. — Н. К.) потеряет свое значение. Намечаемая экспедиция не является продолжением или возобновлением наступления на Россию, так же как и на Украине. Борьба с бродящими по стране бандами и русскими войсками... не является борьбой против России, но исключительно чисто полицейским мероприятием...»¹

Еще откровеннее высказался фон дер Гольц: «Дело шло о том, чтобы парализовать Советскую Россию, служившую опорой восстания в Финляндии, предотвратить всякое ее усиление, избежать восстановления Восточного фронта. Одновременно следовало предотвратить в России английское влияние. Англичане захватили незамерзающее Мурманское побережье и Мурманскую железную дорогу... Германские войска и флот в Финляндии были краеугольным камнем германского господства на Балтийском море, они угрожали Петрограду и фланкировали Мурманскую дорогу... Цель была столь важна, что ради нее стоило послать небольшие силы в Финляндию...»²

Итак, подавление революции в Финляндии и создание здесь плацдарма для удара на Петроград, завоевание господства на Балтийском море, ослабление Советской России — вот те цели, которые ставили перед собой германские империалисты, готовя вторжение в Финляндию. «...Наши войска,— писал впоследствии генерал Людендорф,— отправились в Финляндию защищать не финские, а исключительно германские интересы»³.

Балтийский флот представлял собою значительное препятствие на пути к достижению этих целей, поэтому одной из ближайших задач германского командования являлся захват Балтийского флота.

¹ F. Bayer. Das deutsche Einschreiten in Finland 1918 als völkerrechtmässige Intervention. Braunschweig, 1928, S. 85.

² Там же, стр. 48.

³ Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, ГИЗ, М., 1924, стр. 194.

События, происходившие в Финляндии, делали угрозу захвата Балтийского флота весьма реальной.

Не менее угрожающе для Балтийского флота складывалась обстановка в Прибалтике, на южном берегу Финского залива, — втором важнейшем направлении возможного наступления германских войск на Петроград.

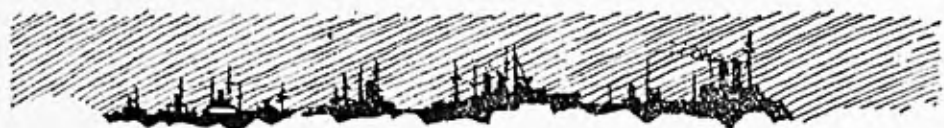
Уже в феврале 1918 года немецкие войска заняли южный берег Финского залива и создали угрозу Ревелю.

Исходя из конкретной обстановки, сложившейся на решающих операционных направлениях под Петроградом (в Финляндии, Прибалтике и на Балтийском море), и соотношения сил, ЦК партии и Советское правительство сочли необходимым перевести Балтийский флот с угрожаемой стратегической базы (Ревель, Або-Аланд, Ганге, Гельсингфорс) на тыловую стратегическую базу в восточной части Финского залива (Кронштадт — Петроград).

Это не только избавляло Балтийский флот от угрозы его захвата, но и усиливало оборону Петрограда в трудные дни ликвидации старой армии и флота и создания Советских Вооруженных Сил.

Так возникла идея первой стратегической операции советских Военно-морских сил по перебазированию Балтийского флота, которая была осуществлена в феврале — мае 1918 года.

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

ПО ПЕРЕБАЗИРОВАНИЮ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ВОСТОЧНУЮ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

1. Подготовка операции. Вывод части флота из Ревеля в Гельсингфорс

В предыдущей главе выяснены цели, которые преследовала Германия, осуществляя вероломное вторжение в нашу страну. Что же касается германских планов на петроградском направлении, то их весьма определенно изложил фон дер Гольц в своих воспоминаниях: «Необходимо было связать руки Советской России, которая стояла за финским восстанием, пресечь возможность распространения ее власти и предотвратить образование нового восточного фронта. Если бы удалось отбросить большевиков к самому Петрограду, то их могуществу был бы нанесен новый чувствительный удар и тогда в союзе с дружественной Финляндией, имея в своих руках Нарву и Выборг, мы имели бы русскую столицу в клещах»¹.

Таким образом, план германского командования на петроградском направлении предусматривал нанесение одновременно удара через Нарву и Псков и через Финляндию на Выборг с целью охвата Петрограда в клещи. Предварительным условием решения этой задачи являлся захват Балтийского флота.

Наступление германских войск на ревельском направлении чрезвычайно осложняло и без того тяжелое поло-

¹ F. d. Goltz, цит. соч., стр. 49.

жение, в котором находился Балтийский флот. Немцы рвались к Ревелю, рассчитывая захватить там ценные боевые корабли. Они настолько были уверены в успехе, что, как свидетельствует один из участников боев, «взяли с собой германские военно-морские флаги, чтобы поднять их на захваченных русских кораблях»¹.

Осуществляя руководство активной обороной страны, Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли огромное внимание Балтийскому флоту, направляя его деятельность не только указаниями через центральные органы управления морскими силами (Народный Комиссариат по морским делам, Верховная морская коллегия), но в ряде случаев и непосредственными распоряжениями Центробалту, его военному отделу и другим исполнителям².

Еще до начала немецкого наступления по указанию В. И. Ленина Верховная морская коллегия и Центробалт провели ряд мероприятий по обеспечению безопасности Балтийского флота и укреплению обороны подступов к Петрограду с моря.

14 февраля военный отдел Центробалта приказал Ревельскому флотскому комитету организовать воздушную разведку с целью наблюдения за передвижением германских войсковых частей³.

16 февраля начальник военного отдела Ревельской морской крепости получил приказ военного отдела Центробалта привести все суда, стоящие в Ревеле, в двухсуточную готовность для перехода в случае надобности в Гельсингфорс⁴. Аналогичный приказ был отдан начальнику 1-й бригады крейсеров⁵.

¹ А. Сох, Ледовый поход Балтийского флота, Газета «Красный Карачай» (г. Микоян-Шахар), 22 февраля 1938 г.

² При этом надо иметь в виду, что по условиям тогдашней обстановки, требовавшей быстрого принятия и осуществления решений, далеко не всегда имелась возможность для оформления соответствующих документов. Поэтому значительное количество руководящих указаний, в том числе и оперативного характера, отдавалось исполнителям устно, при личном их вызове, или по телефону. Несомненно, что вследствие этого далеко не все указания В. И. Ленина, относящиеся, в частности, к Балтийскому флоту, были зафиксированы. Это важное обстоятельство должно быть непременно учтено при исследовании данного вопроса.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 11, л. 100.

⁴ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 231.

⁵ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 11, л. 113.

17 февраля на основании указаний В. И. Ленина Коллегия Морского Комиссариата от имени Совета Народных Комиссаров телеграфом передала Центробалту директиву, которая явилась исходным документом для подготовки к проведению операции по перебазированию флота из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт¹.

Директива была получена Центробалтом в 18 часов 50 минут 17 февраля. Этот день и явился днем начала операции по перебазированию Балтийского флота, известной под названием «Ледового похода»².

В указанной директиве говорилось: «Оценивая возможные операции, кои германцы могут предпринять в настоящее время на Балтийском театре, приходится считать вероятным производство смешанной операции от островов Моонзунда на материк, с целью захвата Ревеля и Эстляндии с сухого пути при широком содействии германского флота в Финском заливе, к западу от центральной позиции». Ссылаясь на указание Совета Народных Комиссаров, директива сообщала, что по принятии Советом Народных Комиссаров окончательного решения «об общих мерах, кои желательны, а равно и для выработки того отношения, которое с военной точки зрения должно быть проявлено со стороны наших вооруженных сил», Морской Комиссариат «преподает к исполнению флотам соответствующую общую директиву».

Далее в директиве указывалось: «Впредь до получения таковой, является совершенно необходимым теперь же принять некоторые меры к обеспечению безопасности подступов с моря к столице. С этой целью и именем Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики Коллегия

¹ Коллегия Морского Комиссариата была создана Совнаркомом 22 февраля 1918 г., одновременно с преобразованием морского министерства в Народный Комиссариат по морским делам (см. Систематический сборник постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 11).

² Следует отметить, что ни один из авторов работ о «Ледовом походе» до сих пор не дал правильной датировки начала данной операции, что целиком вытекает из сложившегося в нашей литературе взгляда на «Ледовый поход» как на переход флота в сложных условиях, а не как на стратегическую операцию. Большинство авторов ошибочно относят начало «Ледового похода» к моменту выхода кораблей из Ревеля (22 февраля 1918 г.), а некоторые даже к моменту выхода первого отряда кораблей из Гельсингфорса (12 марта 1918 г.).

Морского Комиссариата приказывает: 1. Теперь же сосредоточить в районе Ревеля и Гельсингфорса все ледокольные средства, состоящие при флоте, включая и ледокол «Сампо», захваченный финляндской белой гвардией, для какой цели должны быть решительно приняты все меры, включая применение вооруженной силы.

2. Теперь же увести из Ревеля в Гельсингфорс все те боевые и вспомогательные суда, наличие команды на которых, а равно техническое их состояние не допускает выхода их в море по первому требованию... 5. Теперь же подготовить к уходу из Гельсингфорса в Кронштадт все те суда 2-й и 3-й категории, кои могут быть без ущерба для них проведены в колотом льду».

В пунктах 3, 4 и 6-м перечислялись мероприятия по обеспечению операции, в частности предлагалось привести в боеспособное состояние батареи береговой обороны Финского залива и подготовить корабли 1-й категории к выходу на центральную позицию для ее охраны в случае попытки германского флота проникнуть в Финский залив. В заключение в директиве указывалось: «Теперь же принять все меры к тому, чтобы эта директива фактически могла бы быть исполнена флотом по первому к тому требованию. Сверх изложенного теперь же надлежит принять меры к возможному переводу запасов флота из Ревеля в Гельсингфорс и Кронштадт»¹.

Таким образом, в качестве главной задачи Балтийскому флоту поручалась оборона подступов к Петрограду с моря.

Ориентировочный замысел Советского правительства заключался в том, чтобы совместными действиями боеспособной части флота (корабли 1-й категории) и средств позиционной обороны (мино-артиллерийские позиции) не допустить прорыва флота противника вглубь Финского залива и обеспечить перебазирование в первую очередь небоеспособной части флота (корабли 2-й и 3-й категории) на тыловую базу Кронштадт. При этом на первом этапе предусматривался немедленный вывод из Ревеля в Гель-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, лл. 259—263. Разрядка моя. — Н. К.

сингфорс всех кораблей и судов, которые не могли выйти в море по первому требованию, а также перевод запасов флота из Ревеля в Гельсингфорс и Кронштадт; на этом же этапе осуществлялась немедленная подготовка к переводу из Гельсингфорса в Кронштадт всех кораблей, способных совершить переход в сопровождении ледоколов («в колотом льду»).

Так как противник не предпринимал активных действий на море, а стремился захватить Балтийский флот в его базах с суши, главной задачей флота стало перебазирование в Кронштадт. Быстрое продвижение немецких войск на сухопутном направлении и реальная опасность захвата ими Ревеля обусловили необходимость срочной эвакуации этой базы и перевода всех кораблей в Гельсингфорс. Последующие этапы перебазирования флота из Гельсингфорса в Кронштадт определялись условиями быстро изменявшейся обстановки, потребовавшей вывода в первую очередь наиболее ценных кораблей, а затем оставшейся части флота. Завершающим этапом операции явился вывод кораблей и судов в мае 1918 года, оставшихся в Финляндии из-за невозможности совершить переход в ледовых условиях.

Получив 17 февраля директиву Советского правительства, Центробалт немедленно приступил к ее выполнению.

В тот же день военный отдел Центробалта отдал приказ привести в состояние боевой готовности все батареи Приморского фронта, «дополнив команду, если надо, из добровольцев морской бригады»¹. Одновременно было приказано немедленно приготовить и по мере возможности начать переводить в Гельсингфорс все подводные лодки, их базы, а равно и прочие вспомогательные суда, кроме транспортов, нужных для возможной эвакуации порта. Крейсера предлагалось срочно привести в боевую готовность и держать в Ревеле до приказа². Начальнику морских сил Балтийского моря в Кронштадте 18 февраля было приказано принять все меры для приведения в немедленную готовность к походу всех ледоколов, как исправных, так и ремонтирующихся. «От быстрого испол-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 237.

² Там же, л. 236.

нения настоящего приказа, — указывал Центробалт, — зависит участь Российского флота»¹.

18 февраля Центробалтом была получена из Морского генерального штаба телеграмма (в копии), в которой Управление Северным фронтом, сообщая о возобновлении Германией военных действий в 12 часов 18 февраля, указывало, что в случае натиска значительных сил противника войскам разрешено отходить, уничтожая все военные запасы. Ревельскому укрепленному району предписывалось «удерживать морскую крепость постольку, поскольку необходимо дать время выйти частям, занимающим Галсальское, Вердерское и Перновское направления, на линию Ревель — Вайсенштейн»².

Таким образом, Центробалту приходилось осуществлять эвакуацию Ревеля в самом срочном порядке, учитывая недостаточность сил для длительной обороны базы с суши.

В этот же день объединенное совещание местных советских, партийных и военных организаций Ревельского укрепленного района в целях усиления руководства оборонной района приняло решение создать военный отдел укрепленного района (Ревукр) из представителей исполкома Совета, армейского и флотского комитетов, штаба Красной гвардии и Эстляндского краевого комитета большевиков. К военному отделу Ревукра, который возглавил руководитель большевиков Эстонии В. Э. Кингисепп, перешла военная власть в городе и крепости³.

В донесении, отправленном 18 февраля из Ревеля, сообщалось, что крейсера и подводные лодки через два дня будут готовы к переходу в Гельсингфорс, но в бой вступать не смогут из-за некомплекта команд (на бригаде крейсеров, вследствие увольнения старых годов, осталась третья часть личного состава). На 19 февраля был назначен выход подводных лодок в Гельсингфорс, на 20 февраля — переход тральщиков. На транспорты грузилось наиболее ценное имущество порта, береговой обороны и воздушной дивизии. По окончании эвакуации всех кораблей в проходах гавани предполагалось затопить пловучие доки, краны, баржи, чтобы не допустить проникновения

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 267.

² Там же, лл. 308—309.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-8, д. 36, л. 10.

кораблей противника в Ревель. Для уничтожения ступеней и портовых сооружений, имеющих военное значение, были организованы две подрывные партии¹.

Утром 19 февраля командование Ревельского укрепленного района получило директиву Морского генерального штаба — оказывать возможное сопротивление как наступающим сухопутным силам, так и проникновению германского флота в Финский залив, в крайнем случае уничтожая все, что можно. Ввиду того, что эвакуация сухопутным путем была невозможна из-за недостатка вагонов и краткости времени, предлагалось вывозить все, что можно, морем в Гельсингфорс².

20—21 февраля начались бои на подступах к Ревелю. Отряды матросов-добровольцев вместе с частями Красной Армии, стремясь задержать противника, оказывали ему упорное сопротивление.

Ввиду тяжелой ледовой обстановки и нехватки ледоколов переход транспортов и малых боевых кораблей со слабым корпусом представлял огромные трудности. Первые корабли вышли из Ревеля 22 февраля. В этот день ледокол «Ермак» повел в Гельсингфорс две подводные лодки и два транспорта с эвакуируемыми военными грузами. Из Ревеля доносили: «Состояние льда на рейдах очень тяжелое, и суда пробираются с трудом. В море в больших массах толстый лед. Продолжение морозов с каждым днем ухудшает возможность навигации».

Стремясь не допустить ухода флота из Ревеля, германское командование решило захватить мощные береговые батареи на островах Нарген и Вульф, прикрывавшие вход в ревельский порт с моря. В ночь на 24 февраля немецкие отряды пытались перейти по льду на эти острова. Противник был обнаружен. Батареи, открыв огонь, взломали лед и заставили немцев с потерями отступить.

23 февраля «Ермак» вернулся в Ревель, чтобы совместно с другими ледоколами вывести оставшиеся здесь корабли.

С утра 24 февраля железнодорожное сообщение с Ревелем прекратилось. Начались бои на окраинах города. К этому времени погрузка имущества на транспорты была закончена. Местный флотский комитет перебрался на

¹ ЦГАВМФ, ф. 418, 1918, д. 23866, л. 18.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 321.

Ледокол „Ермак“ форсирует тяжелые льды

крейсер «Адмирал Макаров», продолжая руководить эвакуацией флота. Все дела и документы были погружены на пароход «Бурлак», лишние — сожжены¹.

В течение 24 февраля и на следующий день корабли и транспорты с помощью ледоколов «Ермак», «Волынец», «Тармо» и «Огонь» выходили на рейд. 24 февраля из Ревеля вышли крейсера «Олег», «Баян» и «Богатырь», две подводные лодки, транспорт «Европа» и спасательное судно «Волхов».

На крейсерах находилось около 4000 эвакуируемых женщин и детей. Палубы кораблей были загромождены автомобилями, обмундированием, провизией и различным имуществом, принятым из портовых складов.

25 февраля противник пытался задержать корабли в порту бомбардировкой с воздуха и обстрелом. В 10 часов 20 минут над рейдом показался немецкий самолет типа «Таубе», встреченный огнем зенитной артиллерии кораблей и ружейным огнем. Самолет сбросил 6 бомб. Одна из них попала в крейсер «Рюрик», пробив палубу и ранив несколько человек. На транспорте «Альфа» был убит один и ранено несколько человек. Последующие атаки немецких самолетов вследствие эффективного огневого противодействия оказались безрезультатными. Ледоколы продолжали выводить на рейд подводные лодки, тральщики, заградители, транспорты. Вышедшие на рейд корабли растянулись на несколько миль.

В полдень в порту появился разведывательный отряд немецких велосипедистов. Встреченные ружейным огнем с ближайших кораблей, разведчики ретировались.

Крейсер «Адмирал Макаров», обеспечивая выход кораблей, оставался в порту до вечера. Около 17 часов к борту крейсера подошел катер с представителями германского командования, которые угрожали репрессиями, если корабли откроют огонь по городу. На это был дан ответ, что огонь будет открыт только в случае противодействия выводу эскадры.

Спустя 45 минут к крейсеру подошел буксир с немецкой делегацией, потребовавшей вернуть все увозимое на кораблях имущество и угрожавшей в противном случае открыть огонь по крейсерам «Адмирал Макаров» и «Рюрик». Немцам было отвечено, что увозится только казен-

¹ Один из примеров, объясняющих отсутствие материалов в архивах по многим важным вопросам.

ное имущество, а если будет открыт огонь, то эскадра немедленно будет отвечать. После этого немцы убрались восвояси, не рискуя вступить в артиллерийскую дуэль с крейсерами. Выход кораблей продолжался¹.

Около 19 часов «Адмирал Макаров», замыкая вышедшую колонну кораблей, покинул Ревель. Город и порт были захвачены немцами, которым активно содействовала эстонская буржуазия и созданные ею буржуазно-националистические банды. Предатели из среды эстонских буржуазных националистов не только открывали немцам фронт, но и наносили подлые удары в спину советских войск. Так, например, эстонский полк в Гапсале отказался идти на позиции, арестовал местный Совет и, разоружив, задержал десантную роту моряков с о. Вормс и команду батареи № 37².

Переход кораблей в Гельсингфорс проходил в трудных условиях. Зима была суровой. В конце февраля толщина льда в этой части моря достигала 70 и более сантиметров. Ледоколов не хватало, и корабли то и дело затирало льдом. Запасы угля были ограничены. Большой некомплект команд вынуждал моряков работать без отдыха. Однако, вдохновляемые большевиками, балтийцы успешно выполняли боевое задание Советского правительства.

Утром 26 февраля фарватер, проложенный шедшим в голове каравана «Ермаком», был забит движущимся льдом. Крейсер «Баян», пытавшийся пробить лед в канале, не смог этого сделать и вынужден был остановиться. Вслед за ним были затерты льдом учебный корабль (бывш. броненосец) «Петр Великий» и транспорт «Михаил». Подошедший «Ермак» освободил застрявшие корабли и повел за собой. В дальнейшем многие корабли неоднократно застревали во льду, но, освободившись с помощью ледоколов, продолжали свой путь. Крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Олег» и транспорт «Михаил» совершили переход в основном своими силами, лишь на подходе к Гельсингфорсу воспользовавшись помощью ледокола «Тармо».

В полдень, приняв с борта «Адмирала Макарова» отряд матросов с пулеметами, ледокол «Волынец» напра-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 2183, лл. 47 об. — 53; д. 663, лл. 48—54 об.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 352.

Дата		Время		Путь		Скорость		Средняя скорость		
<p>Рядом Кашинский залив. Восточная часть 25/10, 26/10, 27/10.</p>										
7	14	Восточная часть Северная часть								
8	15	Восточная часть Северная часть								
9	16	Восточная часть Северная часть								
10	17	Восточная часть Северная часть								
11	18	Восточная часть Северная часть								
12	19	Восточная часть Северная часть								
13	20	Восточная часть Северная часть								
14	21	Восточная часть Северная часть								
15	22	Восточная часть Северная часть								
16	23	Восточная часть Северная часть								
17	24	Восточная часть Северная часть								
18	25	Восточная часть Северная часть								
19	26	Восточная часть Северная часть								
20	27	Восточная часть Северная часть								
21	28	Восточная часть Северная часть								
22	29	Восточная часть Северная часть								
23	30	Восточная часть Северная часть								
24	31	Восточная часть Северная часть								

Записи в вахтенном журнале крейсера

№	№	Наименование	Вид	Материал	Содержание	Примечание
12	11	Судьями со стороны				
	16	Закон о наследстве				
	20	Судьями				
	34	Малый суд				
	46	Судьями малый суд 9 1/2				
	46	Закон о наследстве				
14	11	Средний суд				
	24	Малый суд				
	36	Судьями малый суд 9 1/2				
	38	На в Судьями малый суд 9 1/2				
	43	На в Судьями малый суд 9 1/2				
	44	Малый суд				
	50	Судьями				
	57	Малый суд 9 1/2				
15	17	Судьями малый суд 9 1/2				
	15	Малый суд, судьями малый суд 9 1/2				

Судьями и судьями

Судьями и судьями

вился к о. Нарген для уничтожения береговых батарей. С помощью прибывшей подрывной партии командами батарей были взорваны башенные установки 12-дюймовых орудий и другие батареи. Еще накануне были взорваны батареи на о. Вульф и полуостровах Вимс и Суроп¹.

27 февраля в 9 часов утра крейсера «Адмирал Макаров», «Рюрик» и «Богатырь» вошли на внутренний Гельсингфорский рейд. Через несколько часов пришел крейсер «Олег», затем появились крейсер «Баян» и заградитель «Волга», за ними прибыли и остальные корабли.

Несмотря на значительные трудности, переход в сложных условиях благополучно совершили 56 кораблей. Потеряна была только затонувшая от сжатия льдов подводная лодка «Единорог», личный состав которой перешел на другие корабли².

Расчеты немецких и стоявших за их спиной американских и английских империалистов на захват значительной части Балтийского флота провалились. Немцы, захватив Ревель, нашли в порту лишь несколько мелких кораблей, не имевших сколько-нибудь серьезного военного значения. По сообщению германских газет, при взятии Ревеля было найдено 8 старых подводных лодок, три парохода водоизмещением от 1200 до 2000 тонн, два малых ледокола, несколько легких подъемных кранов и буксиров и три баржи с амуницией для военных кораблей и противолодочными сетями³. К этому надо прибавить, что упомянутые германскими газетами в качестве трофеев 8 подводных лодок на самом деле были лишь 4 корпуса старых лодок, три из которых были построены еще во время русско-японской войны («Пескарь», «Стерлядь» и «Белуга»), а четвертая — «Крокодил» — в 1908 году. Все механизмы с этих лодок давно были отправлены в Россию для капитального ремонта.

Переход из Ревеля в Гельсингфорс подтвердил возможность плавания во льдах военных кораблей даже со слабым корпусом при надлежащем обеспечении их ледоколами.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 2183, лл. 47 об. — 53; д. 663, лл. 480 об. — 54, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 440; д. 360, л. 744.

² Сведения о гибели «Единорога» сообщены автору адмиралом флота проф. И. С. Исаковым. В документах сведений об этом факте обнаружить не удалось.

³ «Правда» от 8 марта (23 февраля) 1918 г.

Торговые суда на переходе из Ренеа в Гельсингфоре

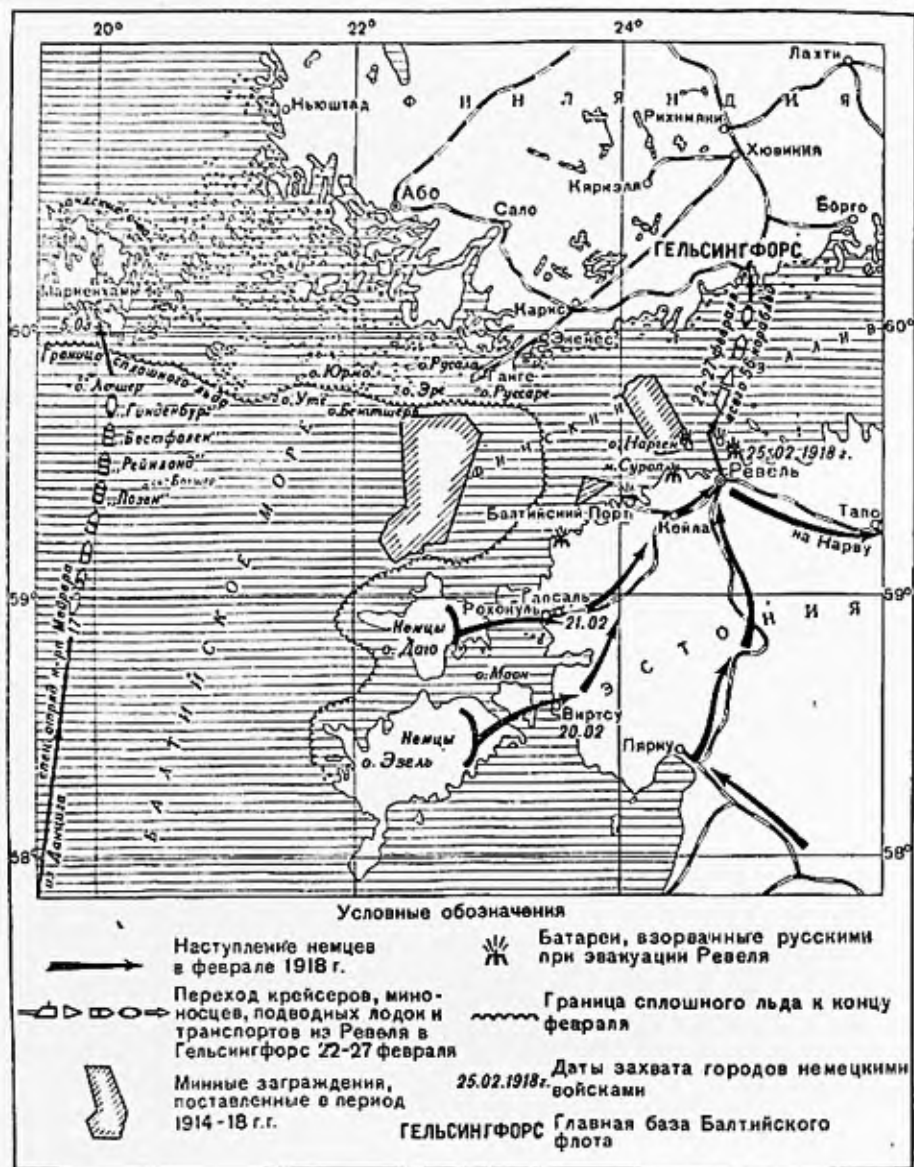

Схема 1. Переход кораблей из Ревеля в Гельсингфорс

2. Переход первого отряда кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт

В непосредственной связи с начавшимся 18 февраля наступлением германских войск на Петроград следует рассматривать события, развернувшиеся в феврале 1918 года на островах Або-Аландского архипелага.

В начале февраля восстание белой гвардии, охватившее северную часть Финляндии, перекинулось на острова Або-Аландского архипелага. Белогвардейские отряды, продвинувшись по льду с материка в район Аландских островов, стали нападать на русские посты службы связи Балтийского моря, арестовывая команды и расхищая имущество.

В связи с угрозой захвата Або-Аландской позиции Центробалт 15 февраля обратился с воззванием ко всем морякам Балтийского флота:

«Товарищи! Наступил решительный момент и, быть может, последний — защитить грудью революцию от покушений белой гвардии. В связи с создавшимся положением на острове Аланд и др. Центральный комитет Балтийского флота призывает вас, товарищи моряки, остаться на своих местах всем, кому дорога свобода и родина, впредь до минования надвинувшейся грозной опасности со стороны врагов свободы»¹.

Малочисленный гарнизон на Або-Аландских островах оказался в затруднительном положении. Штаб белой гвардии угрожал начать военные действия. 15 февраля к Аланду подошла шведская эскадра под командованием Эренсверда. Представители Швеции потребовали немедленной эвакуации островов и перевозки русского гарнизона на шведских судах в Ревель. Все имущество предлагалось оставить на островах, за исключением одной винтовки на человека. Донося об этом радиограммой Совету Народных Комиссаров, Исполнительный комитет Або-Аландской позиции просил немедленного вмешательства, так как события могли принять военный характер².

В результате переговоров между представителями Швеции, белой гвардии и советским консулом в Швеции В. В. Воровским, при участии представителей гарнизона, было достигнуто соглашение об эвакуации островов на следующих условиях: эвакуация русских войск не предвещает международного положения Аландских островов и вопроса о правах на них России и Финляндии; все имущество русского правительства остается неприкосновен-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 11, л. 109.

² ЦГАОР, ф. 359, оп. 1, д. 17, л. 83. Этот же документ находится: ф. 130, оп. 2, д. 491, лл. 3—5 об., 6—8; д. 492, лл. 1—1 об. ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 3, лл. 49—50. ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 11, лл. 118—121.

ным и сдается на хранение аландским властям при русских комиссарах, с гарантией шведского правительства; русские войска с оружием и снаряжением перевозятся на шведских кораблях в Россию, а белогвардейцы — в Северную Финляндию; Аландские острова исключаются из зоны военных действий.

Эти условия, сообщенные В. В. Воровским Совету Народных Комиссаров радиотелеграммой¹, были одобрены Советским правительством, вследствие чего Коллегия Морского Комиссариата 22 февраля приказала военному отделу Центробалта «безотлагательно приступить к уходу наших войск с Аланда и передаче на хранение наших батарей и имущества, на условиях, сообщенных Воровским»².

Обязательства, взятые на себя шведским правительством, фактически не были выполнены, за исключением эвакуации части русских войск уже после ухода флота из Гельсингфорса. Ценное имущество было расхищено шведскими и вскоре прибывшими германскими войсками и белой гвардией.

Швеция все более активно вмешивалась в происходившую в Финляндии гражданскую войну, выступая на стороне контрреволюционного правительства Свинхувуда.

19 февраля военный агент в Копенгагене сообщал, что из Швеции отправлены в Финляндию 6000 шведских добровольцев и оружие³. Для вербовки добровольцев в финскую армию в Швеции были открыты особые бюро, возглавляемые немцами⁴. 28 февраля шведским правительством был принят законопроект об отпуске 500 тысяч крон на содержание войск на Аланде и о разрешении использовать солдат вне границ Швеции⁵. Шведские и датские банки оказали правительству Свинхувуда крупную финансовую поддержку в размере 40 млн. крон⁶. Дания также посылала белой гвардии оружие и продовольствие. Об отправке шведских войск в Финляндию сообщает и фон дер Гольц: «Шведская бригада., хорошо снабженная, хотя, к сожалению, и без опыта использова-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918, д. 11, лл. 122—123.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 381.

³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 415, л. 93 об.

⁴ Там же, л. 102.

⁵ Там же, лл. 105 об. — 106.

⁶ Там же, л. 111.

ния новой военной техники, сопровождаемая проклятиями шведских красных, отправилась в Финляндию и... помогла Финляндии, а тем самым и Скандинавии защищаться от красного потока. Офицеры шведского генерального штаба поступили в штаб Маннергейма и совместно с бывшими финскими и русскими офицерами финской национальности в общем обеспечили руководство»¹.

Однако шведские захватчики, мечтавшие о создании союза скандинавских стран, подвластного Швеции, вынуждены были уступить позиции более сильному империалистическому хищнику — кайзеровской Германии, которая распорядилась в Финляндии, как у себя дома. По сообщению военного агента из Стокгольма, Маннергейм в конце февраля заявил, что он «просил раньше всего о помощи английское и французское правительства, но они задержали ответ, а немцы сами предложили помощь и через 24 часа уже начали оказывать ее и что поэтому ему теперь вовсе не нужна помощь шведов... Все это, видимо, озабочивает шведов, видящих, что Финляндия переходит в руки немцев, а не в союз северных стран»².

Действительно, за военную помощь для борьбы с революцией Свинхувуд и Маннергейм фактически продали свою страну Германии. Как указывает О. В. Куусинен, «немцы требовали за военную помощь, оказываемую финляндской контрреволюции, подчинения Финляндии как в экономическом, так и в политическом отношении империалистической Германии. Они согласились в 1918 г. выслать немецкие войска на палаческую службу в Финляндию только после того, как от имени Финляндии в Берлине был подписан кабальный «торговый и мирный договор»³.

На основании этого договора Германия потребовала отозвания шведских войск с Аландских островов, что и было исполнено. Здесь немаловажную роль сыграло и другое обстоятельство — сопротивление трудящихся Швеции. Шведские рабочие решительно протестовали против посылки войск в Финляндию. Так, на одном из рабочих собраний в Гетеборге было вынесено решение: под угрозой всеобщей забастовки воспрепятствовать нарушению нейтралитета Швеции.

¹ F. d. Goltz, цит. соч., стр. 44.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 415, л. 111 об.

³ О. Куусинен, Финляндия без маски, стр. 13.

Германское командование намеревалось, по словам Людендорфа, «создать себе опорный пункт на Аландских островах, так как в обстановке того времени казалось необходимым произвести высадку войск в Ботническом заливе».

Подготовка операции затянулась, и только 28 февраля из Данцига вышел отряд германских кораблей под флагом контр-адмирала Мейрера в составе трех линейных кораблей («Вестфален», «Рейнлянд» и «Позен»), нескольких крейсеров, сторожевых судов, ледоколов и тральщиков; на 17 транспортах находились войска Балтийской дивизии фон дер Гольца. Из-за трудностей ледовой и минной обстановки отряд двигался медленно. 5 марта отряд был вынужден остановиться у о. Экере (в группе Аландских островов), так как намечавшаяся первоначально высадка войск у Ганге не удалась. Несмотря на наличие ледоколов, корабли не смогли преодолеть ледяные поля, а головной корабль «Гинденбург» взорвался на минах и затонул. Отряд был вынужден вернуться обратно, а высадка у Ганге была отложена на месяц. Уходя, немцы часть войск оставили на Аландских островах, где был установлен жестокий оккупационный режим. «Немцы на Аланде, — сообщала «Правда», — ведут себя как в завоеванной стране, вызывая сильное недовольствие в населении»¹.

Таким образом, в конце февраля Балтийский флот лишился Або-Аландской позиции, являвшейся правым флангом передовой минно-артиллерийской позиции, защищавшей вход в Финский залив. Хотя захват немцами Аланда не создавал непосредственной опасности для Балтийского флота, однако этим осложнялась и без того весьма неблагоприятная оперативная обстановка в Финском заливе.

Создав опорный пункт на Аландских островах, германские империалисты начали готовиться к вторжению в Финляндию, всячески поощряя в то же время антисоветские действия белофиннов. Финские прислужники германских империалистов охотно шли навстречу их желаниям. «...Маннергейм, — пишет О. В. Куусинен, — в феврале — марте открыто призывал возглавляемую им белофинскую армию к походу против Ленинграда (тогдашнего Петро-

¹ «Правда» от 20(7) марта 1918 г.

града) и к завоеванию Советской Карелии. Две белофинские экспедиции во главе с капитаном Валлениусом были посланы в Советскую Карелию (в марте 1918 г.), но их еще в пути разгромили финские красногвардейские отряды с помощью местного населения. На поход же против Ленинграда у Маннергейма не хватило сил...»¹

Не хватало сил у Маннергейма и у Свинхувуда и для борьбы с финской Красной гвардией. Поэтому они призывали на помощь шведов и немцев, пугая капиталистов призраком большевизма. «Мы хотим, — заявлял Маннергейм в беседе с шведским корреспондентом, — воздвигнуть плотину против большевизма. Мы с нетерпением ожидаем помощи с Запада. Европа должна понять, что она заинтересована в исходе нашей борьбы... Нам нужна помощь, и эта помощь должна выразиться в присылке крупных отрядов добровольцев»².

Готовя вторжение в Финляндию, империалисты Германии попрежнему одной из важнейших задач считали захват или уничтожение Балтийского флота. Этой же задаче отвечали и статьи Брестского договора, относящиеся к флоту.

В статье V договора указывалось: «Россия должна немедленно демобилизовать свои войска, включая войсковые части, образованные нынешним правительством. Свои военные суда она отведет в русские гавани, где они останутся до заключения всеобщего мира, или немедленно разоружит их. С военными судами государств, находящихся в состоянии войны с державами четверного союза, должно быть поступлено, как и с русскими. Нейтральная часть Ледовитого моря остается таковой впредь до заключения всеобщего мира. Балтийское море, а также и Черное, поскольку на них распространяется русское владычество, должны быть очищены от мин. Свободное торговое судоходство на этих морях должно быть немедленно возобновлено».

В статье VI говорилось: «...Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии... Финляндия и Аландские острова также немедленно очи-

¹ О. Куусинен, Финляндия без маски, стр. 8.

² «Известия» от 7(20) марта 1918 г.

щаются от русских войск и Красной гвардии, а финские гавани от русского флота. Пока море покрыто льдом и возможность вывода русских судов исключена, на этих судах должны быть оставлены лишь немногочисленные команды. Россия прекращает всякую агитацию против правительства и общественных учреждений Финляндии. Укрепления на Аландских островах подлежат скорейшему, по возможности, упразднению»¹.

Эти требования в отношении Балтийского флота в сочетании с рядом тревожных фактов не оставляли никакого сомнения в намерениях германских империалистов. Отрезанные мощным ледяным покровом от своей тыловой базы, корабли должны были разоружиться и распустить команды, оставив лишь ничтожную часть личного состава. Так как русские войска подлежали немедленной демобилизации и выводу из Финляндии, корабли оказывались без всякой защиты. Южная база флота — Ревель — была в руках немцев, что давало им полную возможность даже в условиях ледовой обстановки с помощью ледоколов провести операцию морскими силами против Гельсингфорса. Разведка доносила о появлении в море германских кораблей.

В этой обстановке предоставленная условиями мирного договора возможность пребывания русских кораблей в финских портах до очищения моря от льда становилась не только фикцией, но и явной ловушкой. Дальнейшее пребывание русских кораблей в базах Финляндии в этих условиях привело бы лишь к их захвату.

В указанной обстановке директива Совета Народных Комиссаров от 17 февраля о перебазировании Балтийского флота в Кронштадт приобретала особенно важное значение. Она не только не была отменена, но в дальнейшем получила неоднократное подтверждение в виде частных директив, направлявшихся Балтийскому флоту уже в процессе проведения операции. Поэтому никак нельзя согласиться с авторами ранее изданных работ о «Ледовом походе», которые ошибочно приписывают решение о перебазировании флота командованию флотом или же Центробалту, относя дату принятия решения

¹ «Правда» от 6 марта (21 февраля) 1918 г. Разрядка моя.—И. К.

к 19 февраля или 6 марта, когда на заседаниях Центробалта обсуждался вопрос о переводе флота из Гельсингфорса в Кронштадт. К тому же проведение перебазирования всего флота, с ликвидацией баз, системы мино-артиллерийских позиций и береговой обороны выходило за пределы компетенции Центробалта и являлось прерогативой высшего командования и Советского правительства.

Операция по перебазированию флота из Гельсингфорса и других баз Финляндии в Кронштадт отличалась рядом особенностей, определявших характер самой операции и условиями политической и оперативной обстановки, в которых она проводилась. Важнейшие из них заключались в следующем.

Замысел операции и общее руководство ее проведением принадлежали Советскому правительству, ЦК партии и лично В. И. Ленину.

К сожалению, недостаток документальных материалов не дает возможности с достаточной полнотой осветить этот важнейший вопрос. Этот недостаток объясняется отчасти тем, что высшие органы государственного управления в этот период переводились из Петрограда в Москву¹.

Понятно, что период свертывания правительственных и центральных учреждений, подготовки к переезду и развертывания их деятельности на новом месте не мог не отразиться на состоянии делопроизводства и на методах руководства. Весьма вероятно, что указания в ряде случаев давались лично исполнителям или по телефону и не были своевременно зафиксированы. Подтверждение этого предположения мы находим в воспоминаниях участников описываемых событий. Так, например, инженер-вице-адмирал И. Я. Стеценко в своих воспоминаниях указывает, что после взятия немцами Ревеля В. И. Ленин подтвердил Центробалту свое указание на «необходимость срочного отвода флота в Кронштадт», а в период подготовки флота

¹ Вопрос о переезде правительства из Петрограда в Москву в связи с февральским наступлением немецких оккупантов впервые обсуждался 26 февраля, когда В. И. Ленин составил проект постановления об эвакуации правительства. 4 марта Совет Народных Комиссаров обсудил вопрос об эвакуации правительственных учреждений. 10—11 марта правительство переехало в Москву. Окончательное решение о перенесении столицы в Москву было принято IV Чрезвычайным съездом Советов, происходившим 14—16 марта 1918 г. (См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 45, 522, 550—552).

к операции «Владимир Ильич Ленин ежедневно справлялся по телефону о состоянии готовности к отходу и давал Центробалту советы и указания»¹.

Участник «Ледового похода» гальванер с линейного корабля «Гангут» Д. И. Иванов в своих воспоминаниях отмечает: «Все делалось именем Ленина! Достаточно было разнести по кубрикам, что это приказал Владимир Ильич, как матросы, все как один, бросались исполнять требуемое»².

Таким образом, повседневное руководство операцией В. И. Ленина явилось одним из решающих условий достижения успеха.

Вторая важная особенность операции по перебазированию флота состояла в том, что в связи с быстро изменяющейся обстановкой не представлялось возможным разработать детальный план проведения операции по всем этапам. Уточнять и конкретизировать план приходилось в ходе выполнения операции, а необходимость быстрого осуществления принимаемых решений в ряде случаев исключала возможность разработки соответствующих оперативных документов. При этом следует также иметь в виду, что оперативная часть штаба была фактически только зачатком современных оперативных органов советского флота как по числу и квалификации работников, так и по методам работы.

Наконец, необходимо указать и на особенности управления в операции. Как уже указывалось, замысел операции и общее руководство ею принадлежали Советскому правительству и лично В. И. Ленину. Руководящим исполнительным органом флота на первом этапе операции являлся Центробалт, который через военный отдел руководил подготовкой и проведением перебазирования флота из Ревеля в Гельсингфорс. В дальнейшем в органах управления Балтийским флотом произошли некоторые изменения. По решению Советского правительства 25 февраля во все отделы Центробалта были назначены комиссары, ответственные перед Коллегией Морского Комиссариата, перед Советом Народных Комиссаров и перед Централь-

¹ И. Я. Стеценко, Ледовый поход. «Рабочий Кронштадт», 18 апреля 1937 г.

² Выписка из воспоминаний Д. И. Иванова предоставлена автору адмиралом флота проф. И. С. Исаковым.

ным Исполнительным Комитетом¹. Комиссары, назначенные руководить отделами Центробалта, составляли Совет Комиссаров Балтийского флота (Совкомбалт), к которому и переходили функции Центробалта. В состав Совкомбалта вошли 6 комиссаров, назначенных Советом Народных Комиссаров, и 13 комиссаров, избранных личным составом флота².

Вступая в исполнение обязанностей, Совкомбалт в приказе № 107 по флоту Балтийского моря от 4 марта призывал всех товарищей «принять самое горячее участие по созданию боевого революционного авангарда Балтийского флота для спасения Российской Республики от помещиков, банкиров, капиталистов и империалистов враждующих с нами держав, явно старающихся затопить русскую революцию пролетарской кровью».

Партийный состав Совкомбалта не был однородным. Наряду с большевиками в него входили эсеры и анархисты, но решающее влияние принадлежало большевикам.

Специального партийного органа, который руководил бы партийно-политической работой в армии и флоте, в рассматриваемый период не было³. Первое время после создания Красной Армии и Красного Флота Центральный Комитет партии большевиков осуществлял руководство партийно-политической работой в вооруженных силах через военную организацию РКП(б), которая направляла работу местных партийных организаций. Партийной работой непосредственно на кораблях и в частях руководили военные комиссары. В частях и на кораблях имелись коммунистические ячейки. Все важные вопросы и решения солдатских и матросских комитетов, касавшиеся жизни и деятельности кораблей и частей, предварительно обсуждались партийной организацией. Члены матросских и солдатских комитетов в большинстве своем были коммунистами⁴.

¹ Систематический сборник постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 261.

² ЦГАВМФ, ф. Р-96, д. 6, л. 43.

³ Политический отдел Морского министерства был упразднен 14 февраля 1918 г. Взамен него был создан Военный отдел, руководивший работой по комплектованию флота добровольцами (см. Систематический сборник постановлений по НК по морским делам, стр. 23—24).

⁴ См. С. С. Хесин, Военные моряки в борьбе за власть Советов, стр. 246—247

Наличие в Балтийском флоте крепкого большевистского ядра явилось важным условием, обеспечившим выполнение операции по перебазированию флота в обстановке ожесточенного сопротивления многочисленных врагов Советского государства¹.

Практическая подготовка к перебазированию флота в Кронштадт началась в Гельсингфорсе сразу по получении директивы Советского правительства от 17 февраля, одновременно с подготовкой и осуществлением перевода флота из Ревеля в Гельсингфорс. 19 февраля директива Советского правительства была обсуждена на заседании Центробалта, который принял решение: «Предложить военному отделу Центрального Комитета Балтийского флота (Центробалта. — Н. К.) срочно отдать приказ о приведении всех судов Гельсингфорсской базы (в готовность) к выходу в Кронштадт»². Конкретизация плана операции, уточнение этапов и сроков производились постепенно, в соответствии с обстановкой. Ввиду недостатка ледокольных средств было решено в первую очередь перевести в Кронштадт 1-ю бригаду линейных кораблей («Петропавловск», «Севастополь», «Гангут» и «Полтава») и крейсера «Рюрик», «Богатырь» и «Адмирал Макаров» как наиболее подготовленные к походу и способные преодолеть трудности перехода в тяжелых льдах³. Этим, кроме того, достигался вывод из-под угрозы наиболее ценных боевых единиц, какими являлись новейшие линейные корабли 1-й бригады, вступившие в строй только в 1915 году.

1 марта ориентировочный срок выхода первого отряда был намечен на 7 марта. К этому числу командирам ледоколов «Ермак», «Волынец» и «Тармо» было предписано

¹ Необходимо отметить, что документов, отражающих конкретную деятельность местных партийных организаций флота, так же как и комиссаров кораблей и частей, сохранилось крайне мало. Это объясняется тем, что партийная работа носила ввиду условий того времени исключительно оперативный характер, в большинстве случаев исключавший возможность документального оформления проводимых мероприятий. Воспоминания и свидетельства участников событий лишь отчасти восполняют этот существенный пробел в исторических материалах.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 350.

³ Указанные линейные корабли имели конструкцию корпуса, предусматривавшую возможность плавания во льдах.

приготовиться к проводке 1-й бригады линейных кораблей в Кронштадт¹.

4 марта военный отдел Совкомбалта приказал судам 1-й бригады линейных кораблей приготовиться к походу в Кронштадт к рассвету 7 марта, приняв полные запасы угля и воды и всех прочих материалов².

6 марта на пленарном собрании судовых и ротных комитетов совместно с местным (Гельсингфорским) флотским комитетом, с участием комиссаров флота, был обсужден вопрос о ходе подготовки операции и уточнен план ее проведения. Собрание приняло решение: «Весь план эвакуации гельсингфорсской базы разработать Совету комиссаров флота (Балтийского. — Н. К.), имеющих право кооптации сведущих лиц».

В постановлении собрания говорилось: «Все их (комиссаров. — Н. К.) требования должны исполняться беспрекословно. Все команды должны остаться на местах. Немедленно приступить к выводу из Гельсингфорса 1-й бригады линейных кораблей и крейсеров. Два дредноута должны остаться в Гельсингфорсе до распоряжения комиссаров флота. По мере возможности приступить к выводу судов и транспортов, насколько позволят технические условия последнего³.

Миноносцы и подводные лодки, которые в настоящее время не представляется возможности вывести, поставить в более выгодные по стратегическим⁴ соображениям места. Весь порт и продсклад предоставляется в полное ведение и распоряжение местного флотского комитета⁵.

Это решение имело важное значение для подготовки и проведения операции. Пленарное собрание подтвердило необходимость первоочередного перебазирования новейших линейных кораблей и крейсеров, наметило последовательность перевода кораблей и некоторые виды обеспечения операции и возложило практическое руководство операцией на Совкомбалт, предоставив ему широкие полномочия.

Под руководством большевиков развернулась деятельная подготовка к переходу. Днем и ночью на кораблях и

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 525.

² Там же, л. 526.

³ Так в подлиннике. — Н. К.

⁴ Так в подлиннике. — Н. К.

⁵ ЦГАВМФ, ф. Р-95, 1918, д. 194, л. 52.

в порту кипела работа. Ремонтировали и собирали корабельные механизмы, грузили топливо, продовольствие, наливали пресную воду, разгружали склады порта и грузили ценное имущество на корабли.

Одновременно шла работа по эвакуации Свеаборгского порта и его отделов, объявленная приказом по флоту № 113 от 5 марта 1918 года в соответствии с указаниями Совета Народных Комиссаров, принявшего решение, ввиду создавшейся в Финляндии обстановки, распустить все Советы рабочих, солдатских и матросских депутатов в Финляндии и передать все права на распоряжение военным и государственным имуществом республики учрежденной Совнаркомом «ликвидационной по делам Финляндии комиссии»¹.

Работать приходилось в тяжелых условиях. Некомплект команд на некоторых кораблях доходил до 70 и более процентов. Стремясь во что бы то ни стало сорвать операцию, враги не останавливались ни перед какими средствами. Агенты германского, английского и американского империализма пытались диверсиями, террором, угрозами и подкупом, распространением всевозможных антисоветских слухов посеять панику среди личного состава флота, деморализовать его.

Положение на фронтах гражданской войны в Финляндии в целом складывалось благоприятно для финской Красной гвардии и Балтийского флота.

10 февраля член Совета народных уполномоченных Финляндской республики А. П. Тайми сообщал командованию Петроградского военного округа: «... Положение наше пока еще находится в Таммерфорском округе выжидательное. Шлем туда подкрепления, все что только можно. Операция, которая была [пред]принята в секторе Юландской губ[ернии], именно — Гельсингфорсе, Керава, Рихимяки, Лахти, Кувола и Котка, закончена нашей победой, белогвардейцы, как зайцы, всюду бежали, есть среди них много убитых и раненых»².

Несмотря на значительную помощь германских и американо-английских империалистов, попытки белой гвардии развернуть широкие наступательные операции были

¹ ЦГАВМФ, Справочная библиотека, № 7480; ЦГАОР, ф. 359, д. 3, л. 511.

² ЦГАКА, ф. 25888, оп. 5, д. 3, л. 42.

сорваны стойким сопротивлением красногвардейцев. В течение февраля Красной гвардии, численность которой достигала к этому времени 60—70 тыс. человек, удалось значительно укрепить фронт. В конце февраля — начале марта Красная гвардия дважды переходила в наступление на таммерфорсском направлении. Эти действия хотя и не дали значительных успехов, тем не менее причинили белогвардейцам большие потери.

Не сумев осуществить крупные наступательные операции, белофинны стремились действиями против слабо укрепленных пунктов постепенно оттеснить отряды Красной гвардии на юг. Они взрывали мосты, разрушали железные дороги, жгли станции и села, стараясь расстроить тыл красных войск и дезорганизовать их оборону. Разрушением во многих местах железнодорожных линий между Выборгом и Петроградом, Выборгом и Гельсингфорсом, а также между Гельсингфорсом и Таммерфорсом белофиннам удалось стеснить свободу маневра красных войск по железным дорогам и в ряде районов разъединить их между собой¹.

Тем не менее красногвардейцы продолжали прочно удерживать в своих руках Южную Финляндию, и непосредственной опасности для флота со стороны белой гвардии пока не было. Заключенный 1 марта 1918 года «Договор об укреплении дружбы и братства между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Социалистической Рабочей Республикой» создавал благоприятные условия для выполнения начавшейся операции. § 14 договора гласил: «Финляндская Социалистическая Рабочая Республика обязуется не чинить никаких препятствий и обещает содействовать продолжению и скорейшему окончанию начатой эвакуации из пределов Финляндской Социалистической Рабочей Республики сухопутных и морских вооруженных сил и учреждений военного и военно-морского ведомства Российской Федеративной Республики»².

Однако хотя юг Финляндии и Гельсингфорс были в руках Красной гвардии, положение в главной базе Балтий-

¹ С. Марков, Январская революция и гражданская война в Финляндии (1918 г.), «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 46—47.

² «Правда» от 10 марта (25 февраля) 1918 г.

ского флота с каждым днем становилось все более тревожным. Участились диверсионные и террористические акты против красногвардейцев и моряков Балтийского флота. В прокламациях, разбрасывавшихся по городу, сообщалось о скором приходе германских войск, содержались угрозы по адресу русских солдат и матросов и требования о скорейшем уходе их из Финляндии и оставлении здесь флота, который «все равно вывести не удастся». В связи с участвовавшими провокациями и усилением вражеской активности 4 марта Гельсингфорс был объявлен на военном положении.

Империалисты Америки, Англии, Германии и других стран желали видеть Балтийский флот захваченным или уничтоженным, но, действуя через свою агентуру в лице контрреволюционных элементов во флоте, сами они стремились остаться в тени, что в ряде случаев им удавалось. Однако даже упоминавшийся уже капитан 2 ранга Г. Граф, убежденный враг Советской власти и впоследствии белоэмигрант, тесно связанный с иностранцами и достаточно осведомленный об их намерениях, в своих записках неоднократно и прямо пишет, как о не нуждающейся в доказательствах истине, что «союзники», в том числе особенно англичане, желали уничтожения флота¹.

В период напряженной подготовки к переводу в Кронштадт 1-й бригады линейных кораблей и крейсеров агентура иностранных империалистов предприняла еще одну попытку завладеть значительной группой кораблей Балтийского флота.

5 марта в Морской Комиссариат поступило датированное тем же числом отношение, подписанное корабельным инженером Н. К. Арцеуловым от имени «Общества содействия демилитаризации и разоружению» (ОСДЕМ)². В этом документе, снабженном эпитафией «Перекуем мечи в серпы и плуги», предлагалось... превратить устаревшие военные суда в орудия добычи торфа.

«В настоящее время, — говорится в документе, — ввиду окончания войны и отсутствия личного состава многие суда русского флота должны быть сданы к порту и разоружены... Современное промышленное состояние не позволяет произвести нужный ремонт их механизмам...

¹ См. Н. Граф, цит. соч., стр. 313, 315.

² ЦГАВМФ, ф. Р-8, л. 61, лл. 41—41 об., 44.

Сдача этих судов в порт, вследствие отсутствия ухода, приведет их в окончательную негодность. Суда, сданные к порту, представляют собой капитал, лежащий без движения, не приносящий процентов и постепенно убывающий. Охрана их будет стоить значительных денег».

«Вся промышленная жизнь Севера и центра России,— пишет Арцеулов далее, — замерзает без топлива и правительство бессильно согреть ее. И в то же время миллиарды пудов торфа лежат неиспользованными из-за отсутствия постановки добычи машинами в государственном масштабе». Что же предлагает ОСДЕМ в качестве выхода? «...Мы стремимся помочь вам, — отвечает документ, — организовав превращение устаревших военных судов в орудия добычи торфа»¹.

Каким же образом собиралось ОСДЕМ совершить такое необыкновенное превращение? Документ отвечает: «Организованное нами «Общество содействия демилитаризации и разоружению» желает приобрести на слом старые военные суда в обмен на машины для добычи торфа. При этом может быть разрешен столь острый вопрос о валюте». Этот обмен ОСДЕМ предлагало осуществить путем предоставления комплекта оборудования для добычи торфа или же путем открытия кредита в сумме 7 867 000 рублей в Швеции и Финляндии на заводах, изготовляющих торфяные машины.

Список кораблей, которые хотело получить ОСДЕМ, и детали этого беспрецедентного «превращения военных кораблей в орудия добычи торфа» излагались Арцеуловым в приложении, также им подписанном и датированном 3 марта².

Из этого документа выясняется, что ОСДЕМ намеревалось приобрести на указанных условиях в собственность 43 боевых корабля, в том числе 2 линейных корабля («Гражданин» и «Заря свободы»), 4 крейсера («Аврора», «Диана», «Россия» и «Громобой»), минный заградитель «Амур», 2 канонерские лодки («Грозный» и «Храбрый») и 34 эскадренных миноносца и миноносца разных типов.

По приближенным подсчетам, фактическая стоимость кораблей (кроме миноносцев и эскадренных миноносцев) составляла сумму в 52 979 611 рублей, а ОСДЕМ за эти

¹ Здесь и далее подчеркнуто в подлиннике. — Н. К.

² ЦГАВМФ, ф. Р-8, д. 61, лл. 42—42 об., 43.

корабли предлагало 6 230 500 рублей. По доставке торфяных машин на русскую границу корабли переходили в полную собственность ОСДЕМ, но последнее оговаривало за собой право выкупить суда еще до окончания исполнения заказа, внося соответствующую сумму в финской валюте. Интересно, что, несмотря на настойчивые утверждения о том, что корабли приобретаются на слом, ОСДЕМ в то же время выставляет требования: «все навигационные инструменты, шхиперское снабжение и меблировка должны быть при корабле».

Хотя некоторые вопросы в этом деле остаются невыясненными, не подлежит никакому сомнению, что «Общество содействия демилитаризации и разоружению» имело явно контрреволюционную и антисоветскую программу, ибо выдвигать лозунг превращения «мечей в серпы и плуги» в момент, когда вопрос о скорейшем создании Советских Вооруженных Сил становился важнейшим вопросом революции, могли только враги Советской власти.

Несомненно также, что ОСДЕМ действовало в интересах и по заданию иностранных империалистов, ибо в условиях осуществленной национализации банков финансирование этого «общества» иностранной валютой могло производиться только иностранными государствами.

Таким образом, под видом фиктивной продажи мы видим в данном случае очередную попытку врагов Советской республики нанести серьезный удар по ее военно-морским силам. Но замыслы врагов и на этот раз провалились.

Под предлогом невозможности преодолеть льды контрреволюционная часть офицеров настаивала на подрыве и затоплении кораблей. Встретив энергичное противодействие судовых команд, эти офицеры демонстративно покидали свои корабли, уходили на берег, предпочитая остаться у немцев, нежели служить Советской власти. Поэтому многие корабли к началу похода остались без командиров.

Иностранные агенты и контрреволюционно настроенные офицеры с помощью эсеров и анархистов пытались повлиять на наименее стойкую часть матросов. В воспоминаниях одного из участников операции говорится: «Используя спешку и напряженность обстановки, анархистствующие элементы расхищали военные запасы, всячески пытались дезорганизовать массу моряков. Предатели и

немецкие агенты распускали провокационные слухи. Говорилось о том, что положение безвыходное, что все красные ледоколы захвачены белофиннами, что суда застрянут во льдах и там их захватят немцы... Большая часть офицерства открыто саботировала приказ о выводе флота. Можно было опираться только на небольшую часть, главным образом, младших офицеров, перешедших на сторону революции»¹.

Инженер-вице-адмирал И. Я. Стеценко в своих воспоминаниях сообщает, что после решения о перебазировании флота «...реакционная часть офицерства и белофинны занялись антисоветской пропагандой. Нытики и малoverы открыто высказывались против решения Центробалта, заявляя, что не поведут корабли из Гельсингфорса. Кругом сновали представители Швеции, Германии и Америки и открыто предлагали продать флот»².

«Предатели, — пишет И. Я. Стеценко далее, — вели в команде агитацию: «Флот не выдержит этого похода, корабли погибнут, не лучше ли остаться?» Начались увольнения от службы под разными предлогами. Командиры самовольно покидали суда. Некоторые ушли с кораблей еще в Ревеле.

Усложняло обстановку еще то, что корабли не закончили зимнего судоремонта, на многих кораблях механизмы были разобраны и лежали в мастерских.

Среди офицерства было немало представителей финской знати, которые особенно изошрялись в проведении подрывной работы. Перед самым выходом флота из порта мичман Роусс³, финский барон, явился на миноносец и заявил команде, чтобы она убиралась с корабля, прибавив при этом: «Никуда вы флот не уведете, все это теперь наше». Но барона команда с корабля выгнала».

Вражеская агитация оказывала некоторое влияние на наименее стойких и мало сознательных матросов. Часть из них, ссылаясь на декрет о демобилизации старого флота, покидала корабли и расходилась по домам. «Излюбленный метод у врага, — вспоминает участник пере-

¹ А. Вилин, Ледовый поход Балтфлота, «Крестьянская правда», 12 апреля 1938 г.

² «Рабочий Крошштадт», 18 апреля 1937 г.

³ Правильнее — лейтенант Роос, Ирве Шьльмарн; в 1920-х гг. был командующим финским флотом. — Н. К.

хода, — был один — бить на чувства с подходом: мол, братишки, чего вы сидите на холодных и голодных кораблях, демобилизация давно уже прошла, теперь можно свободно уходить с военной службы и с кораблей, дома ждут жена, дети, земля, что без толку сидеть, пора и за хозяйство браться... Везде и всюду стойкие моряки давали большевистский отпор врагу... Но в семье моряков было не без уродов. Были малостойкие и малодушные, которые, видя, что впереди в городе назревали тучи, грозила смерть, сзади стояла германская эскадра — та же смерть, под тем или иным предлогом собирали вещи и уходили с кораблей...»¹

Несмотря на имевшийся уже опыт перехода кораблей в ледовых условиях в декабре 1917 года (переход из Гельсингфорса в Кронштадт линейного корабля «Гражданин» и трех крейсеров) и в феврале 1918 года, когда 56 кораблей перешли из Ревеля в Гельсингфорс, аргумент о невозможности плавания кораблей во льдах широко использовался врагами для срыва операции.

Командир наиболее мощного ледокола «Ермак» В. Е. Гасабов, позднее бежавший за границу, 6 марта представил в Совкомбалт доклад, в котором, ссылаясь на трудности плавания во льдах, доказывал невозможность перехода кораблей и предлагал проводить «один вполне исправный корабль двумя ледоколами в течение недели», рассматривая проводку каждого корабля как отдельную операцию². «План» Гасабова заведомо обрекал операцию на невыполнение.

Враги вели подрывную работу не только среди команд. Они действовали и в штабе и в других органах управления флотом. Так, например, бывший командир дивизиона эскадренных миноносцев капитан 1 ранга А. Ружек, пробравшийся на пост руководителя военного отдела Центробалта, как свидетельствуют участники операции, проте-

¹ ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. рукоп., т. II, папка 7, д. 12 (6718), л. 1. М. С. Каменский, Из воспоминаний о великом Ледовом походе.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, л. 1; см. также С. О. Макаров и завоевание Арктики, Изд. Главсевморпути. М.—Л., 1943, стр. 281.

ствовал против перехода кораблей, доказывая его невозможность¹.

Как вредительский акт следует оценить приказ по Балтийскому флоту № 114, отданный военным отделом Совкомбалта 5 марта 1918 года, которым разрешалось «теперь же уволить всех желающих уехать с судов флота и береговых учреждений морского ведомства, оставив на судах 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, 1-й бригады крейсеров и дивизии подводных лодок необходимое число людей для перехода в Кронштадт. На судах, оставляемых в портах Финляндии до открытия навигации, иметь минимальное число людей»².

В условиях значительного некомплекта команд и сложной оперативной обстановки роспуск личного состава означал ослабление флота и вел к срыву операции.

Этот приказ уже 13 марта 1918 года был фактически отменен новым приказом по флоту за № 134, который предписывал «ввиду срочной эвакуации Балтийского флота из пределов Финляндии и недостаточности комплекта команды на судах для приведения в исполнение означенной задачи... вернуть все флотские части³ с внутреннего финляндского революционного фронта для укомплектования кораблей»⁴.

Таким образом, большевикам флота приходилось действовать в условиях яростного сопротивления врагов, использовавших все средства для срыва операции. В этой обстановке из всех видов обеспечения операции наиболее важное, решающее значение приобретало политическое обеспечение.

Руководствуясь указаниями партии и Советского правительства, личными указаниями и советами В. И. Ленина, коммунисты развернули громадную работу по мобилизации матросских масс на выполнение операции. На собраниях, митингах, в повседневных беседах большевики неустанно разъясняли матросам военно-политическое зна-

¹ ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. рукоп., т. II, ч. 2, папка 3, д. 19, л. 3. Воспоминания Титова и Подпорникова.

² ЦГАВМФ, Справочная библиотека, № 7480.

³ Очевидно, имеются в виду формирования из матросов, добровольно вступивших в финскую Красную гвардию. — Н. К.

⁴ ЦГАВМФ, Справочная библиотека, № 7480.

чение проводимой операции, воодушевляя их на преодоление трудностей. Коммунисты разъясняли политическую обстановку, разоблачали происки врагов, добиваясь повышения революционной бдительности, ясного понимания каждым моряком важности и ответственности поставленной задачи.

«Требовалось, — пишет в своих воспоминаниях участник операции Ховрин, служивший на линейном корабле «Республика», — не покладая рук в кубриках, в кочегарках, электростанциях — везде, где только собирались моряки, вести большую политическую работу, ежедневно собирать общие собрания, разбивать демобилизационные настроения, которые пытались посеять среди моряков наши враги. И большевики эту задачу выполняли с честью.

К концу февраля настроение моряков было боевое, как никогда. Днем и ночью кипела работа на кораблях и в порту. Проверяли механизмы, грузили топливо, наливали пресную воду, разгружали все запасы, находящиеся в порту, и погружали их на корабли. Дредноуты, линкоры нагружались до отказа»¹.

Громадную работу среди личного состава флота проводили комиссары и местные партийные организации. Руководитель гельсингфорской организации большевиков Б. А. Жемчужин, пользовавшийся у матросов глубоким уважением и горячей любовью, работал в эти дни с неутомимой энергией, успевая быть всюду, где возникали колебания, устраняя трудности, разъясняя задачу, которую возложили на моряков Балтики партия и Советское правительство. Дел было много. Необходимо было организовать ремонт механизмов, достать для кораблей топливо, погрузить военное имущество, позаботиться об эвакуации из Финляндии русских рабочих и семей военнослужащих. Большую работу провел Жемчужин по эвакуации войск и военного имущества из Финляндии сухопутным путем².

Готовясь к походу, моряки зорко охраняли свои корабли. Специально созданные отряды моряков парализо-

¹ Ледовый поход (Боевые записки). Газета «Сталинец» (г. Ростов-на-Дону), 1 августа 1939 г.

² См. П. В. Бочкарев, Борис Жемчужин, Военмориздат, М., 1953, стр. 29, 31.

Комиссар Балтийского флота Б. А. Жемчужин

вали контрреволюционную деятельность белогвардейцев и предателей. Так, например, по инициативе Совкомбалта в Гельсингфорсе был создан специальный отряд матросов, состоявший в распоряжении Совкомбалта и предназначенный для охраны портового имущества, кораблей флота и выполнения специальных заданий Совкомбалта. Помимо личного оружия, отряд имел несколько пулеметов и автомобилей. Во время переходов второго и третьего отрядов кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт отряд использовался для охраны ледоколов¹.

Политическая работа, которую неумоимо вели среди личного состава флота коммунисты, вызвала огромный подъем революционного энтузиазма. Участник «Ледового похода» Г. Краснов вспоминает: «Как нам, матросам, не было трудно, никто не ныл. Мы знали, что нет преград для революционных матросов, выполняющих приказ Родины»².

12 марта первый отряд был готов к выходу в море.

В марте — апреле сплошной лед обычно сохраняется еще на большей части Финского залива, простираясь на 200 миль к западу от Кронштадта. В середине залива постепенно образуется пловучий битый лед, который при штормовых ветрах образует торосы, достигающие нескольких метров высоты. Особенно крупные торосы образуются в районе от о. Гогланд до о. Родшер. Толщина льда в этом районе колеблется от 10 до 60 см. Передвижки льда в районе к востоку от меридиана Гельсингфорса обычно начинаются во второй половине марта, распространяясь до о. Родшер. В шхерах и районе от Сескара до Кронштадта движение льда начинается во второй половине апреля, а освобождается от льда эта часть залива лишь в мае³.

Перед самым выходом первого отряда оперативная обстановка на театре ухудшилась. 7 марта белофинны захватили остров Гогланд, а 11 марта — острова Соммерс и Лавенсари. Артиллерийские батареи на захваченных островах (на Лавенсари было четыре 6-дюймовых и четыре

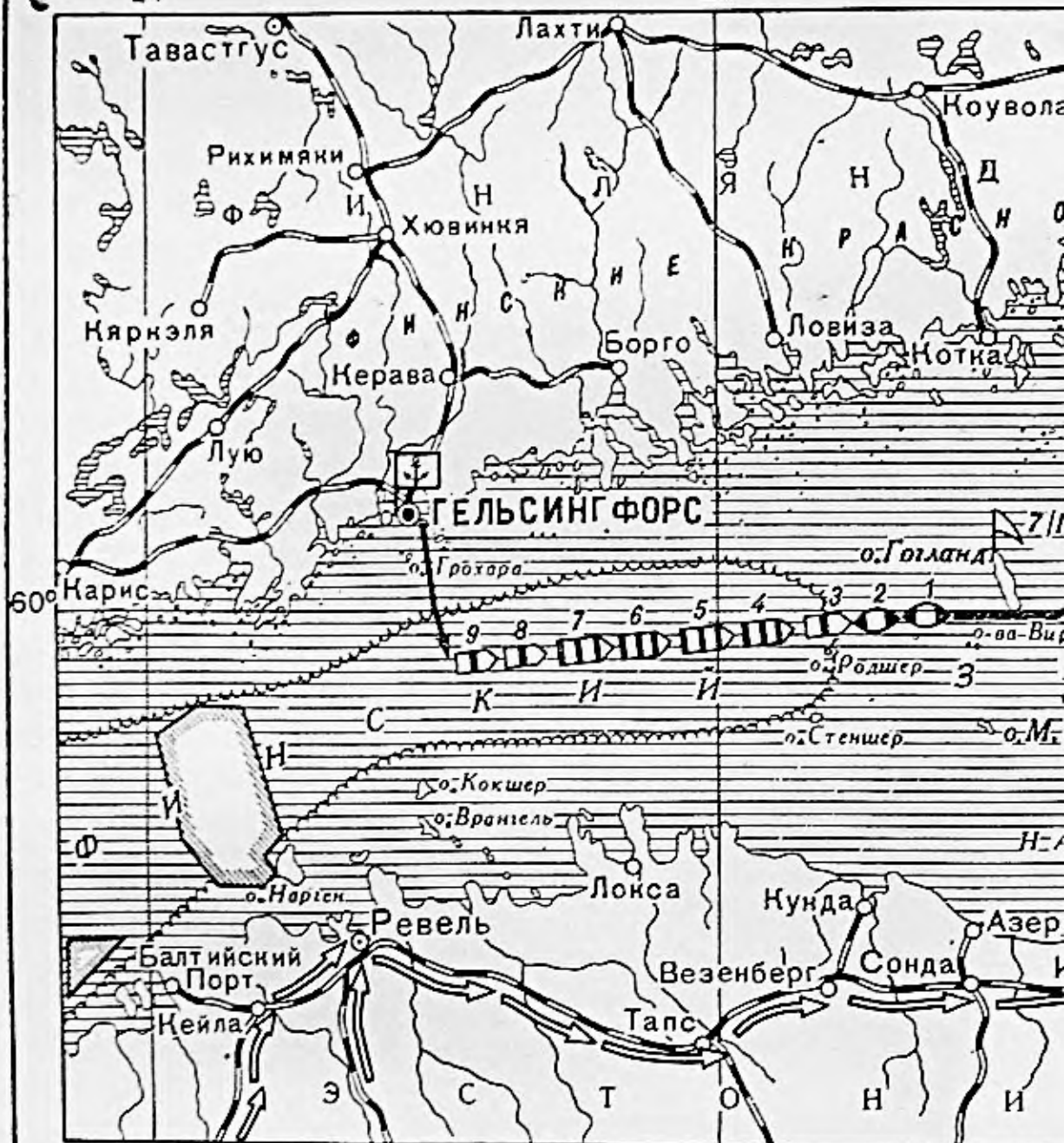
¹ ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918, д. 1, л. 55.

² Г. Краснов, Ледовый поход. Краснофлотская газета «Товсь», № 25, 15 марта 1944 г.

³ «Морской сборник», 1933, № 4, стр. 98.

24°

26°

Условные об

ГЕЛЬСИНГФОРС

Главная база Балтфлота в 1918 г.

Путь 1 отряда кораблей в Кронштадт
(12-17 марта)

P 13/III

Даты захватов белофиннами островов

Действия немцев и белоэстонцев в феврале

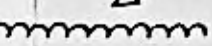
Схема 2. Переход I отряда кораблей

о з н а ч е н и я

Разгром немцев под Нарвой 23 февраля

Граница сплошного льда к середине марта

Минные заграждения

ей из Гельсингфорса в Кронштадт

10-дюймовых орудий)¹ могли быть использованы для обстрела кораблей, которые должны были следовать фарватером, проходящим вблизи указанных островов. В этом случае наши корабли были бы поставлены в затруднительное положение, так как открытие ими ответного огня могло дать повод немцам обвинить Советское правительство в нарушении мирного договора.

Усложнение обстановки и возможность провокаций требовали от моряков особенной бдительности. Это подтвердилось в день выхода первого отряда. Как рассказывает в своих воспоминаниях кочегар одного из линейных кораблей, на транспорте «Михаил» был составлен заговор с целью увода корабля к немцам в Ревель. «На этом корабле было много продовольствия, и, самое главное, оружие и патроны. Нашему кораблю пришлось догонять дезертира. Небольшая скорость «Михаила» дала возможность быстро его догнать... Догнали, навели жерла орудий и остановили. Команду и офицеров «Михаила» разоружили»².

В такой обстановке начался второй этап операции — перебазирование наиболее мощных и новых кораблей, спасение основного боевого ядра флота.

12 марта в 14 часов, предварительно освободив корабли от льда и расчистив выход из порта, «Ермак» повел караван по назначению. Вслед за «Ермаком» в строе кильватера следовали: ледокол «Волынец», линейные корабли «Гангут», «Полтава», «Севастополь», «Петропавловск», крейсера «Адмирал Макаров», «Богатырь» и «Рюрик»³.

Управление отрядом осуществлялось с «Ермака», на котором находились начальник 1-й бригады линейных кораблей, комиссар, флагманский штурман и флаг-офицер. Из-за сложности плавания во льдах было решено дви-

¹ ЦГАКА, ф. 25888, оп. 5, д. 9, л. 114. В статье В. Селиванова «Ледовый поход Балтийского флота» («Пропаганда и агитация», 1948, № 6, стр. 36) вместо о. Соммерс ошибочно указывается о. Сескар.

² А. А. Шкред, Ледовый поход Балтфлота, «Гудок», 24 февраля 1938 г.

³ Описание перехода 1-го отряда сделано по вахтенным журналам линейного корабля «Севастополь» (ЦГАВМФ, ф. Р-172, оп. 2, д. 75, лл. 63 об. — 72) и ледокола «Ермак» (ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 2094, лл. 38 об. — 42).

Крейсер «Адмирал Макаров» выходит из Гельсингфорса
12 марта 1918 г.

гаться только днем, а ночью отстывать. Около 19 часов отряд остановился на почевку.

13 марта в 6 часов утра «Ермак», обойдя вокруг кораблей, освободил их от сковавшего за ночь льда, после чего отряд лег на курс. Порядок движения отряда был несколько изменен. Вслед за ледоколами шел «Рюрик», затем «Петропавловск», остальные корабли шли в прежнем порядке. Изменение в порядке движения было вызвано необходимостью предоставить «Петропавловску» наиболее благоприятные условия плавания, так как он имел повреждения в носовой части, которые не удалось исправить в Гельсингфорсе, что создавало опасность загорания носовых отсеков¹.

13 марта отряд двигался в сплошном ровном льду переменными ходами. В 19 часов 30 минут, пройдя траверз маяка Южный Гогланд, отряд остановился на почевку.

14 марта условия плавания ухудшились. «Ермаку» пришлось освобождать затертые льдами корабли: сначала крейсер «Рюрик», затем линейный корабль «Гангут». На ночь отряд остановился у маяка Нерва (Нарви).

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-306, 1918, д. 3, л. 53.

Еще более трудным был следующий день. С самого утра отряд попал в столь тяжелые льды, что «Ермак» не был в состоянии их преодолеть. Чтобы выйти из создавшегося затруднения, моряки применили спаренное движение ледоколов. В вахтенном журнале «Ермака» об этом записано: «Вследствие очень тяжелого льда решили взять «Вольнец» носом в свой кормовой вырез, подтянуть его буксиром с кормовой лебедки вплотную к, работая машинами обоих ледоколов вперед, пробиваться в тяжелом льду». Таким способом удалось в 7 часов 50 минут двинуться вперед. Однако уже в 8 часов 10 минут корабли были вынуждены остановиться вследствие густого тумана и смогли продолжать путь лишь через четыре часа. В этот день отряд дошел до острова Сескар.

Личный состав кораблей работал с энтузиазмом. Из-за малочисленности команд матросам приходилось стоять без смены по несколько вахт. Недостаток в специалистах восполнялся добровольцами. В кочегарках работали в качестве помощников гражданские лица, эвакуируемые из Финляндии, и даже женщины. Один из участников перехода, А. А. Шкред, рассказывает: «До этого похода я ра-

Ледокол «Ермак» ведет бригаду линейных кораблей

Переход линейных кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт

С картины худ. Никитина

ботал старшим кочегаром. Во время ухода из Гельсингфорса механики-белогвардейцы удрали с корабля, и меня, малограмотного кочегара, назначили кочегарным механиком. Моя жена, Софья Григорьевна, пожелавшая со мной разделить трудности похода, в эти дни работала кочегаром»¹.

16 марта переход продолжался попрежнему в трудных ледовых условиях. Едва «Волынец» был взят «Ермаком» на буксир в кормовой вырез, как уже через час пришлось отдавать буксир и посылать «Волынец» на выручку застрявших кораблей. Пока освобождали один корабль, в лед вмерзали другие. Тем не менее к 19 часам отряд подошел к траверзу маяка Шепелевского. Кронштадт был близок.

В 11 часов 30 минут 17 марта «Ермак» вошел на Большой Кронштадтский рейд и начал взламывать лед в гавани для установки приведенных кораблей. Вслед за этим один за другим корабли входили в гавань. К вечеру все корабли отряда были в Кронштадте. Преодоление расстояния в 180 миль заняло 5 суток. Несмотря на трудный путь, корабли не получили значительных повреждений.

Важный этап стратегической операции по перебазированию флота был успешно завершен. Это была большая победа балтийских моряков. Успешный переход первого

¹ «Гудок», 24 февраля 1938 г.

отряда нанес новый удар вражеской контрреволюционной агитации о невозможности перебазирования флота в ледовых условиях. Он воодушевил моряков Балтийского флота на преодоление трудностей, внушил им уверенность в возможность успешного доведения операции до конца. Кроме того, переход показал, что при достаточном ледокольном обеспечении военные корабли даже с серьезными повреждениями корпуса («Петропавловск») могут преодолевать трудности ледового плавания.

3. Переход второго отряда кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт

В день прихода первого отряда кораблей в Кронштадт оперативная часть штаба Балтийского флота приказала подготовиться к выходу из Гельсингфорса к 25 марта второму отряду кораблей, в состав которого включались: линейные корабли «Республика» и «Андрей Первозванный», заградители «Волга» и «Лена», транспорт «Бурлак» и портовый ледокол «Аванс» (263 т) ¹.

Однако отряд вышел в Кронштадт позже, лишь 4 апреля и в значительно измененном составе. Произошло это вследствие ухудшения оперативной обстановки на театре, обусловленного рядом событий в Финляндии во второй половине марта.

Происшедшие в середине марта, после заключения Брестского мира, изменения в международной обстановке поставили борющийся пролетариат Финляндии в крайне тяжелое положение. Связанная условиями Брестского договора, дружественная Советская Россия должна была отказаться от всякой помощи финскому пролетариату. «Мы сделали, что могли, — говорил В. И. Ленин, — помогли революции в Финляндии, а теперь не можем» ².

Выполняя условия Брестского мира, Советское правительство 15 марта вывело все свои воинские части из Финляндии. Только несколько небольших отрядов, общая численность которых не превышала тысячи человек, по своей инициативе остались в качестве добровольцев в рядах финской Красной гвардии.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, лл. 2, 4, 7, 10, 11.

² В. И. Ленин, Соч. т. 26, стр. 476.

Несмотря на добросовестное выполнение Советским правительством договорных обязательств, германское правительство, стремясь создать конфликт и тем оправдать вооруженное вторжение своих войск в Финляндию, 24 марта заявило протест Совету Народных Комиссаров, обвиняя Советское правительство в нарушении мирного договора, выразившемся якобы в оказании помощи финской Красной гвардии оружием и людьми. В связи с этим по указанию Советского правительства 29 марта приказами по Балтийскому флоту № 194 и 195 было объявлено, что «все моряки военного флота, находящиеся в рядах финских вооруженных сил, а также впредь желающие туда поступить, считаются уволенными от службы, а потому признаются действующими, как частные лица, и Балтийский флот не считает себя ответственным за их похищение»¹.

1 апреля Народный Комиссариат по иностранным делам от имени Советского правительства отклонил протест германского правительства, предложив сообщить конкретные факты и указать пункты прибытия русских красногвардейцев в Финляндию для проведения расследования².

Таким образом, финская Красная гвардия была вынуждена бороться с объединенными силами финской контрреволюции, германских и шведских интервентов, а Балтийский флот был лишен возможности оказывать помощь борющемуся финскому пролетариату. Однако, несмотря на вывод советских войск из Финляндии, белогвардейские отряды Маннергейма во второй половине марта не одержали ни одной сколько-нибудь значительной победы. Красная гвардия успешно сдерживала натиск противника на всех фронтах. Финляндская буржуазия надеялась только на помощь извне.

Германские империалисты, убедившись в недостаточности направленных в Финляндию сил для успешной борьбы с финскими революционными войсками, решили не откладывать далее интервенцию. Они считали создавшуюся обстановку вполне благоприятной для реализации своих планов по созданию в Финляндии плацдарма для нанесения удара на Петроград и для за-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, д. 93, 1918, л. 36.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 408, л. 31.

хвата Балтийского флота. При этом, готовясь к осуществлению своих агрессивных замыслов, империалисты Германии отнюдь не считали себя связанными условиями Брестского мира. Германский официоз «Кельнише цейтунг» 5 марта 1918 года опубликовал статью, в которой с циничной откровенностью говорилось: «Немецкий меч — острый и быстрый, как молния. Не успело правительство Финляндии... обратиться за помощью к Германии, как немцы уже оказались на пути в Финляндию... Значения мирного договора в настоящее время не следует переоценивать. Его главный результат, несомненно, заключается в том, что Россия лишается возможности перебросить новые войска в Финляндию... Не следует ожидать, что операции будут приостановлены в результате мирного договора». Далее в той же газете указывалось: «Благодаря своей сильной позиции под Псковом и Нарвой немцы имеют возможность в любой момент угрожать Петербургу в случае, если русские будут пытаться в какой-либо мере нарушить условия, которые они сейчас подписали»¹.

Для согласования операций белой гвардии с действиями германского десанта германское командование направило майора генерального штаба Кранца в Финляндию. «Я имел с ним, — сообщает фон дер Гольц, — предварительную беседу в Крейцнахе и в Берлине, затем он поехал через Швецию в Вазу, установил там контакт с правительством (Свинхувуда. — Н. К.) и направился к Маннергейму»².

Немецкие захватчики не скрывали, что главным противником они считают Балтийский флот. Специальный корреспондент «Кельнише цейтунг» 15 марта сообщал из Финляндии: «Основным ядром врага являются матросы Балтийского флота, которые также составляют ядро русского большевизма. Они, конечно, будут ожесточенно защищать свою власть в Гельсингфорсе... Если матросы Балтфлота будут разбиты и уничтожены... то большевизм лишится своей главной опоры и его дни будут сочтены»³.

¹ ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. перев., т. II, папка 1, д. 3, лл. 79—81.

² F. d. Goltz, цит. соч., стр. 49.

³ ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. перев., т. II, папка 1, д. 3, лл. 101—105.

Считая захват кораблей Балтийского флота одной из первоочередных задач, германское командование в период подготовки к высадке десанта в Финляндии решило захватить ледоколы Балтийского флота, рассчитывая таким образом лишить русские корабли возможности уйти из финских баз и одновременно использовать захваченные ледоколы для обеспечения высадки своего десанта. В осуществлении этого замысла германским империалистам усиленно помогали некоторые финские и русские офицеры, служившие на кораблях и в штабе флота и до поры скрывавшие свое антисоветское нутро. Вследствие предательства этих офицеров немцам удалось захватить ледоколы «Волынец», «Тармо» и «Черноморский № 1».

Захват ледокола «Тармо» произошел при следующих обстоятельствах. 20 марта на ледокол пробрались восемь белогвардейцев, в том числе упоминавшийся ранее бывший лейтенант русского флота финн Роос. Участвовавшие в заговоре командир ледокола Кауппи, два штурманских офицера, старший механик и плотник (все финны) спрятали прибывших в каютах. Утром 21 марта на ледокол прибыли под видом русских инженеров глава финского контрреволюционного правительства Свинхувуд и сенатор Кастрен. Не возбудив ничьих подозрений, «Тармо» с подложным предписанием Совкомбалта вышел в море и взял курс на Ревель. Днем, по сигналу, прятавшиеся на ледоколе белогвардейцы выскочили из кают, арестовали всех русских и красных финнов и заключили их под стражу. «Тармо» под финским флагом прибыл в Ревель и поступил в распоряжение германского командования. Арестованная команда была брошена в тюрьму. На ледоколе были спешно установлены пушки, и вскоре он приступил к активным действиям против советских кораблей¹.

Таким же способом был захвачен ледокол «Волынец». Он 23 марта вернулся из Кронштадта в Гельсингфорс и приступил к погрузке угля. 29 марта на ледокол под видом рабочих промерной партии прибыли 50 белогвардейцев. Имея подложное предписание Совкомбалта о высадке «рабочих» у маяка Грохара, командир ледокола изменник Юхневич повел корабль в море. Выйдя из гавани, бело-

¹ В ряде статей о «Ледовом походе» захват «Тармо» ошибочно относится ко 2 апреля, что опровергается архивными материалами (см., например, ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 20, л. 31).

гвардейцы и участвовавшие в заговоре офицеры и часть команды из белофиннов и белоэстонцев внезапно обезоружили и арестовали всех русских. По прибытии в Ревель русским матросам было предложено перейти на службу к белогвардейцам. Все русские единодушно отказались и были брошены в концлагерь¹.

Захват наиболее мощных после «Ермака» ледоколов значительно облегчил немцам и белофиннам высадку десантов на северное побережье Финского залива и чрезвычайно затруднил обеспечение операции по перебазированию флота.

23 марта на основании решения Совнаркома приказом по Балтийскому флоту был введен новый порядок управления флотом. Согласно этому приказу командование флотом вверялось начальнику морских сил Балтийского моря и главному комиссару при участии Совета комиссаров из 17 лиц — совещательного органа при главном комиссаре — и Совета флагманов — совещательного органа при начальнике морских сил. Исполнительным органом являлся штаб Балтийского флота. 29 марта Совет Народных Комиссаров утвердил «Временное положение об управлении Балтийским флотом», которым определялся порядок управления флотом в соответствии с указанной реорганизацией².

В должности исполняющего обязанности начальника морских сил Балтийского моря с правами командующего флотом был утвержден бывший капитан 1 ранга А. М. Щастный, избранный Советом флагманов Балтийского флота 24 марта 1918 года.

Будучи до этого начальником штаба Балтийского флота, Щастный тщательно скрывал свою изменническую деятельность, изображая из себя честного специалиста, перешедшего на сторону революции. Он сумел втереться в доверие к руководителям флота и обмануть бдительность комиссаров и коммунистов. В этом, повидимому, ему помогли Троцкий и его ставленники в центральных органах управления флотом. Щастному удалось продержаться на посту начальника морских сил Балтийского моря до мая 1918 года, когда он был разоблачен в связи с попыткой

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 61, лл. 37—40.

² Систематический указатель постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 263—264.

организации контрреволюционного мятежа на мишной дивизии (уже после завершения операции по перебазированию флота) и предан суду. Революционный трибунал при ВЦИК установил, что Щастный «сознательно и явно подготавливал условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своей деятельностью восстановить матросов флота и их организацию против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом»¹.

По приговору революционного трибунала в июне 1918 года Щастный был расстрелян.

Пока командующим Балтийским флотом был Щастный, его пособники в органах управления флотом продолжали под всевозможными предлогами увольнять и распускать личный состав. Массовый характер приняло бегство офицеров, в большинстве случаев сопровождавшееся хищением казенных денег и ценного имущества. С каждым днем учащались всевозможные провокации.

Об одной из них рассказывает участник событий М. Каменский: «...В глухую темную ночь на 18 марта к дивизиону эсминцев («Гарибальди», «Изыльметьев»), дивизиону тральщиков и госпитальному судну «Ариадна», стоявшим у Зеленой горки, подкатили три вагона под пломбами. На корабли было передано: вагоны с коньяком, в таможенной — бочки с вином, бутылки с шампанским. Раздавались крики: «Пей, братва! Гуляй, братишки!» Моряк знал, от кого такой подарок. Не дожидаясь приказов с «Кречета»², команда с эсминца «Гарибальди» совместно с командой эсминца «Изыльметьев» на собрании порешили: выставить к вагонам и к таможенной караул, после подъема флага приступить к уничтожению нежданного подарка.

Настало утро. Как порешили, так и приступили. Вагоны были вскрыты, в них оказался действительно настоящий, со шведской короной, коньяк. Интервент не скупился на коньяк...

Но враг просчитался. Вскрытые вагоны с коньяком не заставили себя долго ждать. Первый почин сделали мо-

¹ «Правда» от 21—22 (8—9) июня 1918 г.

² На посыльном судне «Кречет» находились командование и штаб флота. — Н. К.

ряки «Гарибальди», приступив к выполнению решения. Ящик за ящиком были изъяты из вагона, бутылки с шведским коньяком летели в левый борт госпитального судна «Ариадна». На эсминец «Гарибальди» было передано: «Будьте осторожны, коньяк отравлен!» Еще с большим ожесточением моряки стали уничтожать о борт корабля бутылки с коньяком, в помощь вышли моряки с эсминца «Изыльметьев» и пошло соревнование на быстрое уничтожение планов и надежд врагов.

Зрелище по уничтожению коньяка захватило любопытных проходивших мимо шведов и финнов, которые, останавливаясь, покачивая головами, говорили: «Матрос — пьяница, матрос любит пить, вода разрушает гранит, но в настоящую минуту матрос оказался трезв и крепче гранита, бьет о судно бутылки с коньяком. Матрос ценит свою революцию и не отдаст корабли»¹. Так бдительность комиссаров, коммунистов, высокая революционная сознательность матросов расстроили и на этот раз козни врагов.

Так как с назначением Щастного командующим врагам удалось занять более сильные позиции в руководстве Балтийским флотом, условия проведения операции после перехода первого отряда кораблей в Кронштадт еще более усложнились. Своеобразие последующих этапов операции по перебазированию флота состояло в том, что она проводилась не под руководством командующего флотом, а часто вопреки ему. Комиссарам и коммунистам приходилось нередко действовать наперекор распоряжениям Щастного и его сообщников.

Это своеобразие обстановки не получило в литературе о «Ледовом походе» правильного освещения. Некоторые авторы объясняют все возникавшие в то время трудности быстрым разрушением старых устоев во флоте и более медленным становлением новых порядков; другие, хотя и отмечают контрреволюционную деятельность Щастного, не показывают, насколько вредной и опасной была она для флота и как она пресекалась коммунистами и революционными матросами. А между тем без достаточного освещения этого вопроса остаются неясными многие

¹ ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. рукоп., т. II, папка 7, д. 12 (6718), лл. 1 об. — 2 об.

факты, связанные с проведением операции, и уменьшается роль партии как организатора и руководителя первой стратегической операции советских Военно-морских сил.

Итак, обстановка, складывавшаяся после выхода первого отряда кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт, с каждым днем осложнялась, что требовало скорейшего доведения до конца операции по перебазированию флота. Наряду с мероприятиями по эвакуации кораблей Совкомбалту приходилось много внимания уделять работе по эвакуации баз и многочисленного ценного имущества, сосредоточенного в портах Финляндии, а также по свертыванию и эвакуации береговых батарей, постов наблюдения и связи и других объектов береговой обороны.

12 марта, в день выхода из Гельсингфорса первого отряда кораблей, Совкомбалт отдал приказ о немедленной эвакуации или приведении в небоеспособное состояние береговых батарей на островах Руссарэ, Хестэ-Бюсэ и Маклуото¹. Одновременно, в связи с угрозой вторжения германских войск в Финляндию, коменданту Свеаборгской крепости было приказано немедленно подготовить к уничтожению склады, артиллерию, боевые запасы и инженерные сооружения².

Эти мероприятия были своевременными, так как данные стратегической разведки подтверждали усиленную подготовку германского командования к высадке десантов в Финляндию. В этой связи следует рассматривать директиву Высшего Военного Совета, отданную по телеграфу Народному Комиссару по морским делам 13 марта 1918 г.

Директива гласила: «В сложившейся обстановке необходимо при первой возможности безотлагательно сосредоточить большой и малый флот Балтийского моря в районе Кронштадта... О последовавших по сему распоряжениях надлежит поставить Высший Военный Совет в известность»³.

Во исполнение указания Высшего Военного Совета Морской генеральный штаб 20 марта 1918 года направил командованию Балтийского флота следующую директиву:

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, лл. 568, 582.

² Там же, л. 527.

³ Центральный военно-морской музей, фотофонд, негатив № 2224, фото с подлинной телеграммы.

«1) Ввиду создавшегося к настоящему моменту полного боевого бессилия Балтийского флота, командованию флотом временно не ставится никаких оперативных задач.

2) Командованию флотом надлежит озаботиться всемерным сохранением в целостности кораблей, материальной части флота и морских крепостей, технического оборудования портов и различных боевых и прочих припасов, принадлежащих флоту и крепостям, до того момента, когда обстановка позволит приступить к воссозданию боевой мощи флота.

Для сего:

а) срочно закончить перевод судов в Кронштадт, способных двигаться во льду;

б) организовать, сколь сие возможно, охрану судов и всего прочего имущества на судах и в портах как в Гельсингфорсе, так и в Кронштадте, в предупреждение расхищения и порчи;

в) организовать обслуживание механизмов наиболее ценных судов в предупреждение порчи этих механизмов. Если невозможно сохранение механизмов в действии, то привести их в состояние, годное для хранения;

г) к моменту открытия навигации подготовить все суда, сосредоточенные в Гельсингфорсе, к переходу в Кронштадт самостоятельно или на буксирах и перевозку туда же всего ценного имущества, перечисленного в пункте 2.

3) Ввиду угрожающего положения, занимаемого неприятелем, несмотря на заключение мира, и особенно опасного положения, в котором находится флот, сосредоточенный в Гельсингфорсе, благодаря происходящей в Финляндии междоусобной войне,—надлежит подготовиться к тому, чтобы в случае захвата баз флота неприятелем в руки последнего не попали бы корабли, ценные предметы материальной части и припасы в целом виде. Организация, которая должна получить задачу уничтожения, должна быть, однако, создана так, чтобы не могло произойти преждевременного уничтожения флота под влиянием панического настроения каких-нибудь отдельных групп или лиц»¹.

Приведенные директивы не вносили ничего принципиально нового по сравнению с исходной директивой от

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 31, л. 31. Разрядка моя. — Н. К.

17 февраля и по существу лишь конкретизировали задачи флота в операции по перебазированию в соответствии с изменившейся обстановкой. Директива Морского генерального штаба от 20 марта, подтверждая данные ранее указания флоту, ставила перед командованием ясные и четкие задачи и уточняла последующие этапы проводимой операции (немедленный вывод всех кораблей, способных двигаться во льду, и вывод остальных с открытием навигации). При этом, ввиду угрозы захвата баз флота немцами, подтверждалась задача подготовки к уничтожению кораблей и имущества, но при обязательном условии применения этой меры лишь в самом крайнем случае¹.

Таким образом, недостатка в руководящих указаниях у командования флотом не было. Однако вместо того, чтобы организовать выполнение поставленных задач, Щастный и его подручные делали все, что могли, для их срыва.

Одним из средств, которое использовали враги с этой целью, являлся срыв ледокольного обеспечения проводимой операции. Захват ледоколов «Тармо» и «Волынец», произведенный немцами и белофиннами в результате прямой измены офицерского состава, свидетельствует об участии в этом преступлении Щастного и его сообщников, так как после захвата «Тармо» 21 марта не было принято никаких мер к охране других ледоколов, что позволило врагам через восемь дней почти аналогичным способом, без всяких затруднений, захватить «Волынца».

Следующий по мощности ледокол «Трувор», имея пробоину, стоял на стапелях и в течение многих месяцев не ремонтировался, хотя Совет народных уполномоченных Финляндии еще 6 марта сообщал о возможности постановки «Трувора» в заводской док для ремонта².

¹ Еще 2 марта 1918 г. командование Балтийским флотом была направлена директива за № 707/15 с грифом «сов. секретно, срочно», которой предлагалось создать надежную секретную организацию для уничтожения имущества и кораблей в случае угрозы захвата их немцами. При этом в директиве усиленно подчеркивалась необходимость принятия всех мер предосторожности, чтобы не допустить преждевременного, без действительно крайней необходимости, уничтожения кораблей и имущества. (ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 86, лл. 6—8).

² «Морской сборник», 1935, № 4, стр. 108. (Здесь ледокол «Черноморский № 3» ошибочно назван «Черноморец»); см. также ЦГАВМФ, ф. Р-306, 1918, д. 3, л. 58.

Ледокол «Пурга» всю зиму бездействовал из-за поломки винта, хотя имевшийся запасной мог быть установлен в течение 3—5 дней. Ледокол «Артиллерист» использовался только для связи со Свеаборгской крепостью. Ледокол «Черноморский № 3» был посажен на мель, и никаких мер для снятия его командование флотом не принимало¹.

В Кронштадте также действовали враги. Только вредительством можно объяснить задержку там ледоколов «Огонь» и «Ермак». Последний, несмотря на неоднократные и настойчивые требования о срочном выходе в Гельсингфорс, использовался для проводки крейсеров из Кронштадта в Петроград, что ни в какой мере не являлось более срочным и важным делом, чем перевод флота из Гельсингфорса в Кронштадт².

Еще 23 марта оперативный отдел Совкомбалта, сообщая о готовности второго отряда кораблей к переходу в Кронштадт и о прибытии ледокола «Волынец», просил ускорить высылку «Ермака» в Гельсингфорс³.

«Ермак» вышел из Кронштадта в Гельсингфорс лишь 25 марта, когда Совкомбалт в третий раз потребовал высылки ледокола⁴. Из-за тяжелого льда «Ермак» с большим трудом продвигался вперед, останавливаясь с наступлением темноты. 27 марта «Ермак» продвигался вперед только в течение одного часа, а затем остановился до утра 29 марта. В этот день, находясь в 6,5 мили от о. Лавенсари, «Ермак» в 18 ч. 40 м. подвергся обстрелу из орудий береговых батарей острова.

В вахтенном журнале «Ермака» записано: «Произведено 4 выстрела по «Ермаку», снаряды ложились впереди носа по курсу — 1-й, приближенно, в 4—5 кабельтовых, 2-й в 3-х кабельтовых, 3-й не удалось проследить и 4-й в 1,5—2 кабельтовых от носа. Посоветовавшись с председателем судового комитета и потушив огни, пошли старым следом. С 18 ч. 40 м. до 20 часов произведено еще 5 выстрелов по ушедшему «Ермаку»; снаряды, вследствие наступившей темноты и мглы, ложились довольно далеко от корабля»⁵.

¹ «Морской сборник», 1935, № 4, стр. 108.

² ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 31, л. 17.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 606.

⁴ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, л. 19.

⁵ ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 2094, лл. 46—50.

Доложив по радио о случившемся и получив распоряжение следовать в Гельсингфорс, 30 марта «Ермак», располагая курсы вне досягаемости батарей Лавенсари, снова пошел вперед. В 6 милях к востоку от о. Соммерс, когда «Ермак», затертый льдами, перекачивал балласт, к ледоколу приблизилась с белым флагом группа белофиннов из 4 человек, предложившая послать делегатов «Ермака» на о. Лавенсари для переговоров. Цель белофиннов состояла в том, чтобы задержать ледокол посредством переговоров, во время которых они собирались организовать его захват. Не вступая в переговоры, «Ермак» дал ход и с наступлением темноты остановился у маяка Соммерс.

На следующий день, 31 марта, в 9 ч. 25 м., в 6 милях от северной оконечности Гогланда «Ермак» был обстрелян с ледокола «Тармо». Последний с расстояния 50—60 кабельтовых произвел по нему 8 выстрелов. Снаряды ложились с недолетом в 20—30 кабельтовых. Имея лишь 47-мм пушки, «Ермак» был вынужден повернуть на обратный курс.

Около 23 ч. из Гельсингфорса на выручку «Ермака» вышел крейсер «Баян» в сопровождении малых ледоколов «Силач» и «Город Ревель». Однако уже в 5 ч. утра эти корабли были вынуждены возвратиться в Гельсингфорс, так как во льду начали образовываться трещины и крейсер стало сносить на камни, а слабые ледоколы не могли ничего сделать. Ввиду этого «Ермаку» было приказано вернуться в Кронштадт, откуда он должен был следовать в Гельсингфорс в сопровождении крейсера¹.

1 апреля «Ермак» вернулся в Кронштадт и опять был задержан здесь до 5 апреля, когда в сопровождении крейсера «Рюрик» вышел навстречу уже двигавшемуся во льдах второму отряду кораблей.

Таким образом, захват «Тармо», «Волынца», обстрел и попытка захвата «Ермака», задержка его в Кронштадте — все это звенья одной цепи. Лишив флот мощных ледоколов, враги сочли, что наступил момент для полного срыва операции.

31 марта Щастный, донося в Морской генеральный штаб об обстреле «Ермака» и уходе «Волынца» к немцам, писал: «Ввиду этих причин в данный момент совершенно невозможна эвакуация судов из Гельсингфорса». Преда-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 759.

тель добивался отмены директивы о переводе флота в Кронштадт и предлагал начать переговоры с немцами¹.

Намерения Щастного становятся особенно ясными, если учесть, что в этот же день в Гельсингфорсе были получены сведения о том, что «немецкие миноносцы и тральщики зондировали в направлении Ганге, подойдя на очень близкое расстояние»². Было совершенно очевидно, что немцы готовят высадку своих войск в Финляндию, о чем Щастному было известно, конечно, и ранее не только по данным разведки. Немцы сами не делали из этого секрета; в разбрасываемых ими по Гельсингфорсу листовках они предупреждали о скором прибытии своих войск и угрожали репрессиями в случае сопротивления. Поэтому Щастный намеревался дезориентировать высшее военное руководство и Советское правительство и путем переговоров выиграть время, необходимое немцам для высадки и захвата Балтийского флота.

Документы исследуемого периода свидетельствуют о сознательном срыве Щастным и его сообщниками мероприятий оперативного обеспечения, особенно оперативной разведки. Воздушные силы, например, после эвакуации Або-Аландской позиции и Ревеля были направлены в Петроград и Кронштадт, и штаб флота лишился возможности вести воздушную разведку. 4 апреля Щастный доносил в Морской генеральный штаб: «Никакой разведки не имею, но немцы гидропланами следят за флотом в Гельсингфорсе»³. Только 5 апреля, когда немцы уже были в Ганге, командование флотом обратилось в управление авиации Морского генерального штаба с просьбой «срочно выслать из Петрограда в Гельсингфорс по воздуху два быстроходных аппарата для наблюдения за морем и за берегом»⁴. Однако никаких сведений о прибытии просимых самолетов в Гельсингфорс и их участии в операции не имеется. Очевидно, и здесь не обошлось без вмешательства единомышленников Щастного.

Изменники, сидевшие в штабе флота, стремились сорвать оперативное обеспечение не только путем преступного бездействия, но и путем умышленного игнорирования

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 20, л. 31.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 758.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, л. 53.

⁴ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 349, л. 24.

получаемых штабом данных об обстановке. Так, например, несмотря на чрезвычайно важные сведения о действиях немецких тральщиков и миноносцев у Ганге, полученные еще в последних числах марта, штаб и командование не приняли никаких мер для уточнения этих сведений, выяснения намерений немцев и для обеспечения безопасности находившихся в Ганге кораблей и частей. Учитывая ледовую обстановку в этом районе, можно было приказать тральщикам и подводным лодкам идти в Гельсингфорс самостоятельно при помощи находившегося в Ганге ледокола «Садко», выслав одновременно ледокол из Гельсингфорса навстречу. Однако лишь 1 апреля оперативной частью штаба было дано приказание командиру ледокола «Город Ревель» срочно выйти в Ганге и привести оттуда 4-й дивизион подводных лодок и транспорт «Оланд»¹. Но было уже поздно.

«Город Ревель» в сопровождении ледокола «Силач» вышел в Ганге утром 2 апреля. К 8 ч. 30 м. 3 апреля ледоколы, дойдя до мигалки Фуругельм, заметили около двадцати германских кораблей, двигавшихся в направлении Ганге. Продолжая движение, ледоколы в 12 часов достигли острова Бесэ, где и остановились. На «Город Ревель» была погружена радиотелеграфная станция местного поста связи, после чего в 13 часов, по сигналу с ледокола «Силач», оба ледокола повернули на обратный курс и в 20 ч. 10 м. прибыли в Гельсингфорс»².

2 апреля Совкомбалт доносил в Коллегию Морского Комиссариата: «Доводим до сведения, что командованием Балтийского флота отдано распоряжение военным властям в Ганге взорвать суда, стоящие там, в случае действительно агрессивных действий со стороны немцев, но после того, как будет выяснено с нашей стороны, посредством посылки делегации при приближении немцев, относительно их намерений»³.

Вот как описывает очевидец события в Ганге.

«В ночь со 2-го на 3-е апреля большой отряд германских судов подошел ко входу и в течение всей ночи производил траление фарватеров. Появление тральщиков в предыдущие дни, полет аэропланов и другие тревожные

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, л. 25.

² ЦГАВМФ, ф. Р-172, д. 2703, лл. 47 об. — 48.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 758.

признаки давали уверенность, что готовится какая-то операция. Поэтому были потребованы ледоколы для вывода наших судов в Гельсингфорс, но до Ганге дойти они не успели. К рассвету выяснилось, что у немцев ведется совершенно правильно организованная десантная операция. Впереди шли тральщики, по временам производившие взрывы для простейшего уничтожения мин заграждения. За ними виднелись три больших военных транспорта. Операция велась в полном порядке под прикрытием двух дредноутов типа «Позен» и крейсеров. Вел немецкую эскадру наш же ледокол «Волынец»¹.

Мы имели категорическое приказание ни в каком случае не открывать военных действий. Да и что могли сделать замерзшие во льду подводные лодки против дредноутов? Нам оставалось одно: не дать врагу, уничтожить свои суда. Думать, что немцы явились только для оказания помощи финским белогвардейцам и нас не заберут, было бы наивно.

С тяжелым чувством начали мы готовить наши подводные лодки к взрыву и свозить имущество, которое можно было захватить с собой. Чувство горькой обиды овладело душой каждого... Многие с трудом скрывали слезы...

...Началась высадка немцев на о-в Руссаре. «Волынец» и ближайшие за ним суда уже подходили к гавани. Наступил решительный момент. Мы зажгли фитили и побежали на горку, чтобы послать последнее «прости» дивизиону. Первым взорвался наш транспорт.

Немецкий аэроплан был так близко, что его резко бросило, и он только-только не перевернулся.

Затем по очереди взлетели на воздух лодки². Взрывы были так сильны, что один кусок стали, около квадратной сажени величиной, пролетел сажен 200 и упал рядом со станцией, по счастью, никого не задев. Вслед за тем мы подожгли здание службы связи с находившейся там мор-

¹ По другим данным это был ледокол «Сампо», захваченный белофиннами еще в январе 1918 г. (ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 19, л. 34). — Н. К.

² Были взорваны подводные лодки 4-го дивизиона «АГ-11», «АГ-12», «АГ-15» и «АГ-16» и транспорт «Оланд», служивший базой подводных лодок. Кроме этих кораблей, в Ганге были тральщики «Алеша Попович», «Поток Богатырь», «Добрыня», «Святогор», гидрографическое судно «Посыльный», посыльное судно «Гриф», ледокол «Садко». Все они были захвачены белофиннами (ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918, д. 17, л. 128). — Н. К.

ской телефонной станцией и уехали в Гельсингфорс. Через полчаса в гавань вошел первый из транспортов и город был занят немцами»¹.

Таким образом, в то время как для рядового участника событий не было никаких сомнений в характере намерений немецких интервентов, командование флотом проявляло удивительную «наивность», а вернее, преступную беспечность, результатом чего явилась утрата ценных боевых кораблей.

Высадка немецких войск в Ганге осуществлялась эскадрой под командованием контр-адмирала Мейрера, состоявшей из 30 кораблей и транспортов, сопровождаемых 10 тральщиками и ледоколом, и обеспечивалась воздушной разведкой не только района высадки, но и района главной базы — Гельсингфорса. С кораблей была высажена так называемая Балтийская дивизия (3 стрелковых батальона, 3 конных полка и несколько артиллерийских батарей общей численностью в 13 тысяч человек) под командованием уже стяжавшего себе известность в качестве палача прибалтийских народов генерала фон дер Гольца.

Подробности о высадке десанта мы узнаем из немецких источников. «Десанту в Ганге предшествовала необходимая работа по удалению мин, преграждавших подход с моря, чем одновременно создавался обеспеченный морской путь для перевозок в Эстляндию и Финляндию. Эта работа, затрудненная плохой погодой, позволила германской военной эскадре под командованием адмирала Мейрера, эскортировавшей транспорт десантных войск генерала фон дер Гольца и около 400 бежавших по льду в Ревель финских добровольцев (белогвардейцев.— *Н. К.*), лишь 3 апреля 1918 г., пробившись сквозь плотный лед, прибыть к острову Руссаре — сильному укреплению, лежащему против Ганге... Германский батальон егерей, шедший по льду с Аландских островов, встретился с значительным противодействием большевиков и был обстрелян с бежавшей из Або канонерки «Бобр». Германский флот позднее захватил и передал финским чиновникам в Ганге

¹ Ш. Занятие германцами Ганге, «Огонек», 1918 г., № 8, 28(15) апреля. (Журнал не имеет пагинации.)

вместе с красным экипажем «Бобра»¹ и находившиеся в шхерах ледоколы «Муртайя» и «Дрегосфьрд»...²

Высадка немецких войск в Финляндии коренным образом изменила оперативную обстановку. Угроза захвата флота германскими империалистами стала реальной. Необходимо было немедленно выводить корабли из баз Финляндии. На это указывали командование флотом все директивы высшего военного командования, отданные в развитие директивы от 17 февраля.

Чтобы выполнить эту задачу, командование флотом должно было, не теряя и часа времени, принять самые энергичные меры.

Несмотря на ясные и четкие директивы о немедленном выводе флота из Гельсингфорса еще задолго до вторжения германских войск в Финляндию, Щастный и после высадки немцев в Ганге попрежнему стремился дезориентировать высшее военное руководство и Советское правительство, предлагая вступить в переговоры с немцами для «выяснения» их намерений. Более того, он отдал приказ оставить в Ганге, не взрывая, тральщики, ледоколы и другие корабли, «чтобы по ним определить на время намерения немцев». Так и мотивировал свой приказ Щастный, сообщая 5 апреля в Морской генеральный штаб об обстановке в связи с высадкой немцев в Ганге³.

Другим способом для достижения этой же преступной цели была попытка уничтожить корабли путем взрыва под предлогом невозможности их спасения.

3 апреля, сообщая Коллегии Морского Комиссариата и Морскому генеральному штабу о высадке немцев в Ганге, Щастный телеграфировал: «В ночь на 3 апреля в н е з а п и о (!?) обнаружено движение немцев с моря на Ганге. По донесению наподива⁴, п р и г о т о в л я ю щ е-

¹ Захваченная немцами в Або канонерская лодка «Бобр» несколько месяцев была в составе германского флота, затем была передана буржуазной Эстонии, во флоте которой находилась под названием «Лембит» (см. С. П. Моисеев, Список кораблей русского парового и броненосного флота, стр. 212). — Н. К.

² Кроме ледоколов и канонерской лодки «Бобр», в Або были захвачены: канонерская лодка «Гиляк», заградители «Ильмень» и «Свирь», 6 гидрографических судов, 12 сторожевых катеров, 35 моторных катеров, 8 барж, 33 плашкоута, транспорт «Мезень» и ряд портовых судов (ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918, л. 17, л. 127). — Н. К.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, л. 65.

⁴ Наподив — начальник дивизиона подводных лодок. — Н. К.

гося к эвакуации из Ганге подлодок, на рассвете к 6 часам утра на рейд Ганге подходит около тридцати кораблей... Наподиву отдано приказание взорвать подлодки и наши тральщики и отступать из Ганге. В 9 часов утра собираю военный совет. Необходимо срочное вмешательство центральной правительственной власти в действия немцев и получение указаний, как быть с флотом в Гельсингфорсе. За отсутствием ледоколов суда выводить нельзя...»¹

В этом документе обращают на себя внимание следующие моменты.

Во-первых, Щастный лжет, утверждая, что приход немцев в Ганге был для него внезапным. Уже 31 марта в Гельсингфорсе имелись сведения о том, что немецкие тральщики под прикрытием миноносцев производят траление на подходах к Ганге. Данные об этом, при наличии прямой телефонной связи с Ганге, Щастный, конечно, имел еще раньше.

Во-вторых, в то время как начальник дивизиона подводных лодок хотел спасти их и готовил к уходу из Ганге, Щастный отдал приказ взорвать лодки, не приняв никаких мер к их спасению, кроме заведомо запоздавшего распоряжения ледоколу «Город Ревель» о выходе в Ганге 1 апреля, которое было исполнено лишь 2 апреля, когда было уже поздно идти в Ганге.

В-третьих, Щастный опять лжет, утверждая, что он отдал приказание взрывать и тральщики, так как 5 апреля по его приказу тральщики и другие корабли были оставлены в Ганге, чтобы «по ним определить намерения немцев».

В-четвертых, имея ясные указания Морского генерального штаба от 20 марта о срочном переводе кораблей из Гельсингфорса, Щастный все же снова обращается с вопросом «как быть с флотом в Гельсингфорсе», рассчитывая получить распоряжение об уничтожении флота.

Ориентируя высшее командование на необходимость уничтожения кораблей, Щастный немедленно предпринимает практические шаги к осуществлению этого замысла.

В тот же день, 3 апреля, он созывает Совет флагманов. Этот орган, выдвинувший в свое время Щастного на

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, лл. 632—633. Разрядка мая. — Н. К.

должность командующего флотом, принял следующее решение:

«Совет флагманов полагает, что по отношению к судам, в связи с высадкой немцев в Ганге, должны быть приняты следующие меры:

1) «Республика», «Андрей Первозванный», «Баян» и «Олег» по готовности малых ледоколов должны быть посланы в Кронштадт, причем комиссарам необходимо разъяснить причину столь срочного ухода.

2) Минной дивизии, подводным лодкам, заградителям и судам минной обороны постепенно выходить на рейд.

Всем этим судам быть готовым к взрыву.

3) Тралартели¹ поднять коммерческие флаги, но, в смысле управления, кораблям, фактически туда не переданным, оставаться в распоряжении натрадив².

4) Транспортов к уничтожению не готовить. Временно желательно передать их в руки частных владельцев, так как в данное время таковая собственность уважается германцами более, нежели национальная...»³

Итак, Совет флагманов фактически предлагал уничтожить весь флот, кроме кораблей, входивших в состав второго отряда, решение об отправке которого в Кронштадт было принято Совкомбалтом еще 17 марта, кораблей тралартели и транспортов. Но при этом, как будет выяснено далее, поднятие на военных кораблях коммерческих флагов и передача транспортов частным лицам являлись средством, лишь облегчавшим захват этих кораблей немцами и белофиннами.

На совместном заседании Совета флагманов и Совета комиссаров, состоявшемся на следующий день, решение о передаче транспортов частным лицам под влиянием комиссаров было значительно изменено. Транспорты решено было продать «русской фирме», причем «непременным условием должно быть сохранение их в дальнейшем в распоряжении Российской Республики».

¹ Тралартель — «Трудовая артель работающих по делу траления мин» — была создана на правах частной организации в начале марта 1918 г. главным образом из личного состава дивизии траления с целью уничтожения минных и противолодочных заграждений на Балтийском море. Тралартели были переданы 18 миноносцев, 8 тралыщиков, 11 сторожевых и ряд других кораблей. — Н. К.

² Натрадив — начальник дивизии траления. — Н. К.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918, д. 1, лл. 22—22 об.

«Передать эту резолюцию, — говорилось далее в решении, — для утверждения в Совет Народных Комиссаров, определив срок ответа сегодня в полночь, при получении такого поступать согласно резолюции самостоятельно».

Заседание приняло к сведению информацию о том, что все госпитальные суда уже переданы «под покровительство датского правительства».

Недостроенные корабли было решено «не взрывать, оставить их во владении заводов с тем, чтобы впоследствии или вернуть выданные казной авансом за них деньги, или, доплатив остальную сумму, принять с заводов».

Далее совещанием было решено: «В случае если представится надобность в уничтожении кораблей, на «Кречете», на мачте Службы связи поднимается сигнал: днем — три красных флага, ночью — три красных огня»¹.

Оценивая решение совместного заседания Совета флагманов и Совета комиссаров, можно сделать вывод, что, хотя по настоянию комиссаров в решении о перевозках было оговорено сохранение их за Советской республикой, фактически контрреволюционный Совет флагманов сохранил в силе свое решение от 3 апреля, так как внесенное в него изменение по существу являлось не больше как юридической формулой.

Обращает на себя внимание крайне малый срок для получения ответа Совета Народных Комиссаров, что фактически сводило на нет существенную поправку, внесенную комиссарами в решение о перевозках.

Не проявили комиссары достаточной бдительности и в вопросах о передаче госпитальных судов под «покровительство» Дании, об оставлении недостроенных кораблей заводам и о сигнале для взрыва.

Передача Дании госпитальных судов, частью принадлежавших до войны Восточно-Азиатскому пароходству, главными акционерами которого были датские капиталисты и бывшая императрица Мария Федоровна², проживавшая в то время в Дании, неизбежно привела бы к потере этих кораблей Советской республикой. То же самое означало оставление недостроенных кораблей заводам.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918, д. 1, л. 23.

² Вдова Александра III и мать Николая II, датчанка по происхождению.

Кроме того, решение о передаче транспортов и госпитальных судов частным лицам и иностранному государству было принято в нарушение декрета Советского правительства о национализации торгового флота.

Решение о сигнале для взрыва, не предусматривавшее никаких мер предосторожности, давало возможность злоумышленникам вызвать уничтожение кораблей даже и в том случае, когда эта крайняя мера не вызывалась необходимостью.

Чтобы предупредить возможность злоумышленных действий, Совкомбалт, повидимому, 4 или 5 апреля¹ направил всем командирам соединений, базировавшихся на Гельсингфорс, за подписями комиссара Балтийского флота и начальника военного отдела специальную директиву. В этом документе говорилось: «Теперь же надлежит организовать все необходимые приготовления для уничтожения судов и имущества. Приготовления эти должны заключаться в соответствующей организации и расписании, причем должно принять все меры для того, чтобы они не возбудили паники в массах и не повлекли бы грабежа и преждевременного уничтожения. Если приказание об уничтожении и последует, то только в самый последний момент»².

Принятые на заседаниях 3 и 4 апреля решения были одобрены Щастным и сообщены им 5 апреля в Морской генеральный штаб³. Не сомневаясь в благожелательном ответе, он ждал момента совершить тягчайшее преступление — лишить Советскую республику огромного количества военных кораблей и транспортного флота.

Но случилось не так, как замышляли враги. Советское правительство 6 апреля отклонило предложение о фиктивной продаже кораблей и приняло решение, обеспечивавшее спасение Балтийского флота. В то время как враги стремились использовать ухудшение обстановки в своих преступных целях, матросские массы отдавали все силы делу спасения флота.

¹ Указанный документ является отпуском, в котором дата не представлена.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 528. Разрядка моя. — Н. К.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-28, 1918, д. 19, лл. 33—34.

На кораблях шла лихорадочная работа. «Дни и ночи,— вспоминает участник этого перехода на «Андрее Первозванном»,— грузили мы на борт ящики с винтовками, патронами, консервы, муку, станки, автомобили, самолеты. На палубе и надстройках не было свободного места. Оставались лишь пространства для разворота башен.

Для укомплектования корабля мы приняли к себе до 400 человек гарнизона Свеаборгской крепости и других частей. Командного состава на линкоре было всего 12 человек, из них 5 механиков и один врач»¹.

«Наша «Республика», — сообщает в своих воспоминаниях машинист этого корабля Н. Прощенок, — приняла в свой трюм 2000 пудов сахара и такое же количество муки, а также большое количество военного имущества... Во время аврала не жалели себя... Такое же приготовление шло и на остальных кораблях»².

В результате напряженной работы команд почти все корабли, назначенные к переходу в составе второго отряда, были готовы к выходу в море уже к 23 марта. Ожидали только ледоколов, но, как уже известно, часть их была захвачена немцами, а «Ермак» своевременно не смог прибыть в Гельсингфорс. Обстановка, складывавшаяся в связи с вторжением в Финляндию немецких интервентов, не позволяла откладывать выход кораблей. Поэтому Совкомбалт решил, не ожидая более прибытия «Ермака», отправить в Кронштадт второй отряд кораблей, в состав которого входили линейные корабли «Республика», «Андрей Первозванный», крейсера «Олег» и «Баян», подводные лодки «Тур», «Тигр» и «Рысь».

С утра 4 апреля корабли второго отряда с помощью портовых ледоколов «Силач» и «Город Ревель» стали выходить на внешний рейд Гельсингфорса. Следует отметить, что Совкомбалтом были сделаны необходимые выводы из фактов захвата ледоколов «Волынец» и «Тармо». Чтобы предотвратить возможность повторения подобных случаев, по решению Совкомбалта на всех ле-

¹ К. Хонин, Немецкие интервенты просчитались, «Красный флот», 12 апреля 1938 г.

² ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. рукоп., т. II, д. 35, л. 2. Н. Прощенок, Ледовый поход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт.

доколах для их охраны были размещены вооруженные команды матросов¹.

В день выхода кораблей второго отряда балтийцы стали свидетелями уничтожения англичанами своих кораблей. В Гельсингфорсе со времени первой мировой войны находилась флотилия из семи английских подводных лодок, пловучая база «Амстердам» и три парохода. Согласно Брестскому договору английские корабли подлежали разоружению или уводу в русский порт. Командир английского отряда коммодор Кроми отклонил предложение о переводе своих кораблей в русские базы и по указанию английского правительства решил взорвать их близ Гельсингфорса. При этом Кроми намеревался уничтожить также запас русских торпед (80 штук), находившихся на пловучей базе «Амстердам», и ценное имущество на пароходе «Обсидиан».

Но попытка уничтожить торпеды была предупреждена. Об этом рассказывает участник «Ледового похода» Сакур:

«Мы решили спасти эти торпеды. Я явился к командиру английской флотилией.

— Имею приказание перегрузить торпеды с «Амстердама», — доложил я англичанину. На самом же деле я не успел получить такого приказа, а действовал на свой риск и страх. Англичанин долго притворялся ничего не понимающим. Но я был настойчив и не уходил.

— Времени осталось мало. Наша база уже приготовлена к выводу на внешний рейд. Вы все равно ничего не успеете сделать, — сказал англичанин.

— Нам нужно всего лишь 30 минут, — решительно заявил я.

— Ну, что ж, тогда выгружайте, — сказал англичанин и посмотрел на меня с насмешкой.

Начали перегружать. Работали с лихорадочной поспешностью, грузили торпеды, как бревна. Командир английской флотилии не скрывал своей злобы и досады, что нам удавалась выгрузка торпед.

Только мы выгрузили весь запас, как подошел буксир и увел «Амстердам» для взрыва. Торпеды были спасены»².

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918, д. 19, л. 34.

² «Морской сборник», 1938, № 4, стр. 84—85.

Английские подводные лодки «Е-1», «Е-8», «Е-9», «Е-19», «С-26», «С-27», «С-35», пловучая база «Амстердам» и три парохода были взорваны англичанами 4 апреля в районе маяка Грохара.

Адмирал флота профессор И. С. Исаков, участвовавший в ледовой операции мичманом в должности старшего офицера миноносца «Изяслав», в своих воспоминаниях сообщает о дальнейшей судьбе английских команд интересные сведения:

«4 апреля. Дел по горло (в связи с подготовкой к походу). Выскакиваю на стенку Седрахамна и бегу... в порт. Везде деловитая суета.

С внешнего рейда доносится несколько глухих, но сильных взрывов. Еще. Еще... Все смотрят в сторону Грохары. Появляется куда-то спешащий матрос с красной повязкой на рукаве бушлата — развясняет: «Англичане взрывают свои лодки и плавбазу».

...Обходим ковш, врезающийся в площадь в конце Эспланады. На противоположном выступе внешней стенки Скатуддена, совершенно один, стоит коммодор Кроми и смотрит в сторону Грохары. Кого-то или чего-то ждет. Вид демонстративно спокойный, вроде готов даже улыбнуться...

Еще один поворот, и становится понятным присутствию Кроми.

На крайнем портовом пути (тупике) — состав из теплушек (классных вагонов и паровоза не заметил).

Часть дверей открыта — приборные ящики и матросские кисы¹, штатные для английского флота...

Дойдя до улыбающегося, смешливого «Джека», который на все вокруг смотрел с легкомысленным любопытством (очевидно, в том числе и на взрыв своих лодок), спросил, проходя: — Where do you go? — To Murmansk².

Для меня сообщение было как-то совершенно неожиданным. Мурманск казался таким далеким и отрезанным. Кстати, сведений о том, что там делается, мы в эти дни не имели... Тут же об англичанах я забыл. И вспомнил впервые только тогда, когда в Петрограде узнал о начале интервенции союзников на Севере, и во второй раз, когда летом в газетах было сообщение об убийстве

¹ Киса — парусиновый вещевой мешок. — Н. К.

² — Куда идете? — В Мурманск.

Кроми в английском посольстве, во время перестрелки, которую он сам и начал¹.

Как и когда проскочил английский эшелон мимо отрядов Маннергейма, мимо частей немецкого десанта, высаженного в Ловизе, мимо Выборга и Петрограда, — не знаю, и позже нигде не попадалось в печати»².

Уничтожение англичанами своих кораблей с ценным имуществом Балтийского флота и перевод команд этих кораблей в Мурманск, где уже началась открытая военная интервенция английских и американских империалистов, явились первыми злонамеренными актами английского флота против Советской республики в период гражданской войны.

Выйдя 4 апреля на внешний рейд, корабли второго отряда на следующий день начали переход в Кронштадт.

Условия, в которых совершался переход второго отряда, были значительно тяжелее, чем во время перехода первого отряда. Начались весенние передвижки льда, вызывавшие образование громадных торосов. Даже крейсера с трудом пробивали себе дорогу, а подводным лодкам с их слабыми корпусами было особенно трудно. Сначала лодки шли самостоятельно, затем на буксирах. Маломощные ледоколы не в состоянии были обеспечить проводку каравана, и роль ледокола пришлось взять на себя флагманскому линейному кораблю «Андрей Первозванный», имевшему мощный таран.

Но и для линейного корабля эта задача была нелегкой. «Толстый лед, — рассказывает участник похода на этом корабле, — с трудом поддавался даже 19-тысячетонному линкору, шедшему под всеми 25 котлами. Приходилось останавливаться, обрабатывать назад и затем с разгона раскалывать ледяное поле. После такого удара поле раскалывалось и видно было, как далеко бежала извилистая трещина, раздвигаемая мощным корпусом корабля.

Все время приходилось следить за тем, чтобы линкор, идя по трещине и следуя ее извилинам, не отходил от

¹ Кроми был активным участником заговора Локкарта; убит в английском посольстве при попытке вооруженного сопротивления аресту.

² Из «Памятных записок» мичмана И. С. Исакова, составленных зимой 1922 г. Выписка, публикуемая с разрешения автора, дана с сокращениями. — Н. К.

курса. Поэтому, идя по трещине, мы стопорили машины, разворачивались на курс и кололи ледяное поле в направлении курса... Идти было трудно, так как ночью не было видно трещин. Корабль внезапно начинал катиться в сторону, и сдерживать его рулем было невозможно. За ночь же можно было сойти с курса на несколько миль»¹.

За шесть ходовых часов 5 апреля отряд прошел только до маяка Грохара (около 6 миль), где остановился на ночевку.

На следующий день подводная лодка «Рысь», получившая повреждения корпуса, была вынуждена вернуться в Гельсингфорс. Остальные корабли с трудом продолжали двигаться вперед.

К 19 часам 7 апреля отряд дошел до о. Родшер. Здесь лед оказался настолько плотным, что отряд не мог следовать дальше. Корабли остановились и по сигналу с флагманского корабля загребли жар в топках.

Трудности похода второго отряда не ограничивались тяжелыми метеорологическими условиями. Напряженная обстановка, в которой проходил переход, заставляла принимать особые меры предосторожности. По ночам море освещалось прожекторами с финского берега. Весьма вероятной была возможность враждебных действий со стороны германского флота, располагавшего теперь сильными ледоколами. Корабельные радиостанции принимали сигналы близко работающих радиостанций германских кораблей.

Около 21 часа 7 апреля сигнальщики крейсера «Баян» обнаружили огни спешивших на выручку ледокола «Ермак» и сопровождавшего его крейсера «Рюрик»². Они вышли в Гельсингфорс из Кронштадта одновременно с выходом второго отряда из Гельсингфорса. Лед был настолько тяжелый, что «Ермак» пробивался с трудом и к вечеру 6 апреля дошел лишь до о. Сескар³.

7 апреля в 10 ч. 40 м. «Ермак» снова подвергся обстрелу 6-дюймовых батарей с о. Лавенсари. Было произ-

¹ К. Хонин, Немецкие интервенты просчитались, «Красный флот», 12 апреля 1938 г.

² ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 663, лл. 89—95.

³ Там же, д. 2094, лл. 52 об. — 53 об.

Подводная лодка „Рысь“, затертая льдом на переходе в Кронштадт

ведено 10—12 выстрелов с большим недолетом. По радио с Лавенсари на немецком языке было передано: «Рюрику» немедленно вернуться в Кронштадт, иначе откроем огонь из всех орудий»¹.

Обстрел «Ермака» и угрозы «Рюрику» преследовали цель спровоцировать ответный огонь, чтобы создать дипломатический конфликт, обвинить Советское правительство в нарушении мира и этим развязать себе руки для агрессивных действий. Одновременно немцы и белофинны хотели запугать советских моряков, заставить крейсер уйти, чтобы затем попытаться захватить «Ермак». Однако провокация не удалась. Советские моряки проявили выдержку и самообладание.

Не обращая внимания на обстрел, «Ермак» и «Рюрик», обойдя Лавенсари на расстоянии 90—120 кабельтовых, продолжали следовать к месту стоянки второго отряда и около 23 часов остановились у северной оконечности о. Гогланд.

Утром 8 апреля «Ермак» подошел к кораблям второго отряда, взломал лед и, освободив корабли, повел

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-418, 1918, д. 23884, лл. 194—195.

их вперед. Ледовая обстановка попрежнему была тяжелой. То один, то другой корабль застревал во льду, и тогда «Ермак» спешил на помощь, выручал застрявшего, и снова отряд шел вперед.

С наступлением темноты отряд остановился на ночевку. В ночь на 9 апреля крейсер «Олег» течением начало наваливать на корму крейсера «Баян». Авария была предотвращена подводной лодкой «Тигр», которая оттянула «Олега» от борта «Баяна».

Особенно трудным был переход днем 9 апреля, о чем свидетельствует следующая запись в вахтенном журнале крейсера «Баян»:

«12 ч. 50 м. «Силач» застрял во льду. «Олег» обгоняет его.

13 ч. 10 м. Стоп машина. Застряли во льду.

13 ч. 20 м. «Ермак» освободил «Силача». «Силач» снова застрял.

13 ч. 25 м. «Ермак» освободил нас. Дали ход.

13 ч. 27 м. Затерло льдом.

13 ч. 32 м. «Ермак» освободил нас. Дали ход.

13 ч. 33 м. Затерло льдом.

13 ч. 45 м. «Ермак» взял «Силача» на буксир и повел к отряду.

13 ч. 55 м. Застопорили машины.

14 ч. 10 м. «Ермак» освободил нас. Дали ход.

14 ч. 15 м. Затерло льдом.

14 ч. 25 м. «Ермак» освободил нас. Пошли за ним.

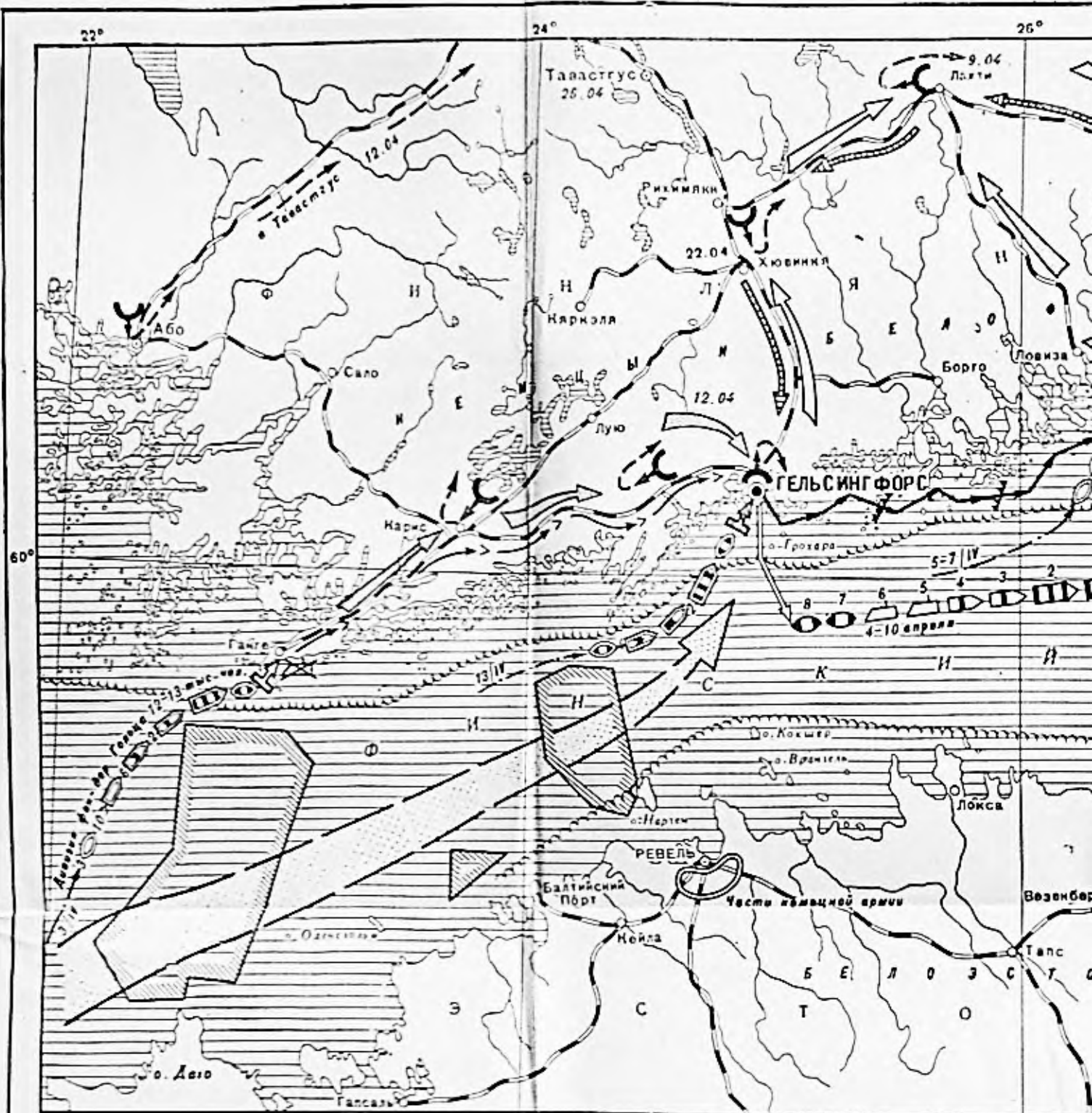
14 ч. 27 м. Затерло льдом»¹.

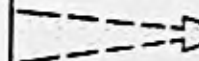
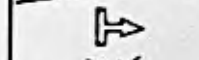
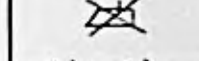
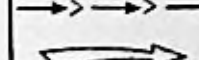

Однако моряки преодолели все трудности. В полдень 10 апреля корабли второго отряда вошли в гавань Кронштадта.

Успешным переходом второго отряда кораблей был завершён ещё один важный этап операции. Теперь все линейные корабли и крейсера были перебазированы на тыловую базу. Это была большая победа балтийцев. Все вражеские попытки лишить Советскую республику ценнейших боевых кораблей были сорваны.

Переход второго отряда ещё раз подтвердил полную возможность плавания во льдах боевых кораблей даже с такими слабыми корпусами, как у подводных лодок,

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 663, лл. 96—99.

- Немецкий план захвата Петрограда и Балтийского флота
- Высадка немецких десантов в Ганго (3.04) и Ловизе (6.04)
- Уничтожение советскими моряками своих 4-х подводных лодок (в Ганго 3.04)
- Путь моряков в Гельсингфорс после затопления подводных лодок
- Действия немцев и белофинов после сдачи десантов в Ганго и Ловизе

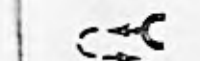
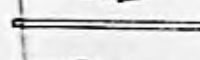
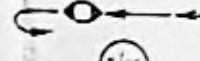
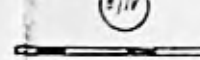

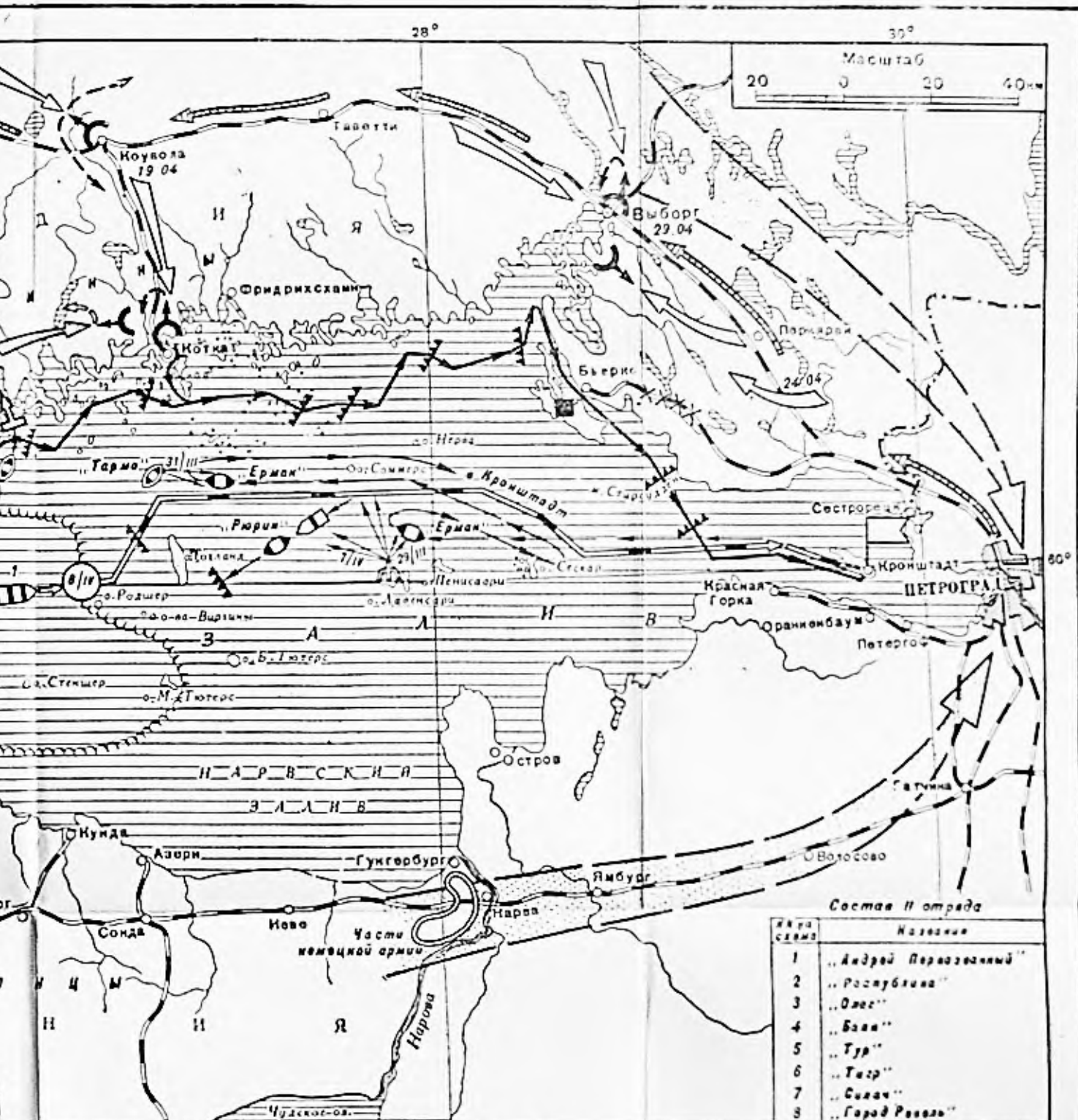
- У с л о а н ы е
- Действия финской Красной гвардии и ее отступление
 - Путь II отряда кораблей без сопровождения мощных ледоколов
 - Выходы ледокола „Ермак“ на помощь II отряду, сорванным обстрелами белофинов с о-ва Лавонсари и ледоколом „Тармо“
 - Место встречи II отряда с ледоколом „Ермак“ (8.04)
 - Путь II отряда кораблей в Кронштадт в сопровождении ледокола „Ермак“ и крейсера „Рюрик“

Схема 3. Переход II и III отрядов ко...

Состав II отряда

№ по списку	Название
1	„Андрей Первозванный“
2	„Рослубина“
3	„Олег“
4	„Вели“
5	„Тур“
6	„Тигр“
7	„Салах“
8	„Город Ревель“

о б о з н а ч е н и я

- Путь торговых морских делегатов I отряда, в Гельсингфорс для укомплектования команд на кораблях III отряда
- Путь шхерным фарватером III отряда
- Высадка немцев в Гельсингфорс 13 апреля
- Действия немцев и белофиннов после захвата Гельсингфорса
- Граница сплошного льда в начале апреля
- Торосы встречавшиеся на пути кораблей
- Завалы на железной дороге у Бьерге
- ГЕЛЬСИНГФОРС** Главная база флота
- Кронштадт Главная база флота после 11 апреля 1918г. Место перегрузки угля, доставляемого из Кронштадта для кораблей III отряда

раблей из Гельсингфорса в Кронштадт

при условии обеспечения хотя бы одним мощным ледоколом. Вместе с тем было выяснено, что слабые ледоколы не в состоянии были бороться с тяжелыми льдами и сами нуждались в помощи мощного ледокола.

4. Переход третьего отряда кораблей.

Вывод оставшихся кораблей из Финляндии

После ухода второго отряда из Гельсингфорса в главной базе осталось еще много кораблей: более 50 миноносцев, 10 подводных лодок, более 60 транспортных и большое количество сторожевых вспомогательных кораблей, а также огромные запасы военного имущества. Перевод этих кораблей в Кронштадт составил следующий, наиболее трудный этап операции по перебазированию флота.

Оперативная обстановка для Балтийского флота резко ухудшилась в связи с высадкой германских войск в Финляндии. Быстро продвигаясь по северному берегу Финского залива, германские войска создавали непосредственную угрозу захвата Гельсингфорса и других баз с суши. Находившаяся в море сильная германская эскадра, имевшая теперь мощные ледоколы, могла в любой момент оказать активное противодействие операции по перебазированию оставшихся в Финляндии кораблей. Правда, Германия находилась в состоянии мира с Советской Россией, но было ясно, что германские империалисты склонны соблюдать мирный договор лишь постольку, поскольку нарушение его не повлечет за собой для них неблагоприятных последствий.

Антисоветские и контрреволюционные элементы внутри флота усилили свою враждебную деятельность.

Перед большевиками флота — подлинными руководителями операции — на этом этапе возникли особенно большие трудности. Организация перехода морем различных соединений в короткие сроки вообще представляет собой сложную задачу, а ведь предстояло совершить не просто плавание морем в обычных условиях, а переход громадного количества различных кораблей, частью неспособных двигаться самостоятельно, в условиях всевозможного противодействия врагов, в трудной ледовой обстановке, при отсутствии надлежащего ледокольного обеспечения, при катастрофическом некомплекте

команд и недостатке некоторых видов материально-технического обеспечения.

Особенностью рассматриваемого этапа операции является также то, что в этот период для ее обеспечения потребовалось проведение мер дипломатического характера с целью добиться от немцев соблюдения условий Брестского мира в отношении Балтийского флота.

Как мы видели, одной из форм вредительской деятельности Щастного и его пособников в штабе флота являлась дезинформация высшего командования в отношении обстановки, в которой находился Балтийский флот. Именно этим объясняется тот факт, что высшие органы управления флотом, Коллегия Морского Комиссариата и Советское правительство были поставлены перед совершившимся фактом высадки немцев в Финляндию.

Зная заранее о готовящейся немцами высадке в Ганге десанта, имея точные сведения о фактическом начале ее осуществления, Щастный сообщил об этом в Коллегию Морского Комиссариата только тогда, когда немецкая эскадра была уже в Ганге. Этим самым Щастный сорвал проведение необходимых мер по обеспечению безопасности флота, причем не только тех, которые могли быть осуществлены непосредственно командованием флота, но и тех, которые могли предпринять органы высшего военного руководства и Советское правительство.

Более того, Щастный организовал непосредственные переговоры с германским командованием, в результате чего условия базирования флота в Финляндии были значительно ухудшены даже по сравнению с теми, которые были определены Брестским договором.

Решение начать переговоры с германским командованием было принято командованием флота 2 апреля, то есть еще до высадки германского десанта в Ганге¹.

Вступая в переговоры, Щастный формально не выходил из рамок «Временного положения об управлении Балтийским флотом», утвержденного Совнаркомом 29 марта 1918 г. Согласно ст. X этого Положения начальнику морских сил предоставлялось право по соглашению с главным комиссаром вступать в переговоры с германским военным командованием и финляндским

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 380, л. 758.

правительством, руководствуясь при этом особой инструкцией и донося о переговорах Коллегии Морского Комиссариата ¹.

Инструкция, которая была дана делегации, назначенной для переговоров с немцами, гласила:

«Делегация должна, войдя в сношение с германским командованием, узнать, каковы его намерения по отношению к флоту и крепости Свеаборг. Если германский отряд высадился для помощи белой финской гвардии, то потребовать от него:

1. а) полной неприкосновенности флота и крепости на предмет планомерной эвакуации, согласно п. 6 мирного договора, а также и для личного состава судов, крепости и граждан русско-подданных; б) железнодорожный и морской пути на Петроград должны быть свободны как для эвакуации, так и для снабжения продовольствием;

2. а) свободное плавание всех русских судов; б) если германское командование имеет в виду репрессии по отношению к России, в связи с их протестом от 24 сего марта, то, сообщив, что флот участия в гражданской войне в Финляндии не принимал, потребовать от германского командования исполнения условий, указанных в п. 1, и предложить ему дальнейшие переговоры вести непосредственно с нашим правительством; в) если германское командование имеет в виду открытие военных действий против флота и крепости, то, осведомившись о причинах возобновления военных действий, передать ему, что делегация поставит в известность об этом главное командование.

В случае предоставления достаточной гарантии в исполнение вышеозначенных требований, каковыми могут считаться, в случае вступления германцев в Гельсингфорс, оставление неприкосновенными рейдов, островов, крепости и территории порта и имущества русских, подлежащего эвакуации, поставить в известность германское командование, что флот не будет принимать никаких действий. В случае отрицательного ответа по первым пунктам или непредставления достаточных гарантий, передать германскому командованию, что флот остав-

¹ Систематический сборник постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 264.

лжёт за собой свободу действий вплоть до таких мер, которые повлекут за собой угрозу целостности города»¹.

Однако делегация оказалась не на высоте возложенных на нее задач и по существу капитулировала перед германским командованием.

Прежде всего следует отметить, что полномочная делегация, представлявшая главное командование Балтийского флота, согласилась вести переговоры не с главными начальниками германских морских и сухопутных сил, высадившихся в Ганге, или соответствовавшими ее значению уполномоченными, а всего лишь с капитан-лейтенантом Клипом, который был назначен германским командованием, в присутствии майора, представлявшего штаб германских сухопутных войск.

В результате переговоров 5 апреля было подписано соглашение, которое в нашей литературе известно под названием «гангутского (или гангеского) соглашения». По содержанию и форме его правильное было бы назвать гангутским ультиматумом или гангутской капитуляцией.

Вот что говорилось в этом документе:

«На основании герmano-русского мирного договора и в целях выяснения положения русского флота в Гельсингфорсе, при занятии этого города германскими военными силами, а также в целях предотвращения, вследствие чьих-либо неосторожных действий, возникновения враждебных действий или производства каких-либо разрушений, германский морской начальник в Ганге сообщает командующему русским флотом в Гельсингфорсе, в ответ на его запрос, переданный комиссией Балтийского флота, после совещания с этой комиссией и в согласии с ней, нижеследующее:

Находящемуся в Гельсингфорсе русскому флоту и его личному составу предоставляется полная безопасность и защита при соблюдении нижеследующих условий:

1) С момента прибытия возвращающихся членов комиссии в Гельсингфорсе не должно производиться никаких разрушений как на военных и торговых кораблях, так и в портовых сооружениях и береговых укреплениях.

2) После прибытия германских военных сил на русских военных кораблях могут остаться только небольшо-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, лл. 44—45.

численные охранные команды (см. п. 6). Береговые укрепления и морские сооружения очищаются русскими.

3) Замки и прицелы всех орудий всех кораблей и береговых укреплений, а также все зарядные отделения мин, подрывные патроны и тому подобное должны быть немедленно собраны на баржах и транспортах, которые должны быть поставлены на внешнем рейде. Это мероприятие должно быть закончено через пять дней после отъезда из Ганге возвращающихся членов комиссии...

4) Все остающиеся на русских военных кораблях, согласно п. 6 и 7-му, команды будут германским морским начальником в полной сохранности переведены в Россию...

5) Немедленно, по прибытии в Гельсингфорс возвращающихся членов комиссии, должно быть начато изготовление русских военных кораблей к долговременному хранению для передачи их остающимся затем на них русским сохранным командам. Это мероприятие должно быть проведено в срочном порядке. Ожидается, что оно будет закончено не позднее 14 (четырнадцати) суток.

6) Охранные команды, включая офицеров, могут быть не больше:

для линейных кораблей по	30 человек
для крейсеров по	20 »
для кораблей типа «Новик» по	10 »
для эскадренных миноносцев по	5 »
для подлодок всего	30 »
для всех малых миноносцев и остальных малых военных кораблей	50 »
для минных судов, соответственно их величине, как у крейсеров или судов типа «Новик».	

7) Команды, остающиеся, наряду с охранной командой, на кораблях до окончания изготовления последних к долговременному хранению, могут быть не больше двойного числа охранных команд, определенных в п. 6.

8) В знак того, что все вышеуказанные мероприятия проведены или проводятся и что русский флот и береговые укрепления намерены соблюдать полнейший нейтралитет, все русские военные корабли и береговые укрепления при приближении германских вооруженных сил поднимают на хорошо заметном месте бело-красный флаг».

В п. 9 указывалось, что 4 члена делегации «по военным соображениям» остаются в качестве заложников в Ганге до занятия Гельсингфорса германскими войсками.

«10) На остающихся, при соблюдении вышеизложенных условий, в Гельсингфорсе русских военных кораблях сохраняется русский военный флаг»¹.

При сравнении этого соглашения с приведенной выше инструкцией становится ясно, что делегация не добилась ни одной из поставленных перед ней задач.

Прежде всего в «соглашении» нет ни слова о праве перехода кораблей в русские базы и о создании для этого соответствующих условий, хотя это право было обусловлено статьями V и VI Брестского договора, на который имеется ссылка в преамбуле «соглашения».

Вместо того, чтобы потребовать от германского командования соблюдения условий Брестского мира, гарантирующих перевод кораблей из Финляндии в русские базы, и предложить ему, в случае безрезультатности переговоров, вступить в переговоры непосредственно с Советским правительством, делегация, вопреки данным ей полномочиям, «в согласии» с германским командованием подписала и приняла к исполнению ультимативные требования последнего. Цель этих требований заключалась в том, чтобы привести оставшиеся в Гельсингфорсе корабли в такое состояние, при котором было бы невозможно какое бы то ни было сопротивление в случае агрессивных действий со стороны германских вооруженных сил. Полнейшее разоружение кораблей и береговых укреплений, очищение последних, оставление на кораблях ничтожного количества безоружных людей (на подводных лодках, например, должно было остаться менее двух человек на каждой) — все эти требования свидетельствовали о намерении немецких интервентов легко и просто завладеть кораблями.

Что немцы преследовали именно эту цель, подтверждается рядом других фактов, в частности агентурными данными. В одном из агентурных сообщений, полученных Морским генеральным штабом, говорилось: «Высадка немцев в Ганге имеет целью в ближайшее время занятие Гельсингфорса, дабы помешать русским воен-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918, д. 1, лл. 26—27.

ным судам выйти в Кронштадт. Завладев ими, в случае возобновления войны с Россией, немцы будут смотреть на суда, как на военную добычу, в противном случае суда будут переданы Финляндской республике, дабы надолго обессилить Россию в Финском заливе. Во всяком случае немцы хотят покончить с русским флотом до начала навигации в Финском заливе, дабы иметь там полную свободу действий в могущих быть весной операциях. По слухам немцы высадили в Ганге около 40 тысяч войск и большое количество артиллерии»¹.

Конечно, «соглашение», которое максимально упростило эту задачу, весьма устраивало немецких интервентов. Как указывает в своих воспоминаниях член делегации бывший капитан 1 ранга П. В. Гельмерсен, немцы, после отбытия двух отпущенных с ультиматумом членов делегации, стали весьма любезны, предлагали оставшимся делегатам консервы «превосходнейшего качества», а затем даже пригласили Гельмерсена в кают-компанию флагманского корабля, «так как ведь все недоразумения с советским морским командованием выяснены, между обеими сторонами царит согласие...»²

Подписав «соглашение», имея в своих руках захваченными все (кроме «Ермака») мощные ледоколы, германские интервенты заранее ликовали, ибо вывод флота из Гельсингфорса, отрезанного от Кронштадта мощным двухсотмильным ледяным барьером, казался им совершенно невероятным. Действительно, история подобных случаев не знала. Самоуверенная прусская военщина не в состоянии была понять, на какие подвиги способны революционные русские моряки, вдохновляемые и руководимые Коммунистической партией.

Балтийские матросы оказались менее «покладистыми», чем члены делегации, посланной в Ганге. Они заставили германских оккупантов испытать жестокое разочарование, отправив в Кронштадт второй отряд сильнейших кораблей 5 апреля, то есть еще до прибытия отпущенных членов делегации, которые привезли «соглашение» в Гельсингфорс 7 апреля.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, лл. 87—88.

² П. В. Гельмерсен, Военно-политическая обстановка на Балтийском море в 1917—1918 гг. (по личным воспоминаниям и документам), рукопись. Центральный военно-морской музей, рукописный фонд, д. Р-288, лл. 59—60.

Заключенное в Ганге соглашение не только поставило находившиеся в Гельсингфорсе силы Балтийского флота в чрезвычайно трудное положение, но также весьма серьезно затруднило высшему командованию и Советскому правительству ведение дипломатической борьбы с германскими империалистами.

Еще 3 апреля, немедленно по получении от командования флотом сообщения о высадке немцев в Ганге, Коллегия Морского Комиссариата обратилась в Народный Комиссариат по иностранным делам с просьбой о срочном выяснении «...путем сношения с германским правительством вопроса о неприкосновенности наших военных и торговых судов, находящихся в Гельсингфорсе, а равно запасов и имущества флота в Свеаборгской крепости, сосредоточенных в этом городе, в случае занятия Гельсингфорса германскими войсками»¹.

В соответствии с этим Народный Комиссариат по иностранным делам на следующий день обратился со следующей телеграммой к германскому правительству:

«Согласно § 6 Брестского договора, суда военного и торгового флота, равно как и имущество и личный состав, находящийся в портах Финляндии, не подлежат захвату со стороны Германии. Между тем, германский флот нарушает этот пункт договора, занимая крепости и воды русских портов. Германский десант высадился в Рустаро² и обезоружил личный состав батарей. В Ганге прибыла флотилия и поставила нашу подводную лодку³ в необходимость взорваться. Дальнейшее продвижение германских судов к Гельсингфорсу может привести к последствиям, одинаково печальным для обеих сторон, подписавших мир в Бресте. Народный Комиссар по иностранным делам выражает уверенность, что германским морским командованием будет незамедлительно дано указание о согласовании своих действий с мирным договором. Комиссар по иностранным делам Чичерин»⁴.

На следующий день германское правительство, информированное о подписании «соглашения» в Ганге, которое значительно улучшало дипломатические позиции немцев,

¹ ШГАВМФ. ф. Р-418, 1918, д. 24690, л. 7.

² Так в документе; следует — Руссаре. — Н. К.

³ Так в документе; следует — наши подводные лодки. — Н. К.

⁴ «Морской сборник», 1918, № 9—10, стр. 194.

ответило новым ультиматумом, потребовав немедленного разоружения русского флота.

В телеграмме германского министерства иностранных дел говорилось: «В согласии с Финляндией, императорское германское правительство предлагает немедленно приступить к разоружению русских судов, находящихся в Балтийском море вне русских гаваней. Под предварительным разоружением подразумевается своз с судов всех орудийных замков и миных ударников.

Императорское германское правительство считает, что предварительное разоружение должно быть выполнено в течение одной недели, т. е. до 12 час. дня 12 апреля. Если к указанному сроку это не будет исполнено, то германское правительство, совместно с Финляндией, сохранит за собой право принять надлежащие меры. За министра иностранных дел фон-Буше»¹.

Советское правительство оказалось в весьма затруднительном положении. Необходимо было принять решение, которое оградило бы корабли, находившиеся в базах Финляндии, от посягательств германских империалистов и в то же время не дало повода германскому правительству для нарушения Брестского мира.

А в это время другие враги Советской России предпринимали одну за другой попытки серьезного ослабления Балтийского флота.

Первая такая попытка была предпринята английским правительством в Петрограде. 2 апреля здесь начал свою работу съезд моряков торгового флота Балтийского моря. Как сообщает в своих воспоминаниях участник съезда П. Г. Кононов, британское правительство «...в лице своего представителя мистера Стельпа 4-го апреля предложило съезду продать весь торговый флот, находящийся в Гельсингфорсе, Англии по высокой цене того времени, с возвратом после войны, если то будет нам угодно.

После неудачных попыток связаться с Москвой, где в то время находилось правительство, съезд поручил решить столь важный вопрос государственного значения старейшинам съезда. Старейшины съезда быстро приняли решение... Было принято решение не продавать

¹ «Морской сборник», 1918, № 9—10, стр. 195.

флот, хотя это лишило нас пятнадцати-двадцати миллионов рублей золотом»¹.

Отвергнув предложение английского правительства, съезд постановил немедленно послать в Гельсингфорс отряд моряков для спасения торгового флота, т. е. для срочного вывода судов в Кронштадт.

Нетрудно понять, в каком тяжелом положении оказалось бы Советское государство в условиях уже начавшейся на Севере и на Дальнем Востоке англо-американской и японской интервенции, если бы английским империалистам удалось добиться своей цели.

Вторая попытка использовать трудное положение, в котором оказался Балтийский флот в апреле 1918 г., была предпринята в эти дни в Гельсингфорсе представителями белофинского «правительства».

6 апреля к Щастному явилась делегация белофиннов в составе барона Индрениуса, директора лоцманского ведомства белой Финляндии и уже упоминавшегося ранее бывшего капитана 2 ранга Графа, которые заявили, что хотят купить эскадренные миноносцы типа «Новик», миноносцы, тральщики и минные заградители. Делегация сообщила при этом, что покупка производится для «правительства» белой Финляндии и что для ее осуществления организуется консорциум банков.

Вместо того, чтобы решительно отвергнуть предложение белофиннов, Щастный предложил делегации прислать для переговоров «полномочное представительство» белофинского «правительства»².

Сообщая об этом в Морской генеральный штаб, Щастный надеялся, что его решение, как и представленное им ранее решение Совета флагманов от 3 апреля о взрыве военных кораблей и от 4 апреля о продаже торговых судов «частной фирме», будет одобрено.

Однако начальник Морского генерального штаба Е. Беренс дал следующий ответ: «Относительно передачи торговых судов, — пока никому не передавайте, ибо по сведениям из Москвы вопрос только сегодня решится... Все это дело докладывается сегодня на окончательное решение Совнаркому и до выноса этого решения переда-

¹ Центральный военно-морской музей, рукописный фонд. П. Г. Колюнов, Ледовый поход, рукопись, лл. 5—6.

² ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, лл. 69—70.

вать никому не следует. Если все приготовлено на случай уничтожить корабли, то надо быть спокойным и отнюдь с этим не торопиться... Относительно предложения финляндцев продать им часть наших судов думаю, что передача или продажа нами судов Финляндии под тем или иным видом равносильна или передаче их немцам, или же содействию началу формирования финляндского флота. И то и другое нам невыгодно с военной точки зрения, и я в этом духе передам сегодня правительству, от которого, конечно, зависит окончательное и принципиальное решение этого дела»¹.

Сообщая в тот же день вышеизложенное Коллегии Морского Комиссариата, Беренс просил довести это до сведения Высшего Военного Совета².

6 апреля Совет Народных Комиссаров на заседании под председательством В. И. Ленина обсудил вопрос «О спасении торговых судов, принадлежащих Военному ведомству и находящихся в Финляндии (проект, предложенный тов. Чичериным)», и принял следующее решение:

а) Проект тов. Чичерина отклонить³.

в) Поручить Коллегии Морского Комиссариата от-
дать немедленно распоряжение начальнику морских сил Балтийского флота о выполнении условий, указанных в германском радио от 5-го апреля в соответствии с 5 и 6 пп. Брестского договора и о представлении к 11 апреля с. г. в Совет Народных Комиссаров копии акта о свозе с судов замков и ударников.

с) Вспомогательные военные суда, состоящие при флоте, не продавать частным русским фирмам и поручить начальнику морских русских сил Балтийского флота представить к 11 апреля сего года через Коллегию Морского Комиссариата в Совет Народных Комиссаров список этих судов, с указанием, с каких судов сняты замки. (Отправку радио поручить Морской Коллегии).

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»⁴.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, лл. 73—74.

² Там же.

³ Проект т. Чичерина в деле отсутствует.

⁴ Выписка из протокола № 90 заседания Совета Народных Комиссаров от 6 апреля 1918 г., ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 228—229.

В тот же день командованию Балтийского флота и начальнику Морского генерального штаба была направлена следующая директива:

«По докладу Коллегии Морского Комиссариата Совнарком постановил: вспомогательные транспортные суда, состоящие при Балтфлоте, не продавать частным русским фирмам и лицам. К 11 апреля представить Коллегии Морского Комиссариата для доклада Совнаркому список этих судов, с указанием, с каких именно судов этой категории и какие именно орудийные замки сняты. Во исполнение сего Коллегия Морского Комиссариата приказывает изложенное принять к руководству и исполнению. № 25, 6 апреля 1918 г. За Народного Комиссара по морским делам Вахрамеев»¹.

Разъясняя эту директиву командованию Балтийского флота, начальник Морского генерального штаба Беренс сообщал:

«В дополнение телеграммы Коллегии за № 25 могу сообщить те главные мотивы, по которым Совнарком решил этот вопрос. Если немцы захотят нарушить мирный договор, то они захватят эти суда, кому бы они ни принадлежали. С другой стороны, полученное от немцев радио² как бы указывает на то, что они будут считаться с мирным договором, а при этом условии эти суда, со снятыми замками на тех судах, где есть пушки, могут остаться в Финляндии; фиктивная же продажа в критический момент отдельным лицам и фирмам этих судов может подтолкнуть немцев, знающих о декрете об национализации, на их захват, или к их покупке. Сообщаю для сведения»³.

Вопрос о спасении торговых судов, по которому Совет Народных Комиссаров принял приведенное решение, был частью рассмотренного на том же заседании вопроса о спасении Балтийского флота в связи с создавшейся в Финляндии обстановкой и германским ультиматумом от 5 апреля. По этому вопросу Совет Народных Комиссаров принял соответствующее постановление, во исполнение которого Коллегия Морского Комиссариата

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-196, 1918, д. 2, л. 14.

² Имеется в виду радиограмма германского правительства от 5 апреля. — Н. К.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-196, 1918, д. 2, лл. 16—16 об., ф. Р-342, 1918, д. 86, лл. 35—36.

7 апреля в 7 ч. 30 м. утра направила командованию Балтийского флота и начальнику Морского генерального штаба директиву. В ней вначале приводился текст радиogramмы германского правительства от 5 апреля, а затем говорилось:

«Совнарком, ознакомившись с этой радиogramмой, постановил: «Коллегии Морского Комиссариата отдать немедленно распоряжение наморси¹ о выполнении тех условий, кои указаны в вышеприведенной германской радио от 5 апреля в соответствии со статьями 5 и 6 мирного договора. Об исполнении сего, а равно акт о съезде замков и минных ударников представить через Коллегию Морского Комиссариата. Совнарком».

Во исполнение сего, Коллегия Морского Комиссариата приказывает безотлагательно приступить к выполнению вышеуказанного с таким расчетом, чтобы к 11 апреля эта работа была окончена. Снимаемые части надлежит отправить в Кронштадт или Петроград по вашему усмотрению.

Возможный увод судов из Гельсингфорса в Кронштадт продолжать.

За Народного Комиссара по морским делам:
Вахрамеев»².

Таким образом, усложнившиеся условия проведения операции вынудили Советское правительство отдать распоряжение о разоружении флота в соответствии с условиями Брестского мира, но это мероприятие рассматривалось как крайняя мера и применить ее надлежало лишь в отношении кораблей, которые не смогут быть уведены из Финляндии до истечения срока германского ультиматума, т. е. до 12 апреля.

Принимая это решение, Советское правительство и его глава В. И. Ленин исходили из глубочайшей уверенности в том, что балтийские моряки приложат все силы, чтобы довести проводимую операцию до успешного завершения и тем самым спасти флот для Советской республики. В мудром ленинском решении, основанном на величайшем доверии к морякам Балтийского флота, к их революционной сознательности, решимости и энергии.

¹ Наморси — начальник морских сил Балтийского моря.— Н. К.

² ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, лл. 76—77; д. 86, лл. 38—39.

отразилась неразрывная и теснейшая связь Коммунистической партии и Советского правительства с революционными матросами Балтики, которые всегда были в первых рядах самоотверженных борцов за победу пролетарской революции, за победу и упрочение Советской власти.

Решение Советского правительства о доведении операции по перебазированию флота до победного конца было встречено балтийцами с огромным воодушевлением. С еще большей энергией и настойчивостью они продолжали подготовку кораблей к скорейшему переводу в Кронштадт, и уже 7 апреля из Гельсингфорса вышел первый эшелон третьего отряда. Но прежде чем перейти к описанию перехода третьего отряда, рассмотрим, как развивалась дипломатическая борьба, обеспечивавшая дальнейшее проведение операции.

С получением директив Коллегии Морского Комиссариата командование Балтийского флота, несомненно, в результате вмешательства Совкомбалта в действия Щастного, в тот же день обратилось по радио к оставшимся в качестве заложников членам делегации в Ганге с требованием добиться пересмотра подписанного Мейером «соглашения». При этом обращалось внимание на несоответствие пунктов 2, 5 и 6 «гангутского соглашения» со статьей 6 Брестского договора, предоставлявшей право перевести корабли в русские порты, и с радиogramмой германского правительства от 5 апреля, в которой ничего не говорилось по поводу приготовления кораблей для долговременного хранения под охраной немногочисленных команд¹.

Документами не установлено, что было предпринято оставшимися в Ганге делегатами для выполнения этого указания командования Балтийским флотом. Но если что-либо и было предпринято, то без успеха. Очевидно, Мейер отклонил предложение о пересмотре «соглашения», мотивировав это тем, что в Брестском договоре якобы отсутствует указание на право перевода кораблей из Финляндии в русские базы после очищения моря от льда. Что это было так, видно из телеграммы начальника Морского генерального штаба Беренса члену Высшего Военного Совета Альтфатеру от 8 апреля, в которой

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-418, 1918, д. 14, л. 28.

Беренс, ссылаясь на полученные от командования флотом телеграммы, просил «сейчас же выяснить с Берлином: 1) отчего пропущена в германском тексте (Брестского договора. — *Н. К.*) статьи шестой фраза «пока лед делает невозможным переход военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены лишь незначительные команды». Из-за этого пропуска, видимо, происходит противоречие между требованиями германского министерства иностранных дел и требованием, предъявленным к нашей делегации от Балтфлота. 2) Срочно выяснить вопрос о флаге...¹, чтобы из-за этого не произошло новых недоразумений, могущих лишь ухудшить наше положение и дать немцам повод выставить какие-нибудь новые требования, для нас невыгодные»².

На следующий день, 9 апреля, Альтфатер сообщал Беренсу: «Доношу, что Комиссариатом Иностранных Дел посланы германскому правительству следующие радио:

1) «Правительство Российской Республики считает, что военное и военно-морское имущество, предметы вооружения и запасы, принадлежащие России и находящиеся в настоящее время в Финляндии, подлежат эвакуации из последней в Россию: такое свое заключение правительство Российской Республики основывает на смысле ст. 6-й Брестского мирного договора... Правительство Российской Республики обращается к императорскому германскому правительству, в целях избежания возможных недоразумений, с предложением сообщить мнение императорского германского правительства о порядках и сроках (эвакуации. — *Н. К.*) указанного выше имущества, предметов вооружения и запасов».

2) «Из переговоров между представителями командования флотом Балтийского моря и начальником отряда особого назначения германского флота Мейерер выяснилось, что командование германским флотом считает, что в ст. 6-й Брестского мирного договора в 3-й ее части не имеется следующей фразы: «Пока лед делает невозможным перевод военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены лишь незначительные команды».

¹ Красный флаг, поднятый на кораблях Балтийского флота со времени февральской революции 1917 г., не был еще юридически оформлен в соответствии с нормами международного права. — *Н. К.*

² ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, л. 86.

Вследствие сего со стороны указанного германского Морского командования были сделаны предложения русскому военно-морскому командованию Балтийского моря, не соответствующие принятым, согласно Брестскому договору, взаимным обязательствам. Точно так же вышеуказанные переговоры выяснили несоответствие между некоторыми предложениями, сделанными германским военно-морским командованием в Ганге, и предложением, сделанным германским министерством иностранных дел в радиотелеграмме последнего на имя Народного Комиссара по иностранным делам от 5 апреля сего года. Сообщая изложенное, правительство Российской Республики обращается к императорскому германскому правительству с предложением выяснить военно-морскому командованию в Ганге неправильность сделанных им русскому военно-морскому командованию предложений, вследствие несоответствия их со статьей 6-й Брестского мирного договора и радиотелеграммой германского министерства иностранных дел от 5-го апреля сего года.

Вопрос о флаге передан Совнаркомом на срочное решение Центрального Исполнительного Комитета и Комиссариата Иностранных Дел»¹.

Таким образом, из-за грубых ошибок, допущенных делегацией в Ганге, Советскому правительству приходилось предпринимать меры к тому, чтобы ликвидировать тяжелые последствия, вытекавшие из послушно принятого делегацией ультиматума Мейрера.

В тот же день, 9 апреля, Беренс обратился к члену Высшего Военного Совета Альтфатеру с просьбой доложить Советскому правительству о необходимости потребовать от германского правительства гарантии безопасности перехода кораблей в Кронштадт, так как трудности ледовой обстановки могут привести к тому, что не все корабли к указанному немцами сроку (12 апреля) успеют выйти из территориальных вод Финляндии.

На следующий день Народным Комиссариатом по иностранным делам была направлена германскому правительству следующая радиограмма:

«Согласно ст. 5-й Брестского мирного договора, русские военные суда должны быть переведены в русские

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 86, лл. 42, 50.

гавани. Во исполнение этого обязательства, а равно и принимая во внимание сложившуюся ныне в Финляндии обстановку, правительство Российской Республики отдало распоряжение о немедленном переводе русских военных судов из Гельсингфорса в Кронштадт, насколько это будет возможным по состоянию ледяного покрова. Имея в виду, что по состоянию льда малые суда должны будут продвигаться очень медленно, продолжительность этого перехода потребует более или менее значительного промежутка времени, в течение которого суда эти будут находиться в пределах территориальных вод Финляндии. Так как суда эти имеют определенное назначение следовать в Кронштадт, являющийся ближайшим русским портом, то во время этого перехода является необходимым, чтобы со стороны германских военно-морских сил, находящихся в Финском заливе, не были бы произведены действия, препятствующие этому переходу русских судов. Сообщая изложенное, правительство Российской Республики просит императорское германское правительство о преподании соответствующих указаний германскому военно-морскому командованию в Балтийском море»¹.

Это представление Советского правительства германскому правительству имело большое значение для обеспечения безопасности перехода в Кронштадт малых военных кораблей и транспортных судов, так как оно предупредило возможные агрессивные действия немецкого флота в Финском заливе.

В то время, когда велись переговоры в Ганге, немецкие самолеты и агенты разбрасывали в Гельсингфорсе листовки такого содержания: «Оккупация Гельсингфорса германскими войсками предостит в кратчайшем времени. Капитуляция неизбежна. Многие жертвы могут быть не принесены и участь гарнизона может быть много улучшенной, если суда, как военные, так и коммерческие, останутся целы. Командующий германским флотом в Финском заливе оставит на свободе и даст награду судовому составу каждого судна, которое останется неповрежденным. Единичные действия по приведению в негодность своего судна подвергнутся строжайшему взыска-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, л. 182.

нию. Германский флот находится уже вблизи Гельсингфорса»¹.

Так германское командование пыталось запугать балтийских моряков и предупредить возможное уничтожение кораблей, которые немцы хотели захватить в исправном виде.

Вместо того, чтобы разъяснить личному составу флота истинный смысл провокационных листовок и призвать к усилению бдительности и к проведению всех мероприятий по выводу кораблей, Щастный 5 апреля издал объявление, якобы «для успокоения личного состава», в котором от имени командования флотом сообщалось, «что воззвание является анонимным... и распространяется нелегальным подпольным способом, на который германскому командованию нет оснований идти», и заявлялось, что «командование флотом Российской Республики считает распространение воззвания недостойным желанием неизвестных злонамеренных лиц нарушить состояние мира между Россией и Германией»².

Не рискуя стать на путь открытого нарушения Брестского мира и оказать открытое вооруженное противодействие переходу кораблей, германское командование использовало для этой цели белофиннов, которые при благосклонном невмешательстве немцев обстреливали русские корабли из береговых батарей, а захваченные немцами и белофиннами русские ледоколы держали близ трассы перехода русского флота, надеясь при удобном случае захватить тот или иной отставший или потерявший способность двигаться корабль. Однако ни немцам, ни белофиннам так и не удалось осуществить своих намерений. Бдительность советских моряков и мероприятия по обеспечению перехода сорвали их замыслы.

Мерами дипломатического воздействия германское правительство было поставлено перед необходимостью выполнять условия Брестского договора, относящиеся к флоту, или идти на прямое их нарушение вопреки взятым на себя обязательствам. Германское правительство не рискнуло пойти по пути явного нарушения мирного договора и в дальнейшем не настаивало официально на

¹ Центральный военно-морской музей, рукописный фонд, П. Г. Кононов, Ледовый поход, рукопись, стр. 17.

² ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, л. 71.

Группа участников «Ледового похода»

точном соблюдении предъявленных Мейерером в Ганге требований. Это было несомненным и важным успехом советской и столь же явным и серьезным поражением германской дипломатии.

Высадка немецких интервентов в Ганге, создавшая угрозу захвата значительной части Балтийского флота, требовала ускорения перевода кораблей в Кронштадт. Принятые Советом Народных Комиссаров решения и отданные во исполнение этих решений директивы высшего командования ставили перед моряками Балтийского флота задачу — перевести возможно большее количество кораблей и ценного имущества в Кронштадт до прибытия в Гельсингфорс немецких войск, а в отношении кораблей, состояние которых не позволяет совершить переход, — приступить к разоружению в соответствии с условиями Брестского договора.

Активные участники Великой Октябрьской социалистической революции, балтийские матросы ясно сознавали, что борьба с внешними и внутренними врагами Советской власти еще не окончена, что предстоит еще дли-

тельная и упорная борьба с силами империалистической реакции и внутренней контрреволюции, для успешного завершения которой Советской республике нужен флот.

На собраниях и митингах личного состава, посвященных обсуждению положения, создавшегося в связи с вторжением германских интервентов в Финляндию, команды принимали единодушное решение — приложить все силы к скорейшему выводу кораблей из Гельсингфорса. Так, личный состав 1-го дивизиона подводных лодок принял 5 апреля решение:

«Сего числа, ввиду высадки германских войск в Ганге и движения их к Гельсингфорсу, состоялось общее собрание 1-го дивизиона, на котором было решено уйти всем дивизионом из Гельсингфорса в Кронштадт, для чего немедленно начать приготовление к походу: опробовать механизмы, зарядить батареи и принять провизию»¹. Подобные решения принимались и на других кораблях.

Совкомбалт, комиссары и коммунисты вели непрерывную работу среди личного состава, организуя и направляя его усилия на подготовку кораблей к предстоящему походу. Уже 7 апреля, в день получения директивы Коллегии Морского Комиссариата — «возможный увод судов из Гельсингфорса в Кронштадт продолжать» — из Гельсингфорса вышел первый эшелон третьего отряда кораблей.

Мероприятия партийно-политического обеспечения проводимой операции, игравшие огромную роль на всем ее протяжении, приобретали особенно важное значение на данном ее этапе, который был самым сложным и трудным, самым сжатым по срокам и характеризовался резким усилением классовой борьбы, выражавшейся в активном противодействии контрреволюционных элементов выводу флота из Финляндии.

Высадившиеся в Ганге немецкие войска, преодолевая упорное сопротивление финских красногвардейцев, продвигались к Гельсингфорсу. Положение с каждым часом усложнялось. От моряков требовались нечеловеческие усилия, чтобы вывести корабли из Гельсингфорса до прибытия туда немецких войск. Балтийцы трудились день и ночь — собирали механизмы, грузили топливо, продовольствие, готовили аварийно-спасательные средства. В ре-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918, д. 823, л. 48.

зультате героических усилий команд уже через два дня после высадки немцев многие корабли были готовы к выходу в море.

После провала попыток Щастного и его сообщников уничтожить корабли путем взрыва и передать торговый флот в руки частных лиц или фирм враги направили свои усилия на то, чтобы задержать корабли в Гельсингфорсе до занятия его немецкими войсками.

Так, в частности, решил поступить Щастный с подводными лодками. Когда лодки были подготовлены к выходу в море, он 6 апреля сообщил начальнику Морского генерального штаба следующее: «Сегодня снабжаю месячным запасом семь больших подлодок и посылаю их в лед. Пусть вмерзнут и постепенно подвигаются к Кронштадту. Через три недели, полагаю, лед разойдется, и лодки подойдут к Кронштадту»¹.

Зная о том, что в Финском заливе находится сильная германская эскадра, Щастный хотел послать подводные лодки прямо в руки немецких интервентов. Но эта преступная затея была отвергнута. На следующий день в составе третьего отряда подводные лодки вышли в Кронштадт².

Благодаря вмешательству судового комитета был отменен вредительский приказ штаба о подготовке к взрыву яхты «Полярная звезда» под предлогом невозможности отремонтировать ее. Усилиями команды яхта была отремонтирована и благополучно дошла до Кронштадта³.

С целью срыва операции Щастный и его сообщники организовали массовый саботаж офицерского состава. Контрреволюционно настроенные офицеры вели подрывную работу среди команд кораблей, стремясь внушить матросам мысль о невозможности перехода во льдах, всячески поощряли дезертирство, срывали ремонт механизмов и т. д. Дезертирство офицеров, начавшееся уже перед уходом кораблей из Ревеля, после высадки немцев в Финляндию еще более возросло. Предатели рассчитывали, что команды, лишившись специалистов, не смогут уйти в Кронштадт и корабли достанутся немцам.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, л. 72.

² ЦГАВМФ, ф. Р-9, оп. 1, 1918, д. 376, л. 36.

³ ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. рукоп., т. II, папка 3, д. 19, лл. 3—5.

Уходя под всевозможными предлогами с кораблей, командиры и офицеры, как правило, забирали с собой казенные деньги и ценное имущество.

Так, командир эскадренного миноносца «Самсон» Иванов перед уходом кораблей скрылся, похитив почти все корабельные деньги и 5500 рублей, взятые под расписку у командира эскадренного миноносца «Азард».

Ревизор «Азарда» мичман Державин ушел с корабля накануне его выхода из Гельсингфорса, присвоив 2215 рублей казенных денег¹.

Капитан 2 ранга Ракинт, командир эскадренного миноносца «Страшный», самовольно оставив миноносец, похитил из судовой кассы около 17 000 рублей.

Под предлогом болезни покинули корабли лейтенант Штернберг, инженер-механик Реклайтис, лейтенант Антонович (эскадренный миноносец «Самсон»). Мичманы Мартынов и Виноградов (эскадренный миноносец «Капитан Изыльметьев») ушли, заявив о своем нежелании служить. Лейтенант Моисеев (эскадренный миноносец «Финн») свой уход с корабля объяснял страхом перед опасностями похода. Капитан 2 ранга Михайлов, командир эскадренного миноносца «Финн», подал в отставку за день до ухода корабля, мотивируя свой уход болезнью жены². Командир эскадренного миноносца «Сторожевой» лейтенант Тошаков объяснял свой уход с корабля тем, что корабли якобы не смогут дойти до Кронштадта³. По далеко не полным данным перед уходом третьего отряда из Гельсингфорса самовольно покинули корабли 17 офицеров, подали в отставку перед уходом из Гельсингфорса 8 офицеров, «не проявили должной энергии к выводу своих кораблей, следствием чего явилось оставление их в Гельсингфорсе», 10 офицеров⁴.

Однако не все офицеры были изменниками и предателями.

Среди них были люди, преданные Родине и честно служившие Советской власти.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-96, д. 6, лл. 5—5 об.

² ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, лл. 405—406.

³ Там же, л. 206.

⁴ ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918, д. 58, лл. 37—37 об.

Именно об этой части офицерского состава И. В. Сталин в 1919 году говорил:

«...Отрадно, что язва части русского офицерства — её продажность — менее всего задела командный состав флота: нашлись всё же люди, которые, к чести своей, достоинство и независимость России ценят выше, чем английское золото»¹. Эта часть офицерского состава обеспечивала управление кораблями на походе, сражалась против интервентов на Балтийском, Черном и Каспийском морях, а после войны принимала активное участие в строительстве советских Военно-морских сил. Многие офицеры, принимавшие участие в «Ледовом походе», стали впоследствии видными деятелями Советского Военно-Морского Флота: адмирал флота профессор И. С. Исаков, вице-адмиралы Ю. Ф. Ралль, Г. А. Степанов, С. П. Ставицкий, инженер-вице-адмирал И. Я. Стеценко, контр-адмиралы Н. Б. Павлович, А. А. Томашевич, Е. И. Салмин, В. И. Иванов, Е. Е. Шведе, заслуженный врач РСФСР полковник медицинской службы Л. Е. Гилянов и многие другие.

Чрезвычайно затруднял переход третьего отряда в Кронштадт большой некомплект личного состава на кораблях. К апрелю 1918 года с кораблей ушли демобилизованные моряки старших возрастов. Много матросов сражалось в частях Красной Армии и в партизанских отрядах на фронтах гражданской войны на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии, Закавказье, в Сибири. Немало матросов было выдвинуто на руководящую работу в центральные и местные партийные и советские органы. Меньшая, наименее сознательная часть личного состава ушла с флота и разошлась по домам.

В результате всего этого к началу похода третьего отряда недостаток в людях чувствовался особенно остро. Так, на эскадренном миноносце «Финн» вместо 7 офицеров и 92 человек команды по штату — было 3 офицера и 23 матроса. На эскадренном миноносце «Самсон» было 60 матросов при штате в 150 человек. На эскадренном миноносце «Эмир Бухарский» из 7 офицеров остался только один, а из 92 матросов — 32. При той же штатной численности на эскадренном миноносце «Амурец» было

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 269—270.

5 офицеров и 8 матросов, а на «Забайкальце» — 4 офицера и 8 матросов¹.

В ряде случаев для пополнения командного состава приходилось прибегать к прямому принуждению. Бывший командир дивизиона эскадренных миноносцев Н. Н. Несвицкий, впоследствии контр-адмирал Советского Военно-Морского Флота, в своих воспоминаниях пишет: «Без минимального числа командиров идти нельзя было. Вместе с представителями судового комитета мы снарядили конвой из матросов и привели на корабли пять «господ офицеров». Они были назначены на командные посты, причем назначение это сопровождалось предупреждением:

— Не вздумайте что-либо сотворить, за вами все время будет смотреть зоркий и внимательный глаз.

Нечего и говорить, что такие, с позволения сказать, командиры еще больше затрудняли условия ледового похода»².

Командир эскадренного миноносца «Боевой» в своем рапорте сообщает, что выход 7-го дивизиона эскадренных миноносцев едва не был сорван вследствие того, что командир портового ледокола «Черноморский № 3», назначенного сопровождать дивизион, сбежал с частью команды. Несмотря на то, что машины и котлы ледокола были неисправны, команда быстро произвела необходимый ремонт, и «Черноморский № 3» обеспечил проводку дивизиона, причем работа его отмечалась как «блестящая и в высшей степени полезная»³.

Но оставшиеся на кораблях матросы были сильны духом, обладали высокой революционной сознательностью. Лучшие из них были коммунистами.

Участник перехода третьего отряда инженер-вице-адмирал И. Я. Стеценко в своих воспоминаниях рассказывает, что на миноносце «Лихой», на котором он служил, из 65 матросов осталось только 16, в том числе четыре кочегара, два машиниста, один рулевой, а из офицеров, кроме него, были только минный офицер, врач и лекарский помощник. «Командир корабля, — рассказывает И. Я. Стеценко, — лейтенант барон Вреде сбежал. Мне

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, л. 405.

² «Ленинградская правда», 1938 г., № 84.

³ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, лл. 180—181.

пришлось остаться за командира и при помощи оставшейся команды привести миноносец в порядок. В несколько дней были произведены сборки и проверка механизмов. Предстояла погрузка угля. К ней мы приступили пятого апреля, и через 24 часа угольные ямы моего судна приняли 80 тонн угля. Грузили так: сами подкатывали вагоны к стенке, у которой стояли корабли, и выгружали и откатывали обратно. Грузили все, не разбирая ни чинов, ни рангов»¹.

Ввиду опасности ледового плавания для малых кораблей с их слабыми корпусами особое внимание было обращено на подготовку аварийно-спасательных средств. Тщательно проверялась и приводилась в порядок трюмно-пожарная система, уточнялось аварийное расписание, заготавливались пластыри, деревянные брусья, щиты и другой аварийный материал. То обстоятельство, что ни один корабль не погиб на переходе, несмотря на значительное количество серьезных повреждений (на ряде миноносцев была затоплена часть отсеков), объясняется прежде всего хорошим аварийно-спасательным обеспечением перехода.

Переход третьего отряда был организован шестью эшелонами, которые отправлялись в море по мере готовности кораблей.

Навигационно-гидрографическое обеспечение перехода достигалось прежде всего правильным выбором фарватеров для кораблей различных классов. Для малых кораблей, составлявших большую часть третьего отряда, был избран так называемый стратегический фарватер, проходивший по опушке шхер.

Целесообразность перехода малых кораблей этим фарватером определялась тем, что на нем в апреле сохранялся еще неподвижный лед, в то время как в средней части залива началось уже движение льдов, представляющих большую опасность для подводных лодок, миноносцев и тралыщиков.

Однако переход стратегическим фарватером был связан с преодолением значительных трудностей, определявшихся специфическими особенностями шхерного района. Он изобиловал большим количеством подводных камней

¹ Ледовый поход. Из воспоминаний инженер-флагмана 3 ранга И. Я. Стеценко, «Рабочий Кронштадт», 18 апреля 1937 г.

и банок разнообразной величины, причем навигационные ограждения во многих местах были разрушены финскими белогвардейцами. Кроме того, переход стратегическим фарватером значительно удлинял путь кораблей.

Крупные корабли с большой осадкой и более прочным корпусом должны были следовать по фарватеру в средней части залива с расчетом использования канала, проложенного во льдах кораблями второго отряда.

Ввиду недостатка на многих кораблях топлива и продовольствия была запланирована доставка угля в район Бьерке, а также высылка на ледоколах топлива и продовольствия навстречу шедшим кораблям.

Выход кораблей третьего отряда начался 7 апреля и продолжался до 11 апреля.

7 апреля из Гельсингфорса вышел первый эшелон в составе подводных лодок: «Волк», «Вепрь», «Пантера», «Рысь», «Ягуар», «Ерш», «Леопард» и «Змея», сопровождаемых сторожевыми судами ледокольного типа «Руслан» и «Ястреб».

9 апреля вышел второй эшелон. В составе его были подводные лодки «Кугуар» и «Угорь», шедшие на буксире транспортов «Тосно» и «Иже». За ними следовали эскадренные миноносцы «Ловкий», «Молодецкий», «Лихой», «Искусный», «Дельный» и «Достойный» с частью транспортов и других кораблей. Эшелон сопровождали портовые ледоколы «Аванс» и «Колывань».

10 апреля ушли основные подразделения минной дивизии и дивизии сторожевых кораблей с приданными транспортами, составлявшие три эшелона, в которые входили 30 эскадренных миноносцев, 9 тральщиков, 5 сторожевых кораблей, 2 заградителя, 28 транспортов, 13 буксиров и другие корабли. Кроме того, в этот же день отдельной группой вышли 9 тральщиков, 5 сторожевых кораблей, 2 заградителя, 28 транспортов, 13 буксиров и другие корабли. В этот же день отдельной группой вышли 9 тральщиков, 2 заградителя, 3 сторожевых корабля, 2 вспомогательных и несколько других кораблей¹.

11 апреля отдельными группами вышли около сорока кораблей последнего, шестого эшелона. Глубокосидящие корабли — учебный корабль «Петр Великий» и транспорт «Анадырь» в сопровождении ледокола «Трувор» отпра-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, лл. 160—161.

Торосы в Финском заливе

вились в Кронштадт по фарватеру в средней части залива. Когда последние корабли покидали гавань, на ближних подступах к Гельсингфорсу уже шли бои финской Красной гвардии с наступающими войсками германских интервентов, а внутри города начались выступления белофинских контрреволюционных подпольных отрядов. Финские красногвардейцы, сдерживая натиск немцев и маннергеймовцев, сражались на окраинах города, прикрывая отход советских кораблей.

Участник «Ледового похода» писатель Леонид Соболев рассказывает: «Мы стояли в Южной гавани... Утром в городе затрещали выстрелы финских белогвардейцев. Возле миноносцев высился портовый кран. На верхней его площадке простым глазом, без бинокля, были видны пять фигур финнов-рабочих с красными повязками на рукавах, среди них одна женщина. Они прильнули к решетчатым фермам крана, сжимая в руках револьверы. На Торгет-плац появились перебегающие фигуры с винтовками. Они стреляли по окнам, по подвалам, оттесняя в переулки рабочие отряды финских красногвардейцев. Тогда с крана началась редкая, но точная стрельба. Невольные свидетели, скованные условиями мирного договора, мы лишь смотрели, как на Торгет-плац падали

одна за другой одетые в добротные штатские пальто фигуры с белыми повязками. Наступавшие стали прятаться от этого точного огня за фонтаном посреди торговой площади. Потом откуда-то появился пулемет и застрекотал по крану. Он стучал долго, видимо, патронов жалеть не приходилось, и лишь когда на кране прекратилось всякое шевеление, туда поднялись трое с белыми повязками. Они сбросили с крана тела убитых красногвардейцев и последним — раненого».

Сломив героическое сопротивление красногвардейцев, германские интервенты и белофинны захватили город и порт, но к этому времени все корабли третьего отряда были уже в море.

Всего в составе шести эшелонов вышло из Гельсингфорса 167 кораблей. В Гельсингфорсе осталось 38 кораблей под военным флагом, 10 под флагом Красного Креста и 38 под коммерческим флагом¹.

Таким образом, несмотря на исключительно тяжелую обстановку, сложившуюся к моменту выхода третьего отряда, большевикам удалось перебазировать основную массу кораблей Балтийского флота.

Большую помощь балтийцам в спасении вспомогательных кораблей и транспортных судов оказали моряки торгового флота.

Как указывалось выше, 1-й съезд моряков торгового флота, происходивший в начале апреля в Петрограде, отвергнув предложение представителя английского правительства о продаже Англии всех вспомогательных военных и торговых кораблей, постановил принять немедленные меры к спасению флота, находившегося в Гельсингфорсе. Для руководства специально созданными отрядами, в которые входили торговые моряки и петроградские рабочие, всего 350 человек, была создана комиссия («пятерка») во главе с уполномоченным съездом и отделом торгового мореплавания ВСНХ П. Г. Кононовым.

Прибывшие в Гельсингфорс отряды торговых моряков натолкнулись на ожесточенное сопротивление Щастного и его сообщников. Щастный отказался признать полномочия П. Г. Кононова на эвакуацию вспомогательных и торговых кораблей и даже пытался арестовать «пятерку». Однако в действия Щастного вмешался Сов-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-418, 1918, д. 23384, л. 155.

комбалт, ввел Кононова в число своих членов и оказал торговым морякам всяческую поддержку.

Но враги не унимались. Как рассказывает И. Яковлев, участник описываемых событий, команды торговых судов отнеслись к призыву «пятерки» о спасении кораблей с подъемом, и только на четырех пароходах — «Жулан», «Русь», «Лахта» и «Паллада» — команды колебались. Пароходом «Жулан» командовал капитан дальнего плавания Барковский, акционер и ярый защитник интересов сбежавших за границу судовладельцев. Барковский и его подручный штурман Шенкер призывали моряков «... не слушать «обезумевших» большевиков, не «губить» флот, а выждать весны и тогда идти в Петроград, поскольку флаг Красного Креста и мирный договор, заключенный с немцами, являются якобы гарантией сохранения кораблей. Задержать флот в Гельсингфорсе до прихода немцев, когда судовладельцы получат возможность предъявить права на суда, — таков был маневр Барковского и компании»¹.

«Грустную картину, — пишет И. Яковлев, — представлял торговый флот в то время. Очевидно, по заранее намеченному плану на большинстве судов не пополнялся запас топлива, были разобраны машины, израсходован неприкосновенный запас продовольствия, не выплачивалась зарплата, часть команды была отпущена. Каждое судно требовало упорной работы для приведения в готовность к походу»².

В результате самоотверженного труда команд и прибывших из Петрограда отрядов моряков большинство транспортов было выведено из Гельсингфорса вместе с военными кораблями.

В последние дни перед уходом флота из Гельсингфорса положение финской Красной гвардии ухудшилось.

6 апреля немцы и белофинны после упорных боев захватили Таммерфорс. Германские интервенты и белофинны учинили кровавую расправу над пленными красногвардейцами. По сообщению финских газет, все взятые в плен русские, а также все ротные командиры Красной гвардии были расстреляны. Из красногвардейцев был

¹ «Морской сборник», 1935, № 4, стр. 107.

² Там же.

расстрелян каждый пятнадцатый. Все раненые были перерезаны¹.

7 апреля отряд германских кораблей высадил близ Ловизы 3-тысячный отряд под командованием полковника фон Бранденштейна, который, соединившись с белофинскими отрядами, повел наступление на север в направлении Лахти. Захватив 9 апреля эту узловую железнодорожную станцию, немцы перерезали железную дорогу Гельсингфорс — Выборг.

Немцы и белофинны настойчиво рвались к Гельсингфорсу, желая захватить город до того, как успеет уйти флот. Узнав, что флот все же уходит, германское командование, вопреки установленному германским правительством сроку, решило ускорить занятие Гельсингфорса. С кораблей германской эскадры 11 апреля была передана радиограмма: «Германское командование вынуждено занять Гельсингфорс для защиты интересов Финляндии сегодня, а не 12 апреля, в 12 часов дня. Все суда и вооруженные пункты просят поднять бело-красные флаги». Однако, когда германская эскадра подошла к Гельсингфорсу, немцы увидели на горизонте лишь дымы ушедших русских кораблей.

Переход третьего отряда кораблей был связан с еще большими трудностями, чем переход первых двух отрядов.

Вышедшие 7 апреля подводные лодки, сопровождаемые сторожевыми судами «Руслан» и «Ястреб», вскоре оказались в сплошном ровном льду, достигавшем 60 см толщины. Такой лед был непреодолим для сторожевых судов. Тогда моряки применили метод спаривания ледоколов, который ранее осуществил «Ермак». К корме «Ястреба» был ошвартован «Руслан». Работая машинами на полный ход, «Ястреб», толкаемый в корму «Русланом», успешно пробивал лед. В кильватер сторожевым судам шли подводные лодки.

Вскоре условия перехода ухудшились. Южный ветер вызвал передвижку льда, образовались торосы в несколько метров высотой. Подводные лодки стало сжимать льдами. Особенно трудным было положение 13 и 14 апреля, когда первый эшелон преодолевал торосы к северу от острова Кивикари.

¹ ЦГАКА, ф. 25888, оп. 5, л. 126, л. 52 об.

Ледокол „Ермак“ [проводит во льдах группу транспортов

Бывший командир посыльного судна «Кречет» В. Янкович так описывает создавшуюся обстановку: «Сжимаемый ветром лед влезал на затертые подводные лодки, над поверхностью льда виднелись лишь надстройки, а проводившие их до этого «Ястреб», «Руслан» и «Азимут» сидели сами на торосах, требуя помощи. Положение было настолько серьезно, что команды сдавливаемых лодок вышли на лед.

Освободив из торосов «Ястреба», «Руслана» и «Азимут», «Кречет» начал спасение подводных лодок. После усиленной работы он пробивался вплотную к лодкам, раздробляя лед вокруг них, подавал буксир и вытаскивал их из опасного положения, выводя до места, откуда они могли следовать дальше со своими конвоями»¹.

15 апреля первый эшелон дошел до Бьерке, где были пополнены запасы угля. На следующий день подводные

¹ «Красный флот», 30 марта 1938 г.

лодки и сопровождавшие их корабли прибыли в Кронштадт. 18 апреля все подводные лодки были в Кронштадте. Некоторые из них получили значительные повреждения, но ни одна не была потеряна.

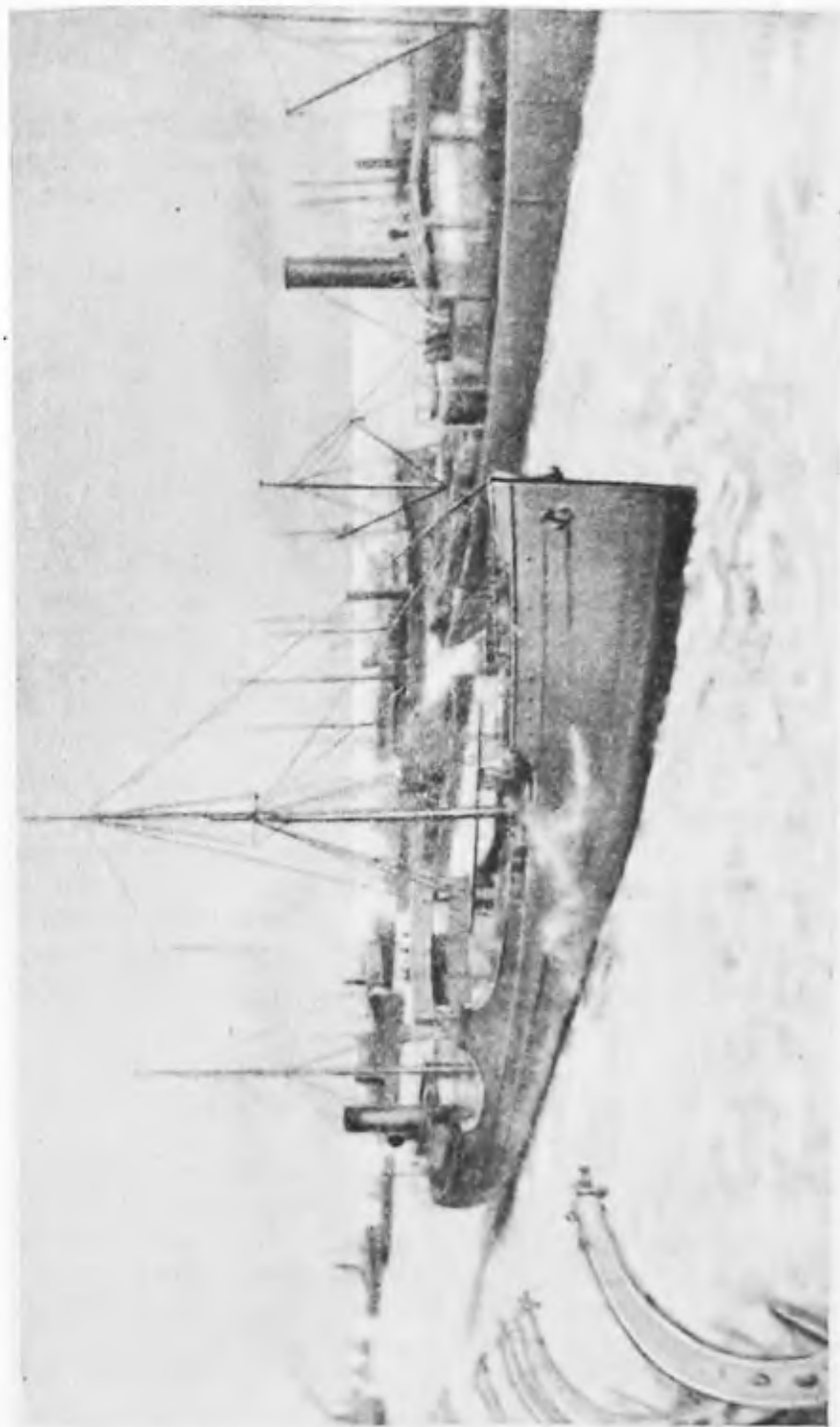
Не меньшие трудности испытали на переходе миноносцы, шедшие в составе второго и следующих эшелонов. В первый день корабли, вышедшие из Гельсингфорса 10 апреля, прошли десять миль и остановились на ночь у острова Фагере. 11 апреля, как сообщал участник перехода, «шли довольно свободно, временами задерживаясь из-за остановки впереди идущих судов... Транспорты вносили беспорядок, пытаясь обогнать друг друга, врезуясь в сплошной лед, и замедляли, таким образом, движение идущих сзади судов»¹.

Подобные нарушения порядка движения транспортами, не имевшими достаточного опыта эскадренного плавания, происходили в течение всего перехода, что, несомненно, несколько замедляло движение. Однако не следует, как это делают некоторые авторы, преувеличивать значение этого обстоятельства. Совместное плавание разнородных кораблей вообще является делом сложным. Когда, например, англичане вынуждены были в 1916 году из-за подводной опасности вводить систему конвоев, английское адмиралтейство долго не решалось на эту меру, не веря в способность капитанов торговых судов держать в море строй. Перед выходом в море транспортные суда, входившие в конвой, проходили специальную тренировку, и требовалось немало времени для того, чтобы они приобрели навыки плавания в составе конвоя. Об этом же говорит и опыт второй мировой войны, давший много примеров нарушения английскими и американскими судами правил совместного плавания при проводке конвоев.

Путь по шхерному фарватеру в нескольких местах был загроможден торосами и ледяными заторами, особенно у Тамио, Мерен-Кари, Гоуэр, Видшер и Рондо. Это приводило к длительным стоянкам, скоплениям кораблей.

Неоднократно вблизи трассы перехода появлялись захваченные немцами ледоколы «Сампо», «Тармо» и «Вольнец». Поэтому для охраны хвоста колонны от возмож-

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, лл. 161—162.

Транспорты на переходе из Гельсингфорса в Кронштадт

ных нападений был выделен эскадренный миноносец «Лейтенант Ильин», оставленный у мигалки Альвати-нием.

13 апреля к кораблям третьего отряда подошли ледоколы «Ермак», «Силач» и «Город Ревель», которые приступили к проводке кораблей в местах наибольшего скопления торосов и ледяных заторов.

Ледоколу «Ермак», работавшему непрерывно уже вторую неделю, и малым ледоколам приходилось не только взламывать лед, но и протаскивать через торосы миноносцы и транспорты, отчего у них гнулись форштевни и ломались винты.

Особенно усложнились условия перехода с 15 апреля, когда началось движение льда. Движущийся лед представлял еще большую угрозу для кораблей, чем торосы.

Эскадренный миноносец «Боевой» был сжат льдами у Стирсуддена настолько, что чуть было не погиб. У эскадренного миноносца «Сибирский стрелок» из-за сдвига валов заливало водой машинное отделение, у эскадренного миноносца «Меткий» после удара кормой о лед заполнило водой кормовое отделение.

Эскадренный миноносец «Инженер-механик Дмитриев» получил течь в носовом помещении около минного погреба, так как вследствие удара о льдину нос корабля был завернут. «Всю ночь, — доносил командир, — команда выкачивала воду ведрами из минного погреба, чтобы заделать щели в дверях, откуда все текла вода. К утру щели заделали, пришлось для облегчения носа сбросить два якоря»¹.

Сутками, без сна и отдыха, самоотверженно трудилась команда кораблей, преодолевая невероятные трудности.

«Бесконечное число раз, — пишет в своих воспоминаниях П. Г. Кононов, — рвались буксиры (буксирами являлись просто швартовые концы), команда, бывшая почти в половинном составе, бесконечное количество раз выбирала обледенелые стальные буксиры, сращивала их и снова повторялось то же днем и ночью»².

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, л. 203.

² Центральный военно-морской музей, рукописный фонд. П. Г. Кононов, Ледовый поход, рукопись, стр. 20.

Фарватер, проложенный во льдах посыльным судном „Кречет“

«Перед концом перехода, — рассказывает другой участник, — иссяк запас продовольствия. Но это не так беспокоило нас, как то, что на многих кораблях был на исходе уголь. Мы — люди, пойдем, выдержим. А чем заполнить жадные пасти котлов, чтобы дать пар машинам? Жили в жутком холоде, отказавшись от отолления. Ломали столы, стулья, сдирали обшивку кают, все, что может гореть — в топку. Пар — жизнь, пар — спасение флота. И пар был»¹.

Об исключительных трудностях перехода третьего отряда свидетельствуют полученные кораблями повреждения. Как видно из прилагаемого «Списка аварий и повреждений, полученных кораблями при переходе из Гельсингфорса в Кронштадт», значительные повреждения получили 21 эскадренный миноносец, все подводные лодки, сторожевые и посыльные корабли и многие транспорты. У 12 миноносцев были свернуты и повреждены фор-

¹ Г. Краснов, Ледовый поход. «Товсь» (краснофлотская газета), № 25, 15 марта 1944 г.

штевни. На всех мюнносцах была обнаружена течь в носовых и кормовых отсеках, образовавшаяся от ударов о лед. У многих были повреждены винты, а «Искусный» потерял левый винт и обломал наполовину лопасти правого винта. Все подводные лодки имели повреждения в носовых цистернах, горизонтальных рулях, винтах и крышках торпедных аппаратов. На ряде транспортов были сломаны и утрачены винты¹.

16 апреля первые корабли начали прибывать в Кропштадт, к 22 апреля весь отряд закончил переход. Так завершился исторический «Ледовый поход». Боевой приказ Советского правительства, приказ Ленина был выполнен.

После ухода главных сил флота из Гельсингфорса все оставшиеся там корабли были сведены в отряд.

12 апреля германские войска и белофинны, сломив героическое сопротивление финских красногвардейцев, ворвались в Гельсингфорс. После упорных боев в конце апреля интервентами и белофиннами был взят Выборг. Часть сил финской Красной гвардии и Совет народных уполномоченных перешли на территорию Советской России.

Этим закончилась гражданская война в Финляндии. Начался белый террор. Тысячи сдавшихся в плен красногвардейцев были расстреляны. При истреблении финского и русского населения, например в Свеаборге, были пущены в ход пулеметы и гранаты. В Свеаборге много пленных красногвардейцев потопили в море. Зверство палачей дошло до того, что они сжигали людей живыми. В Гельсингфорсе они захватили Абосские казармы, в которых находилось много красногвардейцев, женщины, стариков и детей, и, никого не выпуская, подожгли их. Опьяненные кровавой победой, немцы и белофинны не разбирали ни пола, ни возраста казнимых. Например, в Выборге шюцкоровцы расстреляли малолетних русских учеников реального училища.

Точную цифру жертв германского и белофинского террора в Финляндии трудно установить, но даже по значительно преуменьшенным официальным данным число убитых достигло 40 тысяч человек. Кроме того, около

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-2, 1923, д. 276, лл. 13—14.

Корабли во льдах на пути в Кронштадт

15 тысяч человек было замучено в тюрьмах и концентрационных лагерях¹.

В такой обстановке оставшиеся в Гельсингфорсе моряки под руководством комиссара Б. А. Жемчужина вели упорную борьбу за спасение оставшихся там кораблей и имущества.

Германское командование, формально придерживаясь гангутского «соглашения», на деле всячески поощряло белофиннов на захват русских кораблей. Под предлогом того, что гарантия была дана только кораблям под военным флагом, немцы помогли белофиннам захватить все тральщики, госпитальные и вспомогательные суда и транспорты. Немцы захватили Свеаборгскую крепость, порт, склады боеприпасов и снаряжения, мотивируя это «военными соображениями». Все протесты оставались без последствий.

Захват кораблей производился самым наглым образом: личный состав выгонялся, флаги срывались, отбиралась провизия, деньги, расхищалось корабельное и личное имущество.

Вот один из многочисленных фактов. 20 апреля группа белофиннов во главе с немецким офицером захватила и разграбила миноносец «№ 220». Как сообщал командир миноносца, «...все замки с входных дверей в офицерское и унтер-офицерское помещение, также в носовое помещение команды и в подшихиперскую сбиты, и все помещения носят характер полного разгрома. Как выяснилось затем при ближайшем осмотре, из каюты командира оказались похищенными из взломанных ящиков письменного стола четверо стальных судовых часов, а из буфета похищен ящик консервов; в кают-компани все содержимое буфета и шкафов оказалось выброшенным на палубу, занавески были сорваны. Такой же разгром усмотрен и во всех других помещениях миноносца, причем имущество оказалось расхищенным»².

По отношению к личному составу флота немцы и белофинны применяли всяческие насилия.

Вечером 8 мая на территории Свеаборгского порта с санкции германского командования белофиннами был незаконно арестован комиссар при старшем морском на-

¹ Я. Крастынь, Финляндия под игом фашизма, стр. 10—11.

² ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918, д. 6, лл. 18—18 об.

чальнике в водах Финляндии, видный деятель большевистской партии Б. А. Жемчужин. Утром 9 мая Б. А. Жемчужин был расстрелян, несмотря на все протесты нашего морского командования.

Вот что рассказывает об обстоятельствах гибели Б. А. Жемчужина один из офицеров штаба старшего морского начальника в водах Финляндии:

«Тяжелое это было время. Опьяненные «победой» белофинны упивались властью, добытой при помощи немецких штыков. Трусливо прятавшиеся по разным углам буржуа с приходом немцев высоко подняли голову и развернулись вовсю. Началось поголовное истребление оставшихся в городе красногвардейцев. Без суда, без какого-либо намека на законность расстреливались сотни и тысячи рабочих по одному только подозрению в сочувствии «красным». Наш флот, его моряков-революционеров белогвардейцы ненавидели особенно сильно за братскую помощь и поддержку Красной гвардии. Маленькая кучка оставшихся в Финляндии судов Балтфлота, небоеспособных и разоружившихся согласно соглашению, заключенному в Ганге, с горстью оставшихся для охраны их русских моряков в полной мере испытали на себе эту ненависть.

Несмотря на гарантированную соглашением неприкосновенность оставшихся в Финляндии команд. русских моряков неоднократно хватали на улицах, и с каким трудом (и то не всегда) удавалось вырвать их из жадных рук белогвардейской своры.

С первых же дней белые с невероятной наглостью и цинизмом нарушали один за другим пункты соглашения, расхищая и грабя оставшееся русское имущество и захватывая наши суда. С приходом немцев глумлению и издевательствам не было предела...

Тов. Жемчужин¹ особенно мучительно переживал это время. Энергичный и деятельный, он не мог и не хотел примириться с ролью пассивного наблюдателя белогвардейского произвола. С нетерпением ждал он возможности вернуться в Россию, чтобы принять участие в кипучей и плодотворной работе, о которой до нас, почти отрезанных от своих строгой цензурой, доходили только отрывочные

¹ В документе фамилия дана неправильно — Жемчужный — Н. К.

сведения и слухи. Сколько раз в беседах в кают-компании штаба мечтал он об этом, твердо веря в конечную победу власти пролетариата и рисуя нам картины из будущей жизни на новых основаниях.

Но не суждено было дожить до этого времени и увидеть на деле то, во что он так твердо верил. Незадолго до нашего возвращения в Крошштадт, он, Жемчужин, был арестован и расстрелян... Произошло это так.

Тов. Жемчужин с кем-то из сотрудников штаба возвращался из города, куда они пошли за покупками. Часов около 6 вечера они подошли к воротам военного порта в Скатуддене. Обычно часовой, не читая пропуска, смотрел только на печать. В этот же день и накануне все выходявшие в город обратили внимание на то, что часовые внимательно разглядывали и прочитывали пропуска, переспрашивая фамилию (пропуска были именные). Только после выяснилась причина этого — очевидно, поджидали и подкарауливали тов. Жемчужина.

Когда он и его спутник предъявили свои пропуска, часовые вызвали караул, который окружил тов. Жемчужина. Его спутник попытался вступить в объяснения, но ему грубо приказали идти своей дорогой. Тов. Жемчужин спокойно попрощался с ним, говоря, что «это, вероятно, недоразумение», просил сообщить об этом старморначу и передал ему сверток со своими покупками (кусок мыла и пачка конвертов).

Вот как произошел этот гнусный факт. Не буду говорить, какое впечатление произвело на всех нас, знавших и любивших тов. Жемчужина, это сообщение. И память об этом будет жить...»¹.

Советские моряки никогда не забудут славное имя Жемчужина, отдавшего свою жизнь борьбе с врагами социалистического отечества.

Ввиду систематического нарушения условий Брестского мира и других соглашений со стороны германского командования в Финляндии Совет Народных Комиссаров 13 мая заявил германскому правительству, что очистка моря от мин, предусмотренная Брестским договором, не будет проводиться, пока немцы не возвратят захваченных кораблей. Немцы были вынуждены выполнить требование Советского правительства. Однако многие корабли,

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1917—1918 гг., д. 99, л. 4.

Эскадренный миноносец у стенок в Крошгадте после перехода из Гельсингфорса

захваченные белофиннами, немцы отказались вернуть, ссылаясь на то, что они являются собственностью Финляндии.

После длительной переписки и выполнения всяческих мелких полицейских формальностей, в начале мая начался уход из баз Финляндии оставшихся там кораблей.

2 мая прибыл отряд кораблей, базировавшихся на Котку: вспомогательный крейсер «Роксана», посыльные корабли «Эрос» и «Ильза», кабельный пароход «Молния», транспорты «Христиания» и «Балтония», пловучий маяк «Люзерорт» и 8 буксиров¹.

9 мая из Гельсингфорса прибыли: эскадренные миноносцы «Всадник», «Разящий», «Достойный», «Видный», «Гремящий», «Легкий»; заградители «Нина» и «Елена» и посыльное судно «№ 142»².

18 мая пришли минный заградитель «Нарова», канонерская лодка «Грозящий», эскадренный миноносец «Сильный», спасательное судно «Волхов», транспорт «Рига» и блокшивы № 2 и 9³. На кораблях было эвакуировано несколько тысяч советских граждан.

28 мая вышел из Гельсингфорса последний корабль — учебное судно «Память Азова» под флагом старшего морского начальника, пришедшее в Кронштадт 29 мая около 9 часов утра⁴. Вывод кораблей из Финляндии был закончен.

Всего было выведено 211 кораблей: 6 линейных кораблей, 5 крейсеров, 54 миноносца и эскадренных миноносца, 12 подводных лодок, 10 тральщиков, 5 заградителей, 15 сторожевых кораблей, 13 вспомогательных судов, 4 посыльных судна, 45 транспортов, 25 буксиров, 1 паром, 1 пловучий маяк, 7 ледоколов, 7 яхт и одно вспомогательное судно для подводных лодок.

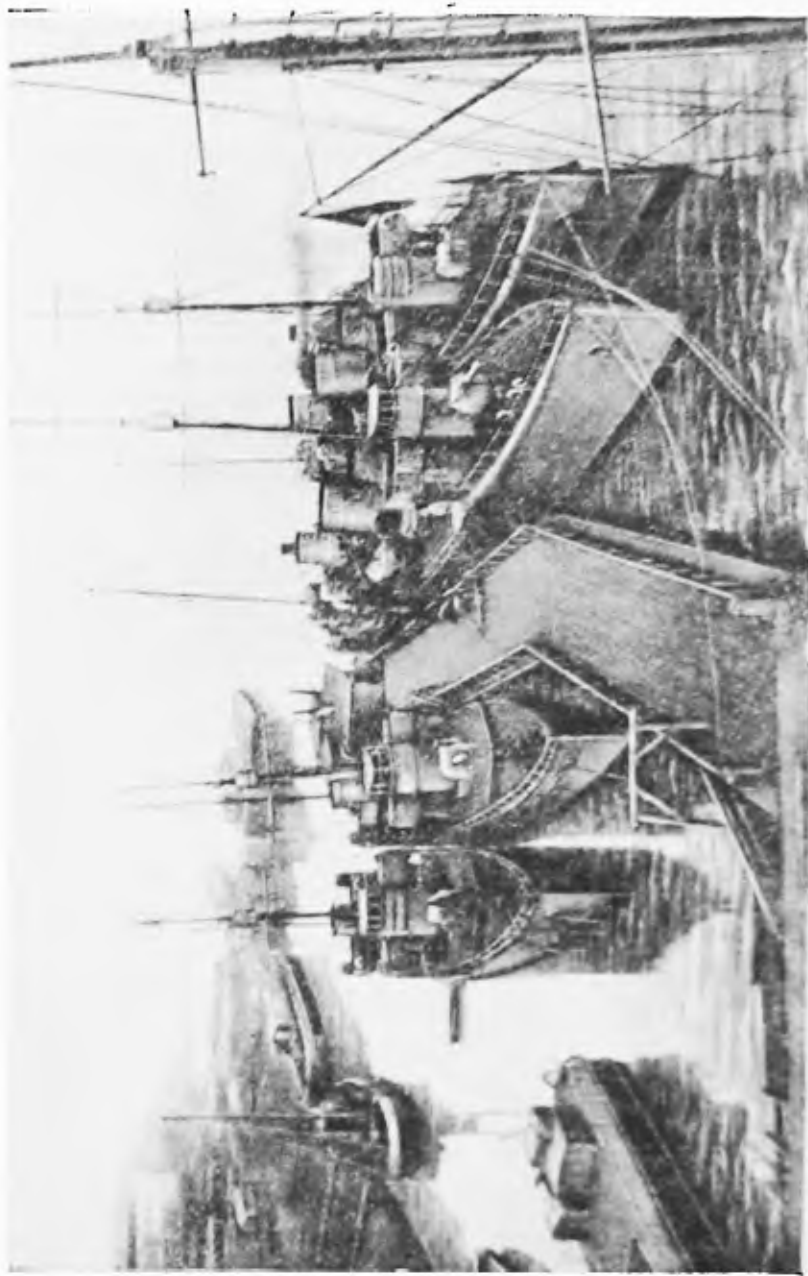
Таким образом, героическими усилиями моряков Балтийского флота, руководимых Коммунистической партией, в исключительно трудных и сложных условиях были спасены все крупные боевые корабли и почти полностью остальная часть корабельного состава флота, а также значительное количество ценного военного имущества.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918, д. 376, лл. 188, 231.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 408, л. 15.

³ Там же, л. 32.

⁴ «Морской сборник», 1938, № 4, стр. 86—87.

Група мачоносцев в Петрограде, прибывших из Гельсингфорса

Подводя итоги «Ледового похода», необходимо указать на те потери, которые понесла Советская республика в результате действий германских интервентов, белофиннов и их пособников — предателей Троцкого, Щастного и других.

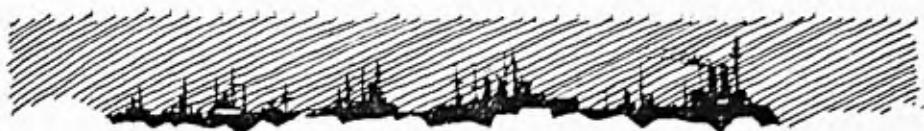
По неполным данным, полученным Морским генеральным штабом в августе 1918 г., «общая стоимость судов и пловучих средств, захваченных финляндским правительством в Гельсингфорсе, составляет по расценке довоенного времени 50 миллионов рублей (золотом). Стоимость всего этого имущества в настоящее время, когда ощущается недостаток как в металле, так и в топливе, а также принимая во внимание падение курса, следует увеличить по крайней мере в 15 раз (750 000 000 руб.). При этом не учтено обстоятельство, что задержка судов в чужом порту лишает возможности их эксплуатации, доход которой в одну навигацию составляет около половины стоимости, т. е. 375 000 000 руб.¹

В эту сумму не входит стоимость большого количества мелких кораблей и пловучих средств, а также всевозможного имущества, захваченного Финляндией в других портах (Або, Ганге, Котка, Мариенхамн, Выборг)².

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918, л. 17, л. 118.

² Там же, лл. 119—128, 130—131, 134—134 об., 140.

ГЛАВА III

ЗНАЧЕНИЕ «ЛЕДОВОГО ПОХОДА» ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

«Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 году явился первой стратегической операцией Советского Военно-Морского Флота. Успешное выполнение этой операции имело огромное значение для Советской страны.

Как известно, стратегические замыслы империалистов США, Англии, Франции и других стран в начальный период существования Советского государства заключались в том, чтобы удушить Советскую власть с помощью немецких штыков.

Германские империалисты, преследуя собственные агрессивные цели, охотно воспользовались предоставленной им возможностью.

Балтийский флот был серьезнейшим препятствием на пути осуществления этих разбойничьих планов. Именно этим объяснялось настойчивое стремление империалистов уничтожить Балтийский флот.

Успешным выполнением операции по перебазированию флота планы империалистов были сорваны, и в этом, наряду со спасением флота, состоит главное значение «Ледового похода».

После перехода основных корабельных сил в Кронштадт империалисты не оставили мысли об уничтожении Балтийского флота, но теперь главные надежды они возлагали на контрреволюционные элементы внутри нашей страны, главным образом на Троцкого и его ставленников.

Еще 12 апреля 1918 г. Троцкий дал командованию Балтийского флота директиву вступить в переговоры с белофинским правительством якобы с целью сохранения в неприкосновенности тех кораблей и запасов флота, которые нельзя было вывезти во время «Ледового похода»¹. На самом же деле эта директива способствовала передаче части кораблей и имущества немцам и белофиннам. С согласия Троцкого и его ставленников тральный флот и часть флотского имущества были переданы частным лицам под тем предлогом, что частное имущество не будет реквизировано немцами и белофиннами, а, следовательно, будет сохранено и впоследствии доставлено в Кронштадт. На деле же эти корабли и имущество попали в руки врагов Советской республики.

Менее удачной оказалась попытка Троцкого нанести урон торговому флоту. 24 апреля 1918 г. он от имени Народного Комиссариата по морским делам представил Совету Народных Комиссаров доклад, в котором предлагал все наши торговые суда в Балтийском море и 8 госпитальных судов, оставшихся в Гельсингфорсе, передать английскому правительству путем фиктивной продажи их Дании². Предложение Троцкого было отвергнуто.

В тесной связи с попытками врагов уничтожить Балтийский флот находится заслуживающий внимания факт, имевший место в конце мая 1918 г. О нем мы узнаем из воспоминаний М. Д. Бонч-Бруевича, бывшего в то время начальником Штаба верховного главнокомандующего. Вот что он сообщает:

«Через несколько дней после прибытия нашего Балтийского флота на Кронштадтский рейд ко мне пришел поручик английской королевской службы Сидней Рейли, который остался в Москве после отъезда английского военного представительства в качестве официального представителя. Рейли неоднократно приходил ко мне за разного рода мелкими справками, которые Штаб выдавал ему каждый раз с разрешения Троцкого. Такую меру предосторожности я принимал на том основании, что по моим сведениям Рейли являлся не только официальным представителем, но и разведчиком со стороны Англии.

¹ ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 86, л. 82.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 5, л. 103.

В этот приезд Рейли принес мне план Кронштадтского рейда с указанием на нем желательного расположения единиц Балтийского флота, начиная с дредноутов¹ и ниже. Рейли настаивал на том, чтобы наш флот был именно так расположен. Я сказал ему, что об этом будет доложено Высшему военному совету.

Рассмотрев чертеж Рейли, я пришел к заключению, что спроектированное им расположение кораблей не соответствует нашим интересам. Поэтому Балтийскому флоту была дана диспозиция другого содержания, а предложение Рейли, состоявшее в том, чтобы ввести весь флот в Неву, не было исполнено, о чем и было доложено Высшему военному совету»².

По времени с этим фактом совпадает директива Троцкого о затоплении кораблей Балтийского флота якобы для предотвращения прорыва германского флота к Петрограду. В. И. Ленин отменил эту директиву³.

После того, как попытка империалистов уничтожить Советскую республику с помощью германских штыков провалилась, правительства США, Англии, Франции и других империалистических стран приступили к осуществлению планов открытого военного нападения на нашу Родину.

В первой половине 1918 г. произошло объединение внешних антисоветских сил с внутренними контрреволюционными силами.

«Так сложилась иностранная военная интервенция против Советской власти, поддержанная контрреволюционными мятежами врагов Советской власти внутри России.

Так кончилась передышка и началась гражданская война в России, то-есть война рабочих и крестьян народов России против внешних и внутренних врагов Советской власти.

Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причем войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкрались

¹ Имеются в виду линейные корабли типа «Гангут». — Н. К.

² ИМЭЛС, Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. рукоп., т. III, д. 4, л. 1.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 326, 506.

эти «цивилизованные» разбойники и высадили свои войска на территорию России»¹.

Заодно с американскими, английскими, французскими и японскими империалистами действовали германские. Несмотря на заключенный с Советской республикой Брестский мир, они оккупировали Украину, Закавказье, Прибалтику и другие районы Советской страны.

Неблагоприятно сложившаяся на Черном море военная обстановка поставила Черноморский флот перед угрозой захвата его интервентами. Не видя никакой возможности спасти корабли, В. И. Ленин отдал распоряжение: ввиду безвыходного положения, доказанного всеми военными авторитетами, флот уничтожить немедленно.

18 июня 1918 года в районе Новороссийска моряки Черноморского флота затопили свои корабли. Взяв с собой моторные катера, они отправились защищать Царицын.

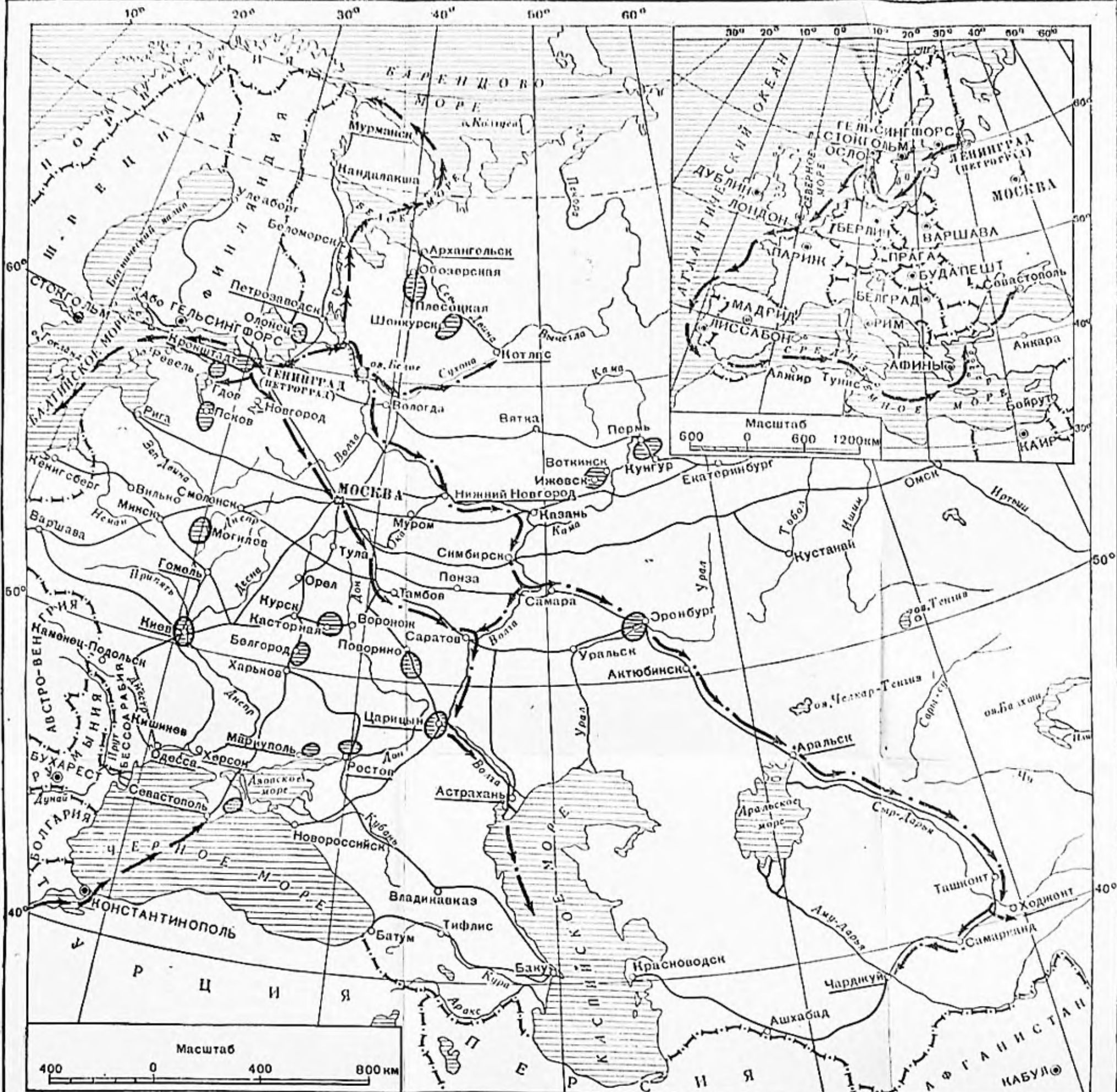
Северные и восточные порты Советской страны были захвачены вместе с находившимися там кораблями американскими, английскими, французскими и японскими интервентами. В распоряжении Советского правительства оставался только Балтийский флот, сохраненный в результате «Ледового похода».

В течение всего периода борьбы с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией и в последующие годы Балтийский флот являлся мощным резервом, за счет которого шло комплектование других флотов и многочисленных речных и озерных флотилий кораблями и опытными кадрами личного состава.

Первой была создана, в связи с образованием Восточного фронта, Волжская военная флотилия. Ее организация была поручена балтийскому матросу Н. Г. Маркину, назначенному комиссаром флотилии. В августе 1918 года из Балтийского моря были отправлены на Волгу эскадренные миноносцы «Ретивый», «Прыткий» и «Прочный», которые 27 августа прибыли в Казань и в составе Волжской флотилии, совместно с частями Красной Армии, приняли участие в боевых действиях по освобождению Казани и бассейна реки Камы.

В связи с тем, что к осени 1918 г. Южный фронт и Царицын приобрели важнейшее значение в обороне

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 216—217.

Условные обозначения

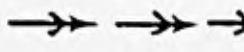

-
 Переброски миноносцев, подводных лодок, вооружения и техн. средств Балтийского флота по речам и железным дорогам в различные пункты страны для создания и укрепления флотилий в Гражданскую войну 1918-22 г.г.
-
 Переход кораблей Балтийского флота (лин. кор. "Парижская коммуна" и кор. "Профинтерн") из Кронштадта в Севастополь для усиления Черноморского флота (22.II-1929 - 18.01.1930 г.)
-
 Отряды балтийских моряков на сухопутных фронтах Гражданской войны 1918-1922 г.г.
-
 Переход кораблей Балтийского флота в Белое море для создания Северного флота в 1933 г.
-
 Астрахань Базы флота и флотилий в 1918-1922 г.г.

Схема 4. Балтийский флот — источник новых формирований Военно-морских сил

страны, в сентябре 1918 г. на Волгу были посланы из Балтийского флота эскадренные миноносцы «Поражающий», «Расторопный», «Деятельный», «Дельный», а затем пловучая мастерская, четыре подводные лодки и другие корабли. Эти корабли, укомплектованные в основном моряками-балтийцами, стали ядром военно-морских сил на Нижней Волге и Каспии.

К началу 1919 года в составе Астрахано-Каспийской флотилии находились следующие корабли Балтийского флота: эскадренные миноносцы «Фини», «Москвитянин», «Эмир Бухарский», «Дельный», «Деятельный», «Расторопный», «Прыткий», миноносцы «Прочный», «Решительный», подводные лодки «Макрель», «Миного», «Касатка», «Окунь»¹.

В октябре — ноябре 1919 года из Балтийского флота были посланы на Каспийское море эскадренные миноносцы «Украина», «Достойный», «Сторожевой» и сторожевые суда «Куница», «Выдра», «Горностай», «Ласка», «Хорек» и «Соболь». Эти корабли — участники «Ледового похода», действуя в составе флотилии, принимали активное участие в разгроме английских интервентов и их ставленников на юго-востоке.

Корабли Балтийского флота, переведенные на Ладожское озеро, приняли участие в боях против белофиннов, которые пытались окружить Петроград с востока и с севера, и оказали поддержку Онежской флотилии в момент разгрома врага у Видлицы.

Все виды вооружения и специального технического снабжения в течение всей гражданской войны брались почти исключительно из Балтийского флота. Отсюда же шло снабжение других флотов и флотилий оперативно-тактической документацией. Балтийский флот дал также большое количество вооружения для отрядов Красной Армии. На вооружение армии поступила значительная часть морской береговой и частично мелкокалиберной корабельной артиллерии, в большинстве случаев вместе с прислужкой. Моряки же оборудовали немало бронепоездов. Нередко флот выделял для частей Красной Армии из своих запасов винтовки, пулеметы, патроны и другое вооружение и боеприпасы.

¹ А. К. Селяничев, Волжско-Каспийская флотилия в борьбе за Каспий. 1918—1920, Военмориздат, М., 1952, стр. 55.

В 1918 году тысячи балтийцев сражались на Северном фронте (на шенкурском и обозерском направлениях), на Восточном фронте (на пермском, вятском и уфимском направлениях), под Царицыном и Астраханью, на Дону, на Кавказе, под Баку, в Закавказье, на Украине, на Урале и в Средней Азии. Много балтийцев воевало в составе партизанских отрядов, на бронепоездах, в частях Красной Армии.

В ожесточенных сражениях с врагами Советской республики почетную боевую славу заслужили отряды балтийских матросов, которыми командовали Железняков, Громов, Окунев, Петров-Полухин, Хохряков и многие другие отважные моряки Балтики.

Таким образом, в период гражданской войны корабли Балтийского флота и его кадры, сохраненные в результате успешного выполнения операции по перебазированию флота, сыграли значительную роль в разгроме иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

Балтийский флот был не только мощным резервом и базой, на основе которой в годы гражданской войны создавались многочисленные флотилии и боевые отряды, но и сам принимал активное участие в борьбе с иностранной интервенцией и белогвардейщиной на Балтике.

Весной и летом 1919 года обстановка под Петроградом была исключительно напряженной. На генерала Юденича империалисты возложили задачу — нападением на Петроград отвлечь силы Красной Армии с Восточного фронта.

Наступление Юденича велось во взаимодействии с американскими и английскими интервентами, наступавшими с севера на Петрозаводск, и с белофиннами, наступавшими на Олонец и Лодейное поле. С моря Юденича поддерживала английская эскадра, имевшая в своем составе более 100 кораблей, в том числе 12 крейсеров, 20 эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок, авиаматку, монитор, минные заградители, тральщики и другие корабли.

В развернувшихся боях за Петроград Балтийский флот оказал большую помощь Красной Армии.

4 июня 1919 года эскадренные миноносцы «Азард» и «Гавриил» в бою с превосходящими силами английского флота в Копорском заливе потопили неприятельскую подводную лодку.

Огромную роль сыграл Балтийский флот в разгроме контрреволюционного мятежа, организованного агентами интервентов на фортах Красная Горка и Серая Лошадь.

В проведенной Красногорской операции Балтийский флот был главной ударной силой, обеспечившей блестящий успех операции. Выполняя боевой приказ, линейные корабли «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсер «Олег», крепостная артиллерия кронштадтских фортов, взаимодействуя с авиацией, обрушили мощный огонь на мятежников. Одновременно по суше на мятежный форт наступали экспедиционные отряды моряков и сухопутных войск. В результате мощного удара балтийских моряков с моря и с суши Красная Горка была быстро возвращена Советской России.

После разгрома мятежа на Красной Горке войска фронта при поддержке отрядов балтийских моряков (всего до 6 тыс. человек) продолжали преследовать и громить противника вплоть до изгнания его из пределов Советской республики. Одновременно была проведена Видлицкая операция, ускорившая разгром интервентов к северу от Петрограда.

Так была ликвидирована угроза, нависшая над Петроградом летом 1919 года.

Оценивая деятельность Балтийского флота в этот период, И. В. Сталин говорил: «...Балтийские матросы вновь нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота. Без этих условий Петроград не был бы огражден от самых опасных неожиданностей со стороны моря»¹.

После разгрома Юденича на суше Балтийский флот продолжал надежно защищать подступы к Петрограду, срывая попытки английского флота проникнуть в восточную часть Финского залива.

В июне 1919 года подводная лодка «Пантера» потопила английский эскадренный миноносец «Витторно».

В августе того же года эскадренный миноносец «Гавриил», отражая нападение английских торпедных катеров на Кронштадт, метким огнем уничтожил три торпедных катера из семи, участвовавших в нападении; три другие катера, получившие серьезные повреждения, были потоплены самими англичанами.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 270.

В сентябре 1919 года на нашем минном заграждении погиб английский эскадренный миноносец «Верулам».

Онежская флотилия, проведя десантную операцию у станции Лижма, сорвала наступление противника на Петроград на петрозаводском направлении.

В период второго наступления Юденича на Петроград, осенью 1919 года, Балтийский флот попрежнему оказывал большую помощь войскам Красной Армии. На сухопутных фронтах сражалось более десяти отрядов моряков общей численностью в 11 тысяч человек. Артиллерия балтийских фортов и линейного корабля «Севастополь» сковывала действия английского флота и наносила ему большой урон.

В итоге боев на северо-западном стратегическом направлении летом и осенью 1919 года армия Юденича и войска интервентов были окончательно разгромлены. Английский флот потерял более трети своих сил на Балтийском море — 34 корабля, из которых 18 были потоплены и 16 получили серьезные повреждения.

Значительна роль Балтийского флота и в строительстве Военно-морских сил Советского государства.

Еще в ходе боев с Деникиным, когда части Красной Армии подходили к побережью Черного и Азовского морей, партия развернула работу по возрождению Черноморского флота и по созданию надежной береговой обороны на Черном и Азовском морях.

В январе 1920 г. при Южном фронте были созданы морские силы Черного и Азовского морей. Необходимые боевые средства и кадры военных моряков для них выделил Балтийский флот.

После победоносного завершения гражданской войны советский народ приступил к мирному социалистическому строительству.

Коммунистическая партия, мобилизуя советских людей на восстановление и развитие народного хозяйства, в то же время принимала необходимые меры к укреплению Красной Армии и Красного Флота.

Еще 23 октября 1920 года Совет Труда и Оборона принял специальное решение о восстановлении Балтийского флота. В этом подготовленном В. И. Лениным документе Совет Труда и Оборона поручил «Петроградскому Совету и специально Комитету Оборона Петро-

града обратить особое внимание на ускорение работ по восстановлению Балтийского флота».

В решениях десятого съезда партии, наметившего программу укрепления вооруженных сил страны, было уделено большое внимание и Военно-Морскому Флоту. В резолюции съезда говорилось: «Съезд считает необходимым, в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного военного Флота»¹.

Восстановление военно-морских сил было делом необычайно трудным. Интервенты причинили колоссальный ущерб военному и торговому флоту. На Севере и Тихом океане наши корабли были либо уведены, либо уничтожены. На Черном море часть кораблей была потоплена нами, часть — захвачена и уведена интервентами в иностранные порты. Всего было уничтожено, захвачено и уведено более 800 военных и торговых кораблей и судов. В портах, в которых побывали интервенты, полностью были расхищены вспомогательный флот, материально-техническое снабжение, разрушены береговые батареи, приведены в негодность оборудование баз, судоремонтные мастерские².

Единственным флотом, где сохранился основной корабельный состав и кадры военных моряков, был Балтийский. Но и он был значительно ослаблен. В течение многих лет, начиная с 1914 года, флот находился в постоянной боевой готовности, вел ожесточенные бои с врагами, не получая необходимого пополнения, не имея достаточной возможности восстанавливать материальную часть и пополнять запасы. Личный состав флота, начиная с октябрьских боев 1917 года, непрерывно уходил на многочисленные фронты гражданской войны. Многие балтийцы пали смертью героев в борьбе за власть Советов.

Но, несмотря на такое положение, Балтийский флот и в восстановительный период являлся главной составной частью Военно-морских сил Советского государства, оставаясь основным резервом, из которого шло пополнение кораблями, материальной частью и кадрами восстанавли-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 571.

² «Красный флот», 9 августа 1952 г.

ваемых флотов на Черном море, а затем на Тихом океане и на Севере.

В результате огромной работы по восстановлению флота уже к 1924 году на Балтике были введены в строй действующих кораблей линейный корабль «Марат» («Петропавловск»), крейсер «Аврора», учебный корабль «Комсомолец» («Океан») и многие миноносцы; на Черном море — крейсер «Коминтерн» и миноносцы.

В том же году «Аврора» и «Комсомолец» совершили первый большой поход из Кронштадта в Архангельск. На Тихий океан было переведено посыльное судно «Воровский».

Из года в год росло могущество нашей социалистической Родины. Вместе с тем укреплялись Красная Армия и Военно-Морской Флот.

К 1928 году закончилось восстановление Военно-морских сил и начался период их технической реконструкции. На вооружение флота стали поступать новые корабли, в том числе подводные лодки и торпедные катера — первенцы социалистической судостроительной промышленности. В эти годы Советское правительство, заботясь об укреплении обороны страны, перевело ряд кораблей Балтийского флота на Черное море и Тихий океан.

В ноябре 1929 года на Черное море были направлены линейный корабль «Парижская Коммуна» («Севастополь») и крейсер «Профинтерн» («Червона Украина»).

На созданный в 1932 году Тихоокеанский флот были направлены эскадренные миноносцы «Сталин» и «Войков».

В годы Великой Отечественной войны Военно-Морской Флот был верным помощником Советской Армии.

Советский народ никогда не забудет мужества и героизма, проявленных моряками Балтийского флота, который стойкой обороной своих военно-морских баз, огнем тяжелой артиллерии кораблей и фортов громил врагов под стенами Ленинграда, оказывая активное содействие частям Советской Армии. Мужественно сражались моряки Черноморского флота. Северный флот, взаимодействуя с войсками Карельского фронта, сыграл решающую роль в срыве вражеских планов по захвату Мурманска и всего Советского Заполярья. Отличную боевую выучку и храбрость проявили в борьбе с японскими империалистами моряки Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили роль Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне. И. В. Сталин, подводя итоги боевой деятельности Военно-морских сил, указывал:

«На Балтийском, Чёрном и Баренцовом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной»¹.

В боевых действиях Военно-морских сил в Великой Отечественной войне принимало участие немало боевых кораблей и моряков, участвовавших в историческом «Ледовом походе».

Свято храня лучшие боевые и революционные традиции, советские моряки зорко стоят на страже морских рубежей нашей могучей социалистической Родины.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1953, стр. 200.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материалов о деятельности Балтийского флота в период с конца 1917 года по май 1918 года дает возможность сделать следующие основные выводы.

Главной задачей, которую решал Балтийский флот в указанный период, являлось перебазирование всех кораблей с одной стратегической позиции (Рижский залив — Ревель и Або-Аланд — Гельсингфорс) на новую стратегическую позицию в восточной части Финского залива (Кронштадт — Петроград); при этом перебазирование являлось не просто переходом кораблей в сложных условиях, а ярко выраженной стратегической операцией.

В пользу такого утверждения говорят следующие обстоятельства.

В результате перебазирования был сохранен Балтийский флот, который являлся одной из главных ударных сил в борьбе с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией; перебазирование флота создавало устойчивость обороны северо-западного стратегического направления и подступов к Петрограду с моря и с суши, что улучшало общее военное положение Советской республики. Таким образом, по цели данная операция безусловно должна быть отнесена к разряду стратегических.

В операции участвовали почти все наличные силы Балтийского флота, в том числе 6 линейных кораблей, 5 крейсеров, 54 миноносца и эскадренных миноносца, 12 подводных лодок и многие другие корабли. Следовательно, и по составу участвовавших в ней сил данная операция является стратегической.

Операция по перебазированию флота отличалась большим размахом, характерным для операций страте-

гического масштаба: достижение конечной цели обеспечивалось успешным выполнением задач на отдельных этапах, которые сами по себе являлись отдельными операциями.

Операция проводилась под руководством Центрального Комитета Коммунистической партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина. Необходимость верховного руководства вызывалась исключительной сложностью международной и внутренней военно-политической обстановки, а также огромным значением флота для обороны Советского государства. Наличие верховного руководства, являвшегося одним из решающих условий успешного проведения операции, свидетельствует о принадлежности ее к разряду стратегических операций.

Мероприятия по обеспечению операции также выходили за рамки обычного обеспечения морских операций и затрагивали высшие области государственной политики, включая и дипломатические мероприятия.

Перебазирование Балтийского флота с одной стратегической позиции на другую не может быть отнесено по своему характеру к разряду типовых морских операций, точно так же, как не может быть сведено к переходу кораблей во льдах.

«Ледовый поход» проводился в условиях боевых поех со стороны противника, (неоднократные обстрелы кораблей артиллерией противника, нанесение бомбовых ударов по кораблям вражеской авиацией, захват ледоколов, высадки десантов немецких войск и т. д.). Кроме того, противник, имея на театре крупные морские и сухопутные силы, в любую минуту мог развернуть их для боевых действий, что требовало от личного состава флота поддержания постоянной боевой готовности и огромного напряжения сил. Наконец, «Ледовый поход» проводился в обстановке непрерывного и активного противодействия внешних и внутренних врагов Советской республики, целью которых было уничтожение Балтийского флота.

Изложенное выше свидетельствует о том, что «Ледовый поход» являлся стратегической операцией, а не просто переходом флота в сложных условиях.

Изучение документов и материалов позволяет выделить следующие этапы этой операции.

Подготовка операции. Началом этого этапа является получение командованием Балтийского флота директивы Коллегии Морского Комиссариата от 17 февраля 1918 года, отданной именем Совета Народных Комиссаров и определявшей цель, задачи, последовательность и в известной степени методы действий.

Наиболее значительные мероприятия этого этапа: свертывание базирования в районе Ревеля, перевод кораблей из Ревеля в Гельсингфорс, начало свертывания базирования в Финляндии и подготовка к перебазированию в район Кронштадт—Петроград (разделение кораблей на отряды, распределение личного состава, запасов и т. д.).

Этот этап охватывает период с 17 февраля до 12 марта 1918 года.

Выполнение операции — перебазирование флота из Гельсингфорса и других баз Финляндии на район Кронштадт — Петроград.

Содержанием этого этапа являются последовательные переходы 1, 2 и 3-го отрядов кораблей, судов и учреждений флота из баз Финляндии в Кронштадт и Петроград.

Продолжительность этого этапа — с 12 марта до конца мая 1918 г.

Сосредоточение всех сил флота в районе Кронштадт—Петроград, включение их в общую систему обороны северо-западного стратегического направления и подготовка их для дальнейших действий представляют собой конечный этап проведенной операции — развитие успеха, достигнутого в результате перебазирования сил флота, и переразвертывание их на новые направления вооруженной борьбы с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией.

Исключительное своеобразие и сложность условий, в которых проводилась операция, обусловили ряд характерных особенностей ее. Важнейшими из них являются следующие:

— Отсутствие детально разработанного плана операции и других оперативных документов, что обусловливалось быстрым изменением обстановки, несовершенством органов управления флотом, засоренностью их враждебными элементами.

— Неудовлетворительная организация оперативной разведки на театре в силу вредительской деятельности Щастного и его пособников не позволяла своевременно добывать разведывательные данные, необходимые для правильной оценки обстановки и принятия своевременных решений. Более того, дезинформация высшего командования и Советского правительства о фактических изменениях обстановки отрицательно влияла не только на планирование, но и на развитие операции в целом.

— Твердое централизованное верховное руководство, осуществлявшееся Советским правительством и В. И. Лениным лично. Непосредственное управление силами в операции со стороны командования флотом было явно недостаточным и существенно затруднялось наличием вражеских элементов на штабных и командных должностях.

Особенности подготовки. Обстановка требовала проведения операции в кратчайший срок. Однако этому мешали не только трудности технического характера, которых было немало, но главным образом открытое и скрытое противодействие противника и его агентуры.

Особенностью обеспечения данной операции являлась невозможность всестороннего его осуществления в необходимых масштабах, что объяснялось:

— отсутствием сухопутных советских войск в базах Финляндии, что лишало флот надежного прикрытия с суши;

— отсутствием разведывательной авиации;

— недостатком мощных ледоколов;

— ограниченностью сведений о ледовой обстановке вследствие ненадежности навигационно-гидрографической и метеослужбы;

— недостатком топлива и других видов снабжения.

Характерной особенностью данной операции было почти полное отсутствие маскировки, являющейся необходимым условием скрытности сосредоточения сил и сохранения в тайне направления, времени и факта проведения операции.

Наиболее важным и решающим видом обеспечения операции было политическое обеспечение.

Огромное значение политического обеспечения объяснялось сложной международной и военно-политической обстановкой, в которой проводилась операция.

В основе партийно-политической работы, проводившейся в Балтийском флоте в период выполнения операции, были ясные и близкие широким массам лозунги, директивы и указания Центрального Комитета большевистской партии и Советского правительства, которые являлись величайшей вдохновляющей, мобилизующей и организующей силой в борьбе за выполнение поставленной задачи.

Огромная партийно-политическая работа, проводившаяся партийными организациями и комиссарами, была направлена:

— на разъяснение личному составу Балтийского флота значения задачи сохранения флота для Советской республики;

— на организацию матросских масс и преданной советской Родине части офицерского состава для инициативного, творческого решения этой задачи;

— на повышение бдительности и организацию контроля за осуществлением конкретных мероприятий по выполнению операции;

— на решительное преодоление и подавление активного и скрытого сопротивления, саботажа и вредительства, вражеской пропаганды и других форм подрывной работы, проводившейся с целью срыва операции агентурой иностранных империалистов, контрреволюционным офицерством, эсерами, анархистами и прочими врагами партии и советского народа.

Непосредственными организаторами и руководителями партийно-политической работы были посланцы партии и Советской власти — комиссары, которые являлись подлинными вожаками матросских масс. Опираясь на крепкое партийное ядро во флоте, комиссары, в рядах которых были такие видные деятели большевистской партии, как Б. А. Жемчужин, большевики-подпольщики И. Д. Сладков, Т. И. Ульянов и другие, объединили широкие массы балтийцев в едином стремлении спасти Балтийский флот.

Партийно-политическая работа отличалась разнообразием форм и методов, которые определялись конкретными условиями и задачами, возникавшими в процессе ее выполнения. Наряду с массовыми формами (митинги, собрания) широко проводилась повседневная целеустремленная пропагандистская работа среди команд кораблей

и личного состава береговых частей в виде коллективных и индивидуальных бесед на палубе, в кубриках, в боевых частях, на берегу, в порту, в мастерских и т. д. Большое значение имел личный пример коммунистов.

Целеустремленная партийно-политическая работа обеспечила глубокое понимание личным составом флота задач, поставленных Коммунистической партией, Советским правительством, В. И. Лениным, сплотила массы вокруг партии и породила невиданную энергию и подлинно революционный энтузиазм, что в конечном итоге и решило судьбу операции.

«Балтийский флот, — писал К. Е. Ворошилов, — был спасен исключительно энергией и самоотверженностью моряков»¹.

¹ Приказ Революционного Военного Совета СССР о награждении Красного Балтийского флота орденом Красного Знамени от 23 февраля 1928 г., № 56. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 23 февраля 1928 г., № 46(3280).

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. ТРУДЫ В. И. ЛЕНИНА И И. В. СТАЛИНА

- Ленин В. И., Политическая борьба и политиканство. Соч., т. 6.
Ленин В. И., Царь против финского народа. Соч., т. 16.
Ленин В. И., Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов. Соч., т. 18.
Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
Ленин В. И., Военная программа пролетарской революции. Соч., т. 23.
Ленин В. И., Марксизм и восстание. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Письмо председателю Областного Комитета Армии, Флота и рабочих Финляндии. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Письмо питерской городской конференции. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Советы постороннего. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Заседание Центрального Комитета РСДРП 10(23) октября 1917 г. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Заседание Центрального Комитета РСДРП 16(29) октября 1917 г. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Письмо к товарищам. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Разговор с Гельсингфорсом по прямому проводу 27 октября (9 ноября) 1917 г. Соч., т. 26.
Ленин В. И., Речь на Первом Всероссийском съезде Военного Флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г., Соч., т. 26.

Ленин В. И., Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Соч., т. 26.

Ленин В. И., К истории вопроса о несчастном мире. Соч., т. 26.

Ленин В. И., Послесловие к тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира. Соч., т. 26.

Ленин В. И., Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г. Соч., т. 26.

Ленин В. И., Проект декрета о национализации морского и речного торгового флота 18(31) января 1918 г. Соч., т. 26.

Ленин В. И., Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию. Соч., т. 26.

Ленин В. И., О революционной фразе. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Социалистическое отечество в опасности! Соч., т. 27.

Ленин В. И., О чесотке. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Несчастный мир. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Тяжелый, но необходимый урок. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Проект постановления Совета Народных Комиссаров об эвакуации правительства. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Странное и чудовищное. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Серьезный урок и серьезная ответственность. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Седьмой съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. Соч., т. 27.

Ленин В. И., IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1918 г. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Очередные задачи Советской власти. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Тезисы о современном политическом положении. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. Соч., т. 27.

Ленин В. И., К питерским рабочим. Соч., т. 27.

Ленин В. И., Письмо к американским рабочим. Соч., т. 28.

Ленин В. И., VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Соч., т. 28.

Ленин В. И., Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Соч., т. 28.

Ленин В. И., Ценные признания Питирима Сорокина. Соч., т. 28.

Ленин В. И., Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч., т. 28.

Ленин В. И., VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Соч., т. 29.

Ленин В. И., VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г. Соч., т. 30.

Ленин В. И., Военная переписка 1917—1920. Госполитиздат, 1943.

Ленинский сборник, т. XI, XXXIV, XXXV.

Сталин И. В., Об условиях победы русской революции. Соч., т. 3.

Сталин И. В., Выступления на VI съезде РСДРП (больше-
виков) 26 июля—3 августа 1917 г. Соч., т. 3.

Сталин И. В., Американские миллиарды. Соч., т. 3.

Сталин И. В., Иностранцы и заговор Корнилова. Соч., т. 3.

Сталин И. В., Речь на заседании ЦК 16 октября 1917 г.
Соч., т. 3.

Сталин И. В., Речь на съезде финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. Соч., т. 4.

Сталин И. В., О независимости Финляндии. Доклад на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г. Соч., т. 4.

Сталин И. В., Выступление на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) по вопросу о мире с немцами 11 января 1918 г. Соч., т. 4.

Сталин И. В., Выступления на III Всероссийском съезде Советов Р., С. и К. Д. 10—18 января 1918 г. Соч., т. 4.

Сталин И. В., Октябрьский переворот и национальный вопрос. Соч., т. 4.

Сталин И. В., С Востока свет. Соч., т. 4.

Сталин И. В., Два лагеря. Соч., т. 4.

Сталин И. В., За два года. Соч., т. 4.

Сталин И. В., Резервы империализма. Соч., т. 4.

Сталин И. В., Из речи по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. Соч., т. 4.

Сталин И. В., О Петроградском фронте. Беседа с корреспондентом газеты «Правда». Соч., т. 4.

Сталин И. В., Три года пролетарской диктатуры. Доклад на торжественном заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 г. Соч., т. 4.

Сталин И. В., К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов. Соч., т. 5.

Сталин И. В., О Ленине. Речь на печере кремлёвских курсантов 28 января 1924 г. Соч., т. 6.

Сталин И. В., Об основах ленинизма. Соч., т. 6.

Сталин И. В., О перспективах революции в Китае. Соч., т. 8

Сталин И. В., Ответ С. Покровскому. Соч., т. 9.

Сталин И. В., О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1946.

Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина. Журнал «Большевик», 1947, № 3.

Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951.

Сталин И. В., Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952.

Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.

История ВКП(б). Краткий курс. М., 1952.

2. ДОКЛАДЫ, РЕЧИ И ТРУДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Булганин Н. А., Тридцать лет Советских Вооружённых Сил. Госполитиздат, 1948.

Булганин Н. А., Речь на XIX съезде ВКП(б). Госполитиздат, 1952.

Ворошилов К. Е., Ленин, Сталин и Красная Армия. Партиздат, 1934.

Ворошилов К. Е., Сталин и Вооружённые Силы СССР. Воениздат, 1950.

Поспелов П. Н., О XXVII годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Госполитиздат, 1951.

Свердлов Я. М., Избранные статьи и речи. 1917—1919. Госполитиздат, 1939.

Устав Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1952.

Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953). Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и ИМЭЛС при ЦК КПСС. «Правда», 26 июля 1953 г.

3. ПУБЛИКАЦИИ

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I, изд. 7-е, М., 1953.

«Волна», № 80, 20 июля 1917 г.

«Голос Правды», № 31, 22 апреля (5 мая) 1917 г.; № 83, 7 июля 1917 г.

Гражданская война в Финляндии (1918 г.), «Красный Архив», 1940, № 2(99), стр. 15—51.

Дипломатическая переписка в связи с выполнением Брестского договора. «Международная политика и мировое хозяйство», 1918 г., № 4, стр. 72—79.

Документы Великой пролетарской революции, т. I, М., «История гражданской войны», 1938.

«Звезда», № 30, 30 ноября 1917 г.

«Известия ВЦИК», 1918, 7(20) марта, 16(29) марта, 22 марта (4 апреля).

«Известия Кронштадтского Совета», № 91, 9 июля 1917 г., № 156, 28 сентября 1917 г.

«Красный Балтийский флот», 1919, № 27.

«Правда», 1918, № 6, 9(22 января); № 28, 4(17) февраля; № 33, 23 февраля; № 36, 27 февраля; № 42, 6 марта; № 44, 8 марта; № 46, 10 марта; № 53, 20 марта; № 124, 21 июля; № 125, 22 июля.

Приказ Революционного Военного Совета СССР, 23 февраля 1928 г., № 56, «Известия ЦИК СССР», 23 февраля 1928 г., № 46 (3280).

Систематический сборник постановлений, изданных по Народному Комиссариату по морским делам с 25.X.1917 г. по 31.XII 1918 г., М., 1919 г.

Фальсификаторы истории (Историческая справка). Госполитиздат, 1948.

4. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ)

Фонд Р-2, 1923 г., дело № 276.

Фонд Р-8, 1918 г., дела № 19, 20, 31, 36, 61.

Фонд Р-9, оп. 1, 1918 г., дело № 376.

Фонд Р-22, 1918 г., дело № 1.

Фонд Р-28, 1918 г., дело № 19.

Фонд Р-29, 1918 г., дела № 11, 28, 36, 37.

Фонд Р-42, 1918 г., дела № 1, 6, 17.

Фонд Р-92, оп. 1, 1918 г., дела № 349, 360, 376, 380.

Фонд Р-94, оп. 1, 1918 г., дело № 376.

Фонд Р-95, дела № 4, 5, 15, 21, 32, 42, 63, 64, 126, 194.

Фонд Р-96, 1917 г., д. 58; 1918 г., дело № 1, 6.

Фонд Р-172, оп. 2, 1918 г., дела № 75, 663, 823, 2094, 2183, 2703.

Фонд Р-196, 1918 г., дело № 2.

Фонд Р-306, 1918 г., дело № 3.

Фонд Р-342, дела № 86, 93, 97.

Фонд Р-418, 1918 г., дела № 14, 23866, 23884, 24690.

Фонд Р-558, дело № 26.

Фонд 2306, 1918 г., дело № 11.

Справочная библиотека, дела № 7319, 7180.

Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (ЦГАОР)

Фонд 130, оп. 1, дело № 17; оп. 2, дела № 1, 5, 408, 415, 491,
783.

Фонд 359, оп. 1, дела № 3, 5, 17.

Фонд 529, дело № 17.

Фонд 929, дела № 1, 3, 14, 17.

Фонд 1235, оп. 40, дело № 83.

Центральный Государственный Архив Красной Армии (ЦГАКА)

Фонд 1, оп. 1, дело № 3; оп. 2, дела № 3, 117.

Фонд 25888, оп. 5, дела № 3, 9, 57, 126.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС (ИМЭЛС)

Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР».

Фонд рукописей, т. II, папка 7, дела № 12/6718, 35; т. II, ч. 2, папка 3, дело № 19; т. III, дело № 4.

Фонд переводов, т. II, папка 1, дело № 3.

Центральный военно-морской музей Военно-морских сил (ЦВММ)

Рукописный фонд, д. Р-288, П. В. Гельмерсен, Военно-политическая обстановка на Балтийском море в 1917—1918 гг. (по личным воспоминаниям и документам). Рукопись.

Инженер П. Г. Кононов, Ледовый поход, рукопись.

Фотофонд, негативы с подлинных документов: № 1706-а, 1706-в, 1706-с, 1706-д, 1706-е, 1706-к; негативы № 1704, 2195, 2197, 2200, 2202, 2220, 2216, 2221, 2223, 2224, 2603, 2605, 2606, 2608, 2611, 2613, 2615, 2619, 2752, 2757, 4233, 6959.

5. ВОСПОМИНАНИЯ

Боровиков Г., Жили одной мыслью — победить. «Ленский шахтер» (Бодайбо, Иркутск. обл.), 4 июля 1939 г.

Вилин А., Ледовый поход Балтфлота. «Крестьянская правда», 12 апреля 1938 г.

Дмитриев К., «Кораблей не отдадим!» (Воспоминания участника Ледового похода Балтийского флота). «Красный флот», 12 апреля 1938 г.

Дымман Е., На канонерской лодке «Грозный» в дни нападения Гельсингфорса (Воспоминания очевидца). «Красный флот», 1925, № 3, стр. 97—99.

Есин Н., Бегство из плена рулевого старшины ледокола «Волинец» Есина. «Звезда», 1933, № 2—3, стр. 125—129.

Есин Н., 10-летие ледяного похода Балтфлота. «Красный флот», 1928, № 7, стр. 40—43.

Есин Н., Как произошел захват «Волинца» белофиннами. «Красный флот», 1928, № 11—12, стр. 100—103.

Краснов Г., Ледовый поход. Краснофлотская газета «Товсь», № 25, 15 марта 1944 г.

Наддачин Н., Сквозь льды и туманы. Из воспоминаний участника похода. «Фрунзевец», № 24, 11 марта 1948 г.

Сох А., Ледовый поход Балтийского флота. «Красный Карачай» (Микоян-Шахар), 22 февраля 1938 г.

Стеценко И. Я., Ледовый поход. (Из воспоминаний участника.) «Рабочий Кронштадт», 18 апреля 1937 г.

Тайми А., Страницы пережитого. Гос. изд. Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1949.

Ховрин, Ледовый поход (Боевые записки). «Сталинец» (Ростов-на-Дону, з-д Ростсельмаш), 1 августа 1939 г.

Хонин К., Немецкие интервенты просчитались. «Красный флот», 12 апреля 1938 г.

Ш. Занятие немцами Ганге (От корреспондента «Огонька»). «Огонек», 1918, № 3.

Шкред А. А., Ледовый поход Балтфлота. «Гудок», 24 февраля 1938 г.

Яковлев И., «Ледовый поход» торгового флота. «Морской сборник», 1935, № 4, стр. 106—109.

Янкович В., Ледовый поход. «Красный флот», 30 марта 1938 г.

ЛИТЕРАТУРА

Амурский И., Ледовый поход. В кн. «Флот в боях за Родину», Л., Военмориздат, 1938.

Андреев В., Крах германских завоевательных планов на Востоке (1914—1918). «Военная мысль», 1942, № 1.

Багри Р. И., 30 лет Ледового похода (1918—1948). Изд. Центрального военно-морского музея, Л., 1948.

Балтийский флот. «Большая Советская Энциклопедия», 2-е изд., т. 4, стр. 155—159.

Березкин А., США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). Изд. 2. Госполитиздат, 1952.

Быков П. Д., Переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт зимой 1918 г. «Морской сборник», 1923, № 11, стр. 13—29.

Вотинков А., Тойво Антикайнен. Краткий биографический очерк. Гос. изд. Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947.

Гражданская война в СССР. Материалы и документы под ред. П. А. Бологова, ч. 3—5. Изд. Военно-морской Академии им. К. Е. Ворошилова, Л., 1939.

Гулыга А., Начальный период антисоветской интервенции США (1917—1918 гг.). «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 3—25.

Гулыга А., Геронимус А., Крах антисоветской интервенции США (1918—1920). Учпедгиз, М., 1952.

Есин Н., Заслуги «Ермака». «Красный флот», 1928, № 3—4, стр. 93—95.

Жмакин Д., Ледовый поход. «Партийно-политическая работа в ВМФ», 1941, № 3, стр. 14—18.

Звоначев Б. и Баранчук В., Ледовый поход. (К 20-й годовщине перехода Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт.) «Морской сборник», 1938, № 4, стр. 76—87.

Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР. «Большая Советская Энциклопедия», 2-е изд., т. 18, стр. 175—211.

История дипломатии, т. II. Госполитиздат, 1945.

История гражданской войны в СССР, под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова и И. Сталина, 2-е изд., т. 1—2, М., 1939—1947.

Кобыльских С., Ледовый поход. «Комсомольская правда», № 83, 11 апреля 1938 г.

Крастынь Я., Финляндия под игом фашизма. Изд. АН СССР, М.—Л., 1942 (Институт истории Академии наук СССР).

Кунина А. Е., Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. Госполитиздат, 1951.

Куусинен О., Финляндия без маски. Госполитиздат, 1943.

«Ледовый поход Балтийского флота 1918 г.», Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 24, стр. 435—436.

Ледовая операция Балтийского флота. Беседа с адмиралом флота в отставке И. С. Исаковым. «Огонек», 1953, № 8, стр. 10.

Лоция Балтийского моря, ч. I. Финский и Рижский заливы с Мухувейном. Изд. Гидрографического управления ВМФ, Л., 1938.

С. О. Макаров и завоевание Арктики. Изд. Главсевморпути, М. — Л., 1943.

Марков С., Январская революция и гражданская война в Финляндии (1918 г.). «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 36—49.

Пантелесев, Арапов, Калмыков, Палилов, Ледовый поход. (К 15-й годовщине перехода Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт). «Морской сборник», 1933, № 4, стр. 94—103.

Петров М. А., Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства, Л., 1927.

Рейхберг Г. и Ольша Р., Международный пролетариат в борьбе против интервенции в СССР. 1917—1922 гг. Воениздат, М., 1941.

Русское военно-морское искусство. Сборник статей. Военмориздат, 1951.

Селиванов В., Ледовый поход Балтийского флота. «Пропаганда и агитация», 1948, № 6, стр. 31—39.

Соболев Л., Краснознаменная Балтика. М. — Л., Военмориздат, 1940.

Советское военно-морское искусство. Сборник статей. Военмориздат, 1951.

Сорокин М. Я. и Лурье А. Я., «Ермак» ведет корабли. Изд. Главсевморпути, М. — Л., 1951.

С. П. Б. Боевая деятельность Балтийского флота после Октября. «Морской сборник», 1922, № 1—2, стр. 57—81.

Талейский Н. А., Первая мировая война (1914—1918). Госполитиздат, 1944.

Тарасов В. В., Борьба с интервентами на Мурмане в 1918—1920 гг. Лениздат, 1948.

Темкин Я. и Черняк Е., Разбойничий путь американских агрессоров. Исторический очерк. Воениздат, 1952.

Ульянов А. Д., Военное искусство пролетариата в вооруженном восстании. Военно-политическая ордена Ленина Краснознаменная Академия имени В. И. Ленина, М., 1952.

Федоров А. М., Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (ноябрь 1917 — февраль 1918). Воениздат, М., 1940.

Флот в боях за Родину. Сборник статей. Военмориздат, Л., 1938.

Флот нашей Родины. Военмориздат, 1940.

Хесин С. С., Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг. Военно-политический очерк. Воениздат, 1949.

Хесин С. С., Военные моряки в борьбе за власть Советов. (Октябрь 1917 г. — март 1918 г.) Военмориздат, 1953.

Шелюбский А., Военно-морской революционный комитет 1917 г. «Вопросы истории», 1948, № 10, стр. 88—93.

Шишкин А. Г., Операции подводных лодок на Балтийском море в гражданскую войну. (Материалы для исторического описания.) «Морской сборник», 1936, № 12, стр. 91—101.

Юнга Е., Ледовый поход. Военмориздат, М.—Л., 1941. (Боевая библиотека краснофлотца.)

Юнга Е., Ледовый поход. Исторический очерк. Изд. Центрального военно-морского музея, Л., 1948. (Матросские чтения).

Юнга Е., Ледовый поход Балтийского флота в 1918 году. В сборнике статей: Советское военно-морское искусство. Военмориздат, 1951, стр. 76—92.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА (ПЕРЕВОДНАЯ)

Гофман, Война упущенных возможностей. ГИЗ, М.—Л., 1925.

Людендорф Э., Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Пер. с 5 нем. изд., т. 2, ГИЗ, 1924.

Сейерс М. и Кан А., Тайная война против Советской России. Изд. иностранной литературы, М., 1947.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Bayer, F. Das deutsche Einschreiten in Finland. 1918 als völkerrechtmässige Intervention. Braunschweig. 1928.

Goltz, von der, graf. Meine Sendung in Finland und im Balticum. Leipzig. 1920.

Gösta off Gehjerstam. Finska Bataljonen. Stockholm. 1918.

Graf, H. La marine russe dans la guerre et dans la révolution. 1914—1918. Paris. 1928.

Hellferich, K. Der Weltkrieg. Bd. 3. Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch. Berlin. 1928.

Lüdendorff. Kriegsführung und Politik. Berlin. 1922.

Öhquist, J. Das Löwenbanner. Das deutsche Volkes Aufstige zur Freiheit. Berlin. 1923.

Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia (in three volumes). Publications of the Department of State.

СПИСОК СХЕМ

- Схема 1. Переход кораблей из Ревеля в Гельсингфорс (стр. 90)
 Схема 2. Переход I отряда кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт (вклейка между стр. 112—113)
 Схема 3. Переход II и III отрядов кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт (вклейка между стр. 144—145)
 Схема 4. Балтийский флот — источник новых формирований Военно-морских сил (вклейка между стр. 192—193)

(Схемы составлены по материалам III тома
 „Морского атласа“ А. И. Тананковой).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>Стр.</i>
Ледокол „Ермак“ форсирует тяжелые льды	83
Записи в вахтенном журнале крейсера „Баян“ от 25 (12) февраля 1918 г.	86—87
Торговые суда на переходе из Ревеля в Гельсингфорс . .	89
Комиссар Балтийского флота Б. А. Жемчужин	111
Крейсер „Адмирал Макаров“ выходит из Гельсингфорса 12 марта 1918 г.	114
Ледокол „Ермак“ ведет бригаду линейных кораблей	115
Переход линейных кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт. С картины худ. Никитина	116
Подводная лодка „Рысь“, затертая льдом на переходе в Кронштадт	143
Группа участников „Ледового похода“	163
Торосы в Финском заливе	171
Ледокол „Ермак“ проводит во льдах группу транспортов .	175
Транспорты на переходе из Гельсингфорса в Кронштадт .	177
Фарватер, проложенный во льдах посыльным судном „Кречет“	179
Корабли во льдах на пути в Кронштадт	181
Эскадренный миноносец у стенки в Кронштадте после перехода из Гельсингфорса	185
Группа миноносцев в Петрограде, прибывших из Гельсингфорса	187

(Фотографии воспроизведены со снимков участников „Ледового похода“; оригиналы хранятся в Центральном военно-морском музее).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК

АВАРИИ И ПОВРЕЖДЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫХ КОРАБЛЯМИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ГЕЛЬСИНГФОРСА В КРОНШТАДТ В 1918 ГОДУ

№ по пор.	Наименование корабля	Описание повреждений	Столкновения с другими судами
1	Эскадренный миноносец „Автроил“.	Лопнул, а затем сломался совсем форштевень.	
2	Эскадренный миноносец „Лейтенант Ильин“.	Сломался форштевень и разошлись швы.	
3	Эскадренный миноносец „Сибирский стрелок“.	Сдвинут вал, почему заливало машинное отделение столь сильно, что воду откачивали буксиры.	
4	Эскадренный миноносец „Стерегущий“.	Пробоина в машинном отделении, отчего его заливало так сильно, что воду откачивали буксиры.	Транспорт „Печора“ таранил и пробил борт.
5	Эскадренный миноносец „Войсковой“.	Свернут форштевень на 90°.	
6	Эскадренный миноносец „Инженер-механик Зверев“.	Загнут форштевень. Течь в носовом отсеке. Сломаны две лопасти правого вента и поломаны края лопастей и искажен левый вент.	Коснулся эскадренного миноносца „Внушительный“.

№ по пор.	Наименование корабля	Описание повреждений	Столкновения с другими судами
7	Эскадренный миноносец „Внушительный“.	Погнут форштевень. Течь в носовом отсеке. Сломаны две лопасти правого винта. Обломаны и загнуты концы лопастей обоих винтов. Сломан правый отвод.	Эскадренным миноносцем „Инженер-механик Зверев“ снесен правый отвод.
8	Эскадренный миноносец „Выносливый“.	Сломаны два буксирных клюза и фор-стенга. Гречется холодильник.	
9	Эскадренный миноносец „Боевой“.	Лопнул форштевень, вмятины с обоих бортов. Лопнули и погнуты тяги рулевого привода. Лопнуло несколько шпангоутов. Сдвинут холодильник, лопнула труба холодильника, сдвинут отливной кингстон. Течь в машинном отделении.	
10	Эскадренный миноносец „Инженер-механик Дмитриев“.	Сильная течь в минном погребе. Сдвинут форштевень. Потеряны оба якоря, кои были сброшены для облегчения носовой части.	
11	Эскадренный миноносец „Бурный“.	Свернут таран. Пробойна в носу, отчего затопило носовой отсек и патронный погреб.	
12	Эскадренный миноносец „Деятельный“.	Поврежден таран, погнуты винты, помяты борта. Небольшая течь.	
13	Эскадренный миноносец „Дельный“.	Погнут таран, сорван и сброшен в воду якорь и часть каната. Сорваны клюз и кнехт. Пробит борт в трех местах. Погнут отвод.	Эскадренным миноносцем „Забияка“, пройдя вплотную, пробил борт. Транспорт „Тамара“ погнул отвод.

№ по пор.	Наименование корабля	Описание повреждений	Столкновения с другими судами
14	Эскадренный миноносец „Сторожевой“.	Свернут таран и затоплено таранное отделение. Течь в переборке канатного ящика. Сломан правый кнехт и вырван полуклюз, погнуто перо руля. Сильно повреждены винты. Значительная течь в кормовой провизионной.	
15	Эскадренный миноносец „Расторопный“.	Сорван полуклюз и погнуты лопасти винтов.	
16	Эскадренный миноносец „Меткий“.	Сильная течь в кормовом отделении, почему оно заливалось водой.	
17	Эскадренный миноносец „Ловкий“.	Небольшая течь в таранном отделении.	
18	Эскадренный миноносец „Крепкий“.	Выскочила и ослабла некоторая часть заклепок в подводной части и в носу. Течь в кормовом отделении.	Сторожевое судно „Соболь“ ударило в корму.
19	Эскадренный миноносец „Молодецкий“.	Течь в корме из-за разошедшихся швов. Вывернута лапа отвода. Обломаны концы лопастей гребных винтов.	
20	Эскадренный миноносец „Искусный“.	Потерян левый винт, обломаны наполовину все лопасти правого винта. Сломаны правый трап и бушприт, помят левый отвод.	Тральщик „Ударник“ сломал правый трап. Миноносец ударил „Буки“, почему сломан бушприт.
21	Эскадренный миноносец „Лихой“.	Течь в кормовом и таранном отделениях. Лопнула трубка в котле. Сломан левый отвод.	Транспорт „Иже“ сломал отвод.

№ по пор.	Наименование корабля	Описание повреждений	Столкновения с другими судами
22	Подводные лодки.	Повреждения в поса- вых систернах, горизон- тальных рулях, виштах и крышках минных ап- паратов.	
23	Сторожевое судно „Китобой“.	Сломан фальшборт на корме.	Эскадренный миноносец „Крепкий“ прорезал фальшборт.
24	Сторожевое судно „Намет“.	Сломан румпель.	
25	Сторожевое судно „Ястреб“.	Главная машина раз- работалась. Параллели разошлись на 1/4". Течь в дейдвуде. Все шатает- ся. Течь в угольной яме по правому борту и в носовой балластной си- стерне. Гакаборт помят. Погнута площадка для сбрасывания мин. Сло- маны грот-стенъга, шлюп-балки и стойки с обоих бортов.	
26	Посыльное судно „Кречет“.	Поломаны кнехты, шпили и клюзы. Стал на мель у маяка Ранкэ, отчего получил пробои- ну. Течь небольшая.	
27	Посыльное судно „Руслан“.	Сломано два кнехта. Поломан бортовой ил- люминатор. Согнут и ме- стами поломан фальш- борт. Повело шток ЦСД главной машины.	Посыльное суд- но „Кречет“ про- чертило по борту и сломало иллю- минатор.
28	Посыльное судно „Ворон“.	Стало на мель около острова Кариэ-Сари, пробоины не получило.	Снялся с мели при помощи сто- рожевого судна „Хорек“.
29	Яхта „Штан- дарт“.	Стала на мель у мая- ка Ранкэ, пробоины не получила.	

№ по пор.	Наименование корабля	Описание повреждений	Столкновения с другими судами
30	Яхта „Полярная звезда“.	Коснулась мели у маяка Ранкэ. Две пробоины ниже ватерлинии по левому борту против кочегарки.	
31	Транспортная мастерская „Ангара“.	Коснулась мели у маяка Ранкэ.	
32	Транспорт „Н“.	Сломал все лопасти винта.	
33	Транспорт „Мыслете“.	Коснулся камней.	
34	Транспорт „Буки“.	Потерял винт.	
35	Транспорт „Оркан“.	Потерял винт.	
36	Транспорт „Слово“.	Сломал винт.	
37	Транспорт „Добро“.	Коснулся мели, получил вмятину в подводной части и течь.	
38	Заградитель „Лена“.	Повреждение в машине.	

ЦГАВМФ, ф. Р-2, 1923 г., д. № 276, лл. 13—14.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава I. Военно-политическая обстановка на Балтийском театре в начале 1918 года	10
1. Балтийский флот — цитадель большевистской партии	—
2. Международное и внутреннее положение Советской республики в период заключения Брестского мира	31
3. Создание Красного Балтийского флота	46
4. Роль Балтийского флота в обороне Петрограда. Необходимость перебазирования флота	54
Глава II. Подготовка и проведение стратегической операции по перебазированию Балтийского флота в восточную часть Финского залива	76
1. Подготовка операции. Вывод части флота из Ревеля в Гельсингфорс	—
2. Переход первого отряда кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт	90
3. Переход второго отряда кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт	117
4. Переход третьего отряда кораблей. Вывод оставшихся кораблей из Финляндии	145
Глава III. Значение «Ледового похода» для укрепления обороны Советского государства	189
Заключение	200
Библиография	206
Список схем	216
Список иллюстраций	—
Приложение: Список аварий и повреждений, полученных кораблями при переходе из Гельсингфорса в Кронштадт в 1918 году	217

Николай Сергеевич Кровяков
«Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 году

Редактор *Н. И. Соловьев*
Художественный редактор *Г. В. Гречиго*
Художник-оформитель *В. И. Бродский*
Технический редактор *Н. Э. Левинская*
Корректор *Н. И. Петухова*

Сдано в набор 27.11.54.

Подписано к печати 4.05.55.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂

— 7 печ. л. = 11,48 усл. печ. л.

+ 3 вклейки ²/₃₂ печ. л. = 0,923 усл. печ. л.
12,303 уч.-изд. л.

Г-12115.

Военное Издательство
Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18.
Изд. № 4/383. Зак. 541.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР

Цена 7 р. 15 к.

Цена 7 р. 15 к.